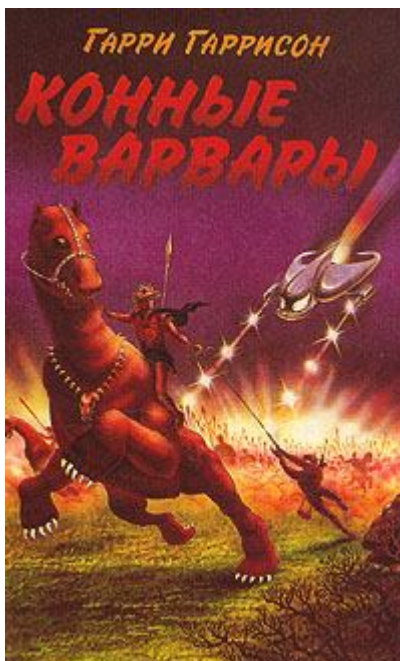

Гарри Гаррисон Конные варвары

Мир смерти – 3

Перевод: Д. Арсеньев

И вот Язон динАльт вновь ввязывается в очередную авантюру. Компанией «Джон Компани» найдена планета, богатая залежами урана, по иронии судьбы названная «каким-то молокососом из первопоселенцев» – Счастье. Но как выяснилось, она более смертоносна, чем Пирр. Её населяют конные варвары – люди, тысячелетиями воспитывавшиеся для нападений, убийств и разрушений безо всякой мысли о последствиях. Язон решает дать своим друзьям пиррянам вторую, богатую на ископаемые и опасности родину.

Глава 1

Дежурный лейтенант охраны Таленк опустил электронный бинокль и принялся регулировать его увеличение, чтобы компенсировать уменьшение яркости света. Сверкающее белое солнце зашло за толстый слой облаков, был близок вечер, однако в окулярах бинокля по-прежнему было видно четкое изображение черно-белой волнообразной равнины. Таленк негромко выругался, водя взад и вперед тяжелым прибором. Трава, колеблющийся, покрытый инеем океан травы. Больше ничего.

– Простите, сэр, но я ничего не видел, – неохотно сказал часовой. – Все как обычно.

– Зато я видел – и этого достаточно. Там что-то двигалось, и я должен выяснить, что это было. – Он опустил бинокль и глянул на часового. – До темноты часа полтора, и времени достаточно. Скажите дежурному офицеру, куда я пошел.

Часовой открыл рот, собираясь заговорить, но промолчал. Не стоит давать советы лейтенанту охраны Таленку. Когда ворота в проволочном заграждении раскрылись, Таленк

взял лазерный пистолет, прикрепил к поясу сумку с гранатами и пошел – человек, уверенный в своих силах, победитель многочисленных схваток, ветеран, владеющий всеми способами обороны. Он был уверен, что в этом необъятном просторе равнины нет ничего, с чем бы он не мог справиться. Он видел движение, он был уверен в этом – слабое движение, замеченное краем глаза. Это могло быть животное, это могло быть что угодно. Его решение произвести разведку было вызвано, как скукой караульной службы, так и просто любопытством. Или чувством долга. Он одиноко шагал по хрустящей траве и обернулся лишь раз, чтобы взглянуть на окруженный проволочной изгородью лагерь. Горстка низких зданий и навесов, скелет буровой вышки над ними, все покрывала тень похожего на утес космического корабля, но даже он ощутил всю незначительность одинокого лагеря, заброшенного в необозримую пустую равнину. Он фыркнул и отвернулся. Если здесь что-то скрывается, он это обнаружит.

В ста метрах от изгороди был небольшой откос, окруженный естественными валами – неровность поверхности, незаметная из лагеря. Таленк забрался на вершину вала и, заглянув вниз, увидел группу всадников, скрывающихся в углублении.

Он немедленно отпрянул назад, но сделал это недостаточно быстро. Ближайший всадник пробил своим длинным копьём икру ноги Таленка и подтянул лейтенанта к краю вала. Таленк, падая, выхватил пистолет, но второе копьё ударило его в руку и пробило ладонь, пригвоздив ее к земле. Все произошло довольно быстро, в одну-две секунды, волна боли еще не накрыла его, и он попытался включить свой радиопередатчик. Третье копьё, пробив запястье, пригвоздило и вторую руку.

Прибитый к земле, раненый, ошеломленный, оглушенный болью лейтенант Таленк раскрыл рот, чтобы громко закричать, но даже этого ему не дали сделать. Ближайший к нему всадник наклонился и ударил короткой саблей между зубов Таленка, разрезав ему рот, и крик лейтенанта захлебнулся. Ноги его дернулись в агонии, сминая траву, и это был единственный звук, сопровождавший его смерть. Всадники молча смотрели на него, затем отвернулись с абсолютным отсутствием интереса. Их верховые животные – лошади – были так же молчаливы.

– В чем дело? – спросил дежурный офицер, застегивая свой оружейный пояс.

– Лейтенант Таленк, сэр. Он ушел туда. Сказал, что что-то заметил. Он исчез за тем подъемом. Я не вижу его уже десять-пятнадцать минут и не могу вызвать по радио.

– Не думаю, чтобы здесь была какая-нибудь опасность, – сказал офицер, глядя на темневшую равнину. Однако лучше поискать его. Сержант! – Человек выступил вперед и отдал честь. – Возьмите с собой отделение, отыщите лейтенанта Таленка.

Солдаты были профессионалами, заключившими долговременный контракт с «Джон Компани» и они ждали от новых планет любых опасностей. Рассыпавшись цепью, они осторожно двинулись по равнине.

– Что-то произошло? – Спросил металлург, выходя из пристройки у буровой вышки с рудными образцами на лотке.

– Не знаю, – ответил офицер, и в этот момент из глубокого оврага по обе стороны холма, показались всадники.

Это было ошеломляюще. Охранники, тренированные, до зубов вооруженные, были смяты и уничтожены. Прозвучало несколько выстрелов, но всадники низко пригибались к своим длинным лошадям и закрывались от выстрелов их телами. Слышались глухие звуки освобождающейся от тетивы лука стрелы, стрелы и копья убивали мгновенно...

Всадники пронесли над цепью, оставив после себя девять корчившихся тел.

– Они сейчас будут здесь! – Крикнул металлург, бросив лоток с образцами и побежал. Прозвучала сирена тревоги, из своих палаток начали выбегать солдаты.

Нападающие ударили по лагерю с внезапностью землетрясения. Не было времени для подготовки, и люди у изгороди умирали, не успев поднять оружия. Лошади атакующих цеплялись за почву подушкообразными лапами и неслись вперед, только что отдаленная угроза, еще мгновение, они уже здесь. Передний ударился о проволочное ограждение и

пробил его своим весом, хотя ярко сверкнула электрическая дуга и убила животное: его длинная шея вытянулась на земле, как раз перед дежурным офицером. Тот смотрел на нее в ужасе, а в это время всадник с земли всадил ему в глаз стрелу. Дежурный офицер умер мгновенно.

Убийство, свистящая смерть. Они ударили один раз и исчезли, проносясь вдоль изгороди, оставив тело мертвого животного и посылая поток стрел из своих коротких луков. Даже в полутьме, стреляя со спин своих несущихся лошадей, они безошибочно поражали цель. Люди умирали или падали раненые. Одна стрела даже пробила выходное отверстие сирены, и та замолкла.

Так же быстро они исчезли в ущелье, укрывшись в сумерках, и в наступившей тишине были слышны лишь стоны раненых.

Свет дня совсем померк, и темнота добавилась к всеобщему смятению. Когда вспыхнули осветительные трубки, лагерь представлял собой море кровавой смерти в окружающей ночи. Порядок слегка восстановился, когда Бардовы, начальник экспедиции, начал выкрикивать распоряжения в громкоговоритель. Пока медики отделяли раненых от мертвых, были подготовлены к стрельбе мортиры. Один из часовых выкрикнул предупреждение, и прожектор, направленный наружу, осветил темную массу всадников, вновь собравшихся у оврага.

– Мортиры, огонь! – Крикнул командир в диком гневе. – Уничтожить их! – Его голос потонул в первом залпе, выстрелы гремели раз за разом, пыль и дым понеслись к небу, гром выстрелов отдавался повсюду.

Однако люди в лагере даже не успели осознать, что появление всадников было отвлекающим маневром, скрывавшим основной удар с противоположной стороны лагеря. Только когда всадники были уже среди них, и они начали умирать, люди поняли, что случилось. Но было уже поздно.

– Закрыть люки! – Выкрикнул дежурный пилот, сидевший наверху в безопасности в штурманской рубке космического корабля, и нажал кнопку закрывания пневмозамков. Он видел, как накатываются волны атакующих и знал, как летаргически медленно движение тяжелой внешней двери. Он продолжал неосознанно давить на кнопку закрывания.

Ревущей волной атакующие перехлестнули через проволочное ограждение. Передние животные умирали и были растоптаны следующими за ними людьми. Некоторые из всадников тоже погибли, но накатывались все новые и новые волны. Они заполнили лагерь, уничтожая все.

– Говорит второй офицер Вейкс, – сказал пилот, включив все микрофоны на корабле. – Я спрашиваю, есть ли на корабле офицер, старше меня по званию? – Он вслушался в молчание и когда заговорил, голос его был приглушен и неясен. – Отзовитесь все по очереди – офицеры и солдаты, начиная с машинного отделения. Радист, записывайте.

Нерешительно, один за другим, отзывались голоса, а Вейкс в это время включил механизм большого экрана и смотрел на бушующую внизу ярость.

– Семнадцать – это все, – сказал радист, не веря сам себе. Он протянул список второму офицеру, тот бегло взглянул на него и потянулся к микрофону.

– Я принимаю командование, – сказал он. – Приготовиться к старту!

– Мы не поможем им? – Спросил кто-то. – Мы не можем оставить их так.

– Никто не остался в живых, – медленно сказал Вейкс. – Я смотрел во все экраны: не видно никого, кроме атакующих и их лошадей. Даже если там есть кто-то, сомневаюсь, можем ли мы им помочь. Оставлять же здесь корабль – самоубийство. К тому же, на борту лишь малая часть экипажа.

Корпус корабля вздрогнул, как бы подчеркивая его слова.

– Один из экранов вышел из строя... И второй тоже... они разбивают их чем-то. И они привязывают ремни к дюзам и опорам стабилизаторов. Не знаю, смогут ли они задержать нас, и не собираюсь проверять это. Старт через шестьдесят пять секунд.

– Они все сгорят в огне наших двигателей, все и вся внизу, – сказал радист, сжимая

кулаки.

– Наши люди не почувствуют этого, – угрюмо сказал пилот, – а что касается других, – то чем больше, тем лучше...

Когда космический корабль взлетел, изрыгая огонь, он оставил под собой дымящийся неровный круг смерти. Но как только земля охладилась, ожидавшие этого всадники двинулись по ней, топча пепел.

Все новые и новые их волны появлялись из темноты. Казалось их бесчисленным полчищам не будет конца.

Глава 2

– Глупо позволить птице-пиле ранить себя, – сказал Бруччо, помогая Язону дин-Альту стянуть через голову металлизированный свитер.

– Глупо стараться принести мир на эту планету! – Ответил Язон, его слова были приглушены плотной одеждой. Он снял свитер и поморщился от сильной боли в боку. – Я как раз наливал себе суп, и тарелка помешала мне выстрелить.

– Только поверхностная рана, – сказал Бруччо, глядя на красную царапину в боку Язона. – Пила прошла над ребрами, не сломав их. Твое счастье...

– Ты имеешь в виду: счастье, что я не убит. Кто когда-нибудь еще слышал о птице-пиле в кают-компании?

– На Пирре всегда нужно ожидать невероятного.

Бруччо начал смазывать рану обеззараживающим средством, и Язон крепко стиснул зубы. Щелкнул микрофон и обеспокоенное лицо Меты появилось на экране.

– Язон, я слышала, ты ранен, – сказала она.

– Умираю, – ответил он.

Бруччо громко крикнул:

– Ерунда. Поверхностная рана четырнадцать сантиметров в длину. Яда нет.

– И все? – Сказала Мета. И экран погас.

– Да, и все, – горько сказал Язон. – Литр крови и килограмм мяса, ничего особенного – обычная заусеница. Что мне сделать, чтобы заслужить хоть немного сочувствия здесь: лишиться ноги?

– Если ты лишишься ноги в бою, можешь рассчитывать на сочувствие, – холодно сказал Бруччо, накладывая на рану липкую повязку. – Но если тебе оторвала конечность птица-пила в кают-компании, ты можешь ожидать лишь презрения.

– Хватит, – резко сказал Язон, вновь надевая свитер. – Не нужно понимать меня так буквально. Да, я знаю о тех теплых чувствах, на которые могу рассчитывать с вашей стороны, дружественные пирряне. И улечу с этой планеты, не раздумывая и пяти минут.

– Ты улетаешь? – Спросил Бруччо с проблеском интереса. – Из-за этого сегодняшнего собрания?

– Не делай вид, что ты расстроился при этой новости. Постарайся сдержать свое нетерпение до пятнадцати часов, когда соберутся все остальные. Я не признаю любимчиков. Кроме себя самого, конечно, – и он вышел прихрамывая и стараясь как можно меньше двигать мышцами ног. Наступило время перемен, – подумал он, глядя через высокое окно на смертоносные джунгли за стеной периметра. Очевидно, несколько светочувствительных ячеек уловили его движение, так как ветки ближайшего дерева наклонились вперед, и внезапный шквал ядовитых шипов ударил в прозрачный металл окна. Но его нервы были настолько тренированы, что он даже не пошевелил ни одним мускулом.

Время для перемен проходит. Каждый день на Пирре – это еще один поворот колеса... Выигрыш – это всего лишь выживание, а когда выпадет твой номер – это всегда несомненно – смерть. Сколько человек погибло со времени его прибытия сюда? Кажется, он становится таким же равнодушным к смерти, как и настоящие пирряне.

Если возможны какие-либо изменения вообще, то он единственный человек, который

может их осуществить. Однажды ему показалось, что он решил смертоносные проблемы этой планеты: тогда он доказал пиррянам, что безжалостная и бесконечная война – их собственное поражение. Но война все еще продолжается. Знание истины вовсе не всегда означает согласие с ней. Пирряне, способные примириться с условиями сосуществования, оставили город и ушли далеко вглубь планеты, чтобы избежать физического и духовного давления ненависти, окружающей город. Оставшиеся пирряне, хоть и убедились в том, что это их собственные чувства заставляют войну продолжаться, в глубине души не верили в это. И каждый раз, когда они смотрели на ненавистную им землю, враг приобретал новые силы и возобновлял нападение. Думая об неизбежном конце ожидавшем город, Язон чувствовал себя подавленным. Осталось так много людей, не способных примирить себя с планетой. Они были частью той войны, как гиперспециализированные жизненные формы – порождение смеси ненависти и страха.

Необходимы перемены. Язон задумался над тем, насколько пирряне способны осознать их неизбежность.

Было пятнадцать двадцать, когда Язон вошел в кабинет Керка: его задержало срочное сообщение, полученное по джамп-связи. У всех собравшихся в кабинете было одно и тоже выражение холодной ярости. У пиррян слишком мало терпения и еще меньше терпимости. Они все такие одинаковые – и в то же время разные.

Керк, седовласый и бесстрастный, способен был лучше остальных контролировать свои чувства. Это, несомненно, объяснялось его общением с жителями других планет. Этого человека нужно было убедить в первую очередь: если стремительное воинственное общество пиррян способно было иметь вождя, то таким вождем был Керк.

Черты ястребиного лица Бруччо, как всегда были искажены выражением подозрительности. Это выражение было вполне оправдано. Как врач, исследователь и эколог, он был единственным авторитетом в области жизненных форм Пирра. Он обязан был быть подозрительным. Однако, в конечном счете, он был ученым, и его можно было убедить фактами.

Рес, вождь корчевщиков, людей, успешно приспособившихся к жизни на смертоносной планете. Он не был вовлечен в чувство ненависти, заполнявшее остальных, и Язон рассчитывал на его поддержку.

Мета, родная и любимая, более сильная, чем мужчина, ее мощные руки могут обнять со страстью – или переломать кости. Знает ли холодный и практичный ум, скрытый в этом прекрасном женском теле, что такое любовь? Или просто гордость обладания чужестранцем Язоном дин-Альтом? Он это выяснит, но не сейчас, сейчас Мета была столь же нетерпелива и опасна, как остальные.

Язон закрыл за собой дверь и неискренне улыбнулся. – Привет всем, – сказал он. – Надеюсь, вы не думаете, что я нарочно заставил вас ждать?

Он быстро вошел, не обращая внимания на хмурое выражение лиц всех собравшихся.

– Я уверен, что вам всем будет приятно узнать, что я разбит, разорен и тону.

Выражение их лиц прояснилось, они обдумывали услышанное. Только одна мысль в одно время – в этом весь пиррянин.

– У тебя миллионы в банке, – сказал ему Керк, – и нет никакой возможности их проиграть.

– Когда я играю, я выигрываю, – сообщил ему Язон со спокойным достоинством. – Я разорен, так как истратил свой последний кредит. Я купил космический корабль, он на пути сюда.

– Зачем? – Вопрос Меты выразил общее мнение всех собравшихся.

– Я покидаю эту планету и беру тебя, а также столько, сколько смогу, с собой.

Язон отлично понимал их мысли. Хорошая или плохая – а на самом деле, она была худшей в Галактике – это была их планета, их дом. Он должен сделать идею привлекательной, вызвать у них энтузиазм, заставить забыть все прочее. Апеллировать к разуму можно потом, вначале нужно обратиться к их чувствам. Он отлично понял значение

этого щелканья их неизменных пистолетов. – Я открыл планету, еще более смертоносную, чем Пирр.

Бруччо засмеялся с холодным недоверием, и остальные закивали, соглашаясь с ним.

– Предполагается, что это будет для нас привлекательным? – Спросил Рес, единственный из пиррян, родившийся не в городе и поэтому лишенный их любви к насилию. Язон подмигнул ему, ободренный тем, что тот угадал способ, которым Язон собирался убедить остальных.

– Я говорю смертоносную, потому что она содержит наиболее опасную из всех существующих форму жизни. Более быструю, чем шипокрыл. Более злобную, чем рогатый дьявол. Более упорную, чем когтистый ястреб. И этому перечню нет конца. Я нашел планету, где постоянно живет это создание.

– Ты говоришь о человеке? – Спросил Керк, как обычно сообразивший быстрее остальных.

– Да. Люди, которые более опасны, чем существа на Пирре, потому что пирряне поколениями естественного отбора приспособлялись к защите от любых опасностей, к защите. Что вы скажете о мире, где люди тысячелетиями воспитывались для нападения, убийства и разрушения безо всякой мысли о последствиях. Как вы думаете, какими будут люди, выжившие в условиях такого всеобщего уничтожения?

Они размышляли над его словами, и по выражению их лиц было видно, что идея им не очень нравится. Они мысленно объединились против нового врага, и Язон решил продолжать, чтобы попытаться убедить их.

– Я говорю о планете под названием Счастье. Назвал ее так, наверное, какой-нибудь молокосос из первопоселенцев. Несколько месяцев назад я слышал о ней передачу в новостях; небольшое сообщение о том, что там уничтожен разведывательный отряд геологоразведчиков. Это трудно себе представить. Геологоразведочные команды хорошо подготовлены и способны справиться с любыми трудностями: а компания «Джон Минералз Компани» известна, как наиболее мощная. И кроме того, и это пожалуй, самое важное – «Джон Компани» никогда не играет слишком мелкими ставками. Поэтому я связался со своими друзьями, отправил им денег и попросил разузнать подробности того дела. Им удалось разыскать одного из выживших. Мне не малого стоило раздобыть подробную информацию, но игра стоит свеч. Вот эта информация. – Он сделал драматическую паузу и извлек листок бумаги.

– Ну что ж, начинай, хватит махать им на нас, – сказал Бруччо, раздраженно постукивая по столу.

– Имей терпение, – сказал ему Язон. – Это доклад инженера и написан он в чисто техническом стиле, но с большим энтузиазмом. Очевидно, Счастье чрезвычайно богато тяжелыми элементами, расположенными близко к поверхности на ограниченной территории. Возможны открытые разработки, и из доклада инженера ясно, что урановая руда почти не нуждается в обогащении и даже достаточна богата для того, чтобы реактор работал на не очищенной руде.

– Это невозможно, – прервала его Мета. – Уран в свободном состоянии не может быть столь радиоактивен, чтобы...

– Пожалуйста, – сказал Язон, взмахивая в воздухе руками. – Я всего лишь немного преувеличил, чтобы сделать сообщение убедительным. Руда богата, с этим нужно согласиться. Но самое важное теперь – это то, что несмотря на качество руды, «Джон Компани» не вернулась на Счастье. Они сильно обожглись там и решили, что есть множество планет, где можно соорудить шахты с меньшими затратами. Без возможности встретиться с этими оседлавшими драконов варварами и, которые внезапно появляются как из-под земли и нападают бесконечными волнами, уничтожая все на своем пути...

– Что означают эти последние слова, – спросил Керк.

– Ты можешь догадаться также, как и я. Так выжившие описывают это убийство. И единственное в чем мы можем сейчас быть уверены, это в том, что они были атакованы

вооруженными всадниками и уничтожены.

– И ты хочешь, чтобы мы отправились на эту планету? – Спросил Керк. – Звучит не очень привлекательно. Мы можем остаться здесь и продолжать работу на своих шахтах.

– Вы работаете на своих шахтах уже столетия, некоторые из них достигли пятикилометровой глубины и дают только второсортную руду. Но дело даже не в этом – я думал о людях Пирра и о том, что ждет их в будущем. Жизнь на этой планете необратимо меняется. Пирряне, которые способны примириться с местной жизнью, так и поступили. А что же делать остальным? Ответом ему было затянувшееся молчание.

– Неплохой вопрос, не правда ли? И весьма своевременный. Я скажу вам, что ожидает людей, оставшихся в этом городе. Но постарайтесь не стрелять в меня. Я думаю, вы уже научились бороться с этим произвольным рефлексом в ответ на несогласие с вами. Во всяком случае, надеюсь, что те из вас, кто находится здесь, этому научились. Я не собираюсь говорить этого всем людям в городе. Они скорее убьют меня, чем выслушают правду. Они не захотят признавать, что все они обречены на гибель этой планетой.

Последовал легкий щелчок, и пистолет Меты остановился на полпути к ее руке, а затем скользнул обратно. Язон улыбнулся ей в ответ и погрозил пальцем. Она холодно отвернулась. Остальные лучше контролировали свои чувства: их пистолеты остались неподвижными в кобурах.

– Это неправда, – сказал Керк. – Люди по-прежнему живут в городе...

– И число их все время уменьшается. Несостоятельный довод. Те, кто смог, ушли, и остались лишь люди с твердыми сердцами.

– Возможны другие решения, – сказал Бруччо. – Можно построить другой город...

Грохот землетрясения прервал его. Небольшие подземные толчки ощущались на Пирре почти все время, и к ним привыкли, но эти были значительно сильнее. Здание дрожало от них и широкая трещина появилась в стене, из нее посыпалась цементная пыль. Трещина пересекла оконную раму и, хотя стекло было сделано из прозрачного металла, оно треснуло и разлетелось на множество осколков. Как бы в ответ на отверстие, нырнул шипокрыл, прорвав снаружи защитную сеть. Он исчез в пламени разрывов, так как прозвучали сразу четыре выстрела из пистолетов, выпрыгнувших из кобур. – Я присмотрю за окном, – сказал Керк, поворачиваясь на стуле так, чтобы следить за окном. – Продолжай.

Перерыв – напоминание о том, какую они ведут теперь жизнь в городе – сбил Бруччо. Он немного поколебался, а потом продолжал: – Да... что ж, я говорил... возможно другое решение. Второй город, далеко от этого, может быть построен, возможно на базе одной из шахт. Ведь только вокруг этого города формы жизни так смертоносны. Этот город должен быть оставлен...

– И новый город повторит все грехи старого. Ненависть переселившихся пиррян воспроизведет ту же ситуацию. Ты знаешь не хуже меня, Бруччо, что именно так все и будет.

Язон подождал, пока Бруччо неохотно кивнул в знак согласия.

– Есть только одно решение. Пирряне должны переселиться на планету, где смогут жить, не ведая постоянной опустошительной войны. Любое место подходит для пиррян. Вы настолько привыкли, что не замечаете, какой ад ваша планета. Я доказал вам, что все жизненные формы тут телепатичны и что ваша ненависть к ним заставляет их воевать с вами. Мутации и изменения постоянно становятся все более и более злобными и смертоносными. Вы согласились со мной. Но это не изменило ситуации. До сих пор достаточно пиррян, ненависть которых поддерживает войну. Пусть спасет меня ваш здравый смысл: вы очень упрямые люди! Если бы у меня хватило благоразумия, я давно бы покинул вас в вашей безнадежной участи. Но я запутался в ваших делах. Я помог вам выжить, и вы спасли меня, и в будущем наши дороги совпадают. Кроме того, мне нравятся ваши девушки.

Во внимательной тишине громко прозвучало фырканье Меты.

– Итак, шутки в сторону, перед нами серьезная проблема. Если ваши люди останутся здесь, они несомненно, погибнут... Все погибнут. Чтобы спасти их, нужно всем переселиться на более дружественную планету. Пригодные для человека планеты с

хорошими естественными ресурсами нелегко разыскать, но я нашел одну. Могут быть кое-какие расхождения во взглядах с туземцами, но я думаю, что это делает мою идею более привлекательной для пиррян. Средство доставки и снаряжение – на пути сюда. Итак, кто со мной? Керк! Они считают тебя вождем... Веди!

Керк покосился на Язона и с отвращением скривил губы.

– Ты всегда хочешь заставить меня делать вещи, которые мне не нравятся...

– Значит ли это, что ты откажешь мне в помощи?

– Да. Я не хочу отправляться на другую планету, но я не вижу другого пути для спасения своих людей от полного вымирания.

– Хорошо. А ты Бруччо? Нам будет нужен хирург.

– Ищите другого. Мой помощник Тека может быть вашим хирургом. Мое изучение пиррянских форм жизни далеко от завершения. Я останусь в городе, пока он будет существовать.

– Это может стоить тебе жизни.

– Вероятно, так оно и будет. Однако, мои записи и наблюдения не будут уничтожены.

Никто не пытался уговорить его. Язон повернулся к Мете.

– Нам нужен будет пилот: экипаж, что приведет корабль, должен будет вернуться.

– Но я должна управлять нашим пиррянским кораблем.

– Но ведь есть и другие пилоты. Ты сама подготовила их. И если ты останешься тут, я возьму себе другую жену.

– Я убью ее. Я поведу твой корабль!

Язон улыбнулся и послал ей воздушный поцелуй. Мета сделала вид, что не заметила его.

– Итак, – сказал Язон, – Бруччо остается здесь. – Я думаю, что Рес тоже остается – надо руководить поселениями за городом.

– Ты ошибаешься, – сказал Рес, – поселениями теперь управляет комитет, и дела идут вполне благополучно. Я не хочу оставаться – как бы это сказать? – парнем из деревенской глуши всю свою жизнь. Эта новая планета очень заинтересовала меня, и вообще я стремлюсь к новому жизненному опыту.

– Это лучшая новость, которую я сегодня услышал. Перейдем к подробностям. Корабль прибудет через две недели. Если мы сумеем все организовать, то вылетим сразу после его прибытия. Я напишу обращение к населению с описанием всех условий игры, и с ними мы можем обратиться к городу. Вызовем добровольцев. В городе осталось около двадцати тысяч человек, но мы не можем взять на корабль более двух тысяч – это специальный космический транспорт «Драчливый», предназначенный для перевозки войск. Он остался от одной из космических войн. Поэтому мы сможем выбрать лучших из добровольцев. Обоснуемся и вернемся за остальными. Мы начинаем большое дело.

Язон был ошеломлен, но больше никто не удивлялся.

– Сто шестьдесят восемь добровольцев, и даже включая Грифа, девятилетнего мальчика, из двадцати тысяч? Это невозможно!

– На Пирре возможно, – сказал Керк.

– Да, на Пирре, и только на Пирре. – Язон ходил по комнате, волоча ноги в двойном тяготении, и бил кулаком по ладони. – На состязании в тупоумии эта планета взяла бы первый приз. «Мы здесь родились, мы здесь и умрем». Уф! – Он направил указательный палец на Керка и согнулся, растирая икру – усилия от преодоления повышенного тяготения часто вызывали судороги.

– Ладно, не будем из-за этого волноваться, – сказал он. – Спасем их даже вопреки их желанию. Возьмем сто шестьдесят восемь добровольцев, отправимся на Счастье, захватим планету, откроем там шахту – и вернемся за остальными. Вот, что мы сделаем! – И он упал в кресло, массируя ногу, а Керк вышел.

– Во всяком случае, я надеюсь, – пробормотал Язон.

Глава 3

Приглушенный звон послышался в выходном тамбуре, когда механизм пересадочной станции присоединился гибким переходным тоннелем к корпусу космического корабля. Кто-то снаружи нажал кнопку коммуникатора, интерком ожил. – Пересадочная станция 70 Офиучи к «Драчливому». Вы присоединены к переходному тоннелю, давление сравнялось с корабельным. Можете открывать люк.

– Становитесь к выходу, – сказал Язон и повернул ключ в специальном замке, который позволял открывать одновременно наружный и внутренний люки. – Счастливого пути и благополучной посадки, – сказал один из членов экипажа, когда они покидали корабль. Все громко засмеялись, как будто он сказал что-то исключительно смешное. Не смеялся только пилот у входа, его сломанная рука была крепко привязана к груди. Никто из них не упомянул об этой руке и даже не глядел в его направлении. Но Язон знал, почему все смеялись.

Язон не жалел пилота. Мета всегда честно предупреждала мужчин, пытавшихся за ней поухаживать. Возможно, в романтической полутьме корабля пилот не поверил ей. Когда он пустил в ход руки, она сломала одну из них. Язон постарался лишить свое лицо всякого выражения в тот момент, когда пилот проходил мимо него в переходной тоннель. Это было сооружение из прозрачного пластика, извивающаяся пуповина, которая соединяла корабль с пересадочной станцией, ярко освещенный корпус которой висел над ними. Были видны еще два переходных тоннеля, точно такие же, как этот; они связывали космические корабли со станцией, которая в состоянии невесомости следовала по своей орбите вокруг системы двойной звезды. Меньший компонент этой системы, 70 Офиучи В, как раз восходил. Его крохотный диск, удаленный на миллионы миль, показался из-за корпуса станции.

– У нас посылка для «Драчливого», – сказал чиновник, вышедший из тоннеля. – Доставлена другим кораблем и ждет вашего прибытия. – Он протянул книгу выдачи. – Распишитесь, пожалуйста.

Язон нацарапал свое имя и отодвинулся, так как два погрузочных робота пронесли громоздкий ящик по тоннелю в открытый люк корабля.

Он старался просунуть ломик под металлические полосы, которыми были оббиты стенки ящика, когда подошла Мета.

– Что это? – Спросила она, легким движением отбирая у него ломик и вставив его глубоко под полосу. Она чуть нажала, послышался треск лопнувшего металла.

– Ты отлично заменяешь мужчину, – сказал ей Язон, вытирая руки. – Готов поклясться, что ты с легкостью заменишь и двоих. – Она наклонилась над ящиком, а Язон сказал: – Это инструмент, который нам очень пригодится на планете. Хотел бы я иметь такой, когда впервые попал на Пирр. Это сберегло бы немало жизней.

Мета сняла крышку и смотрела на блестящий предмет яйцеобразной формы на колесах.

– Что это за игрушка?

– Эта «игрушка», как ты изысканно выразилась, стоит девятьсот восемьдесят две тысячи кредитов, не считая транспортных расходов. Мета была потрясена.

– Как? Ты бы мог снарядить армию за эту сумму. Вооружение, амуниция...

– Я так и думал, что это подействует на тебя таким образом. Ты должна усвоить своей прекрасной светловолосой головкой, что армия не всегда может решить любую проблему. Мы хотим соприкоснуться с новой культурой на неизвестной нам новой планете, мы хотим соорудить там шахту, притом в месте, где есть руда. Твоя армия ничего тебе не расскажет о минералогии, антропологии, экологии, экзобиологии...

– Ты мастер выдумывать слова.

– Я ничего не выдумываю! Ты даже не представляешь себе, сколько знаний заключено в этом металлическом ящике. Библиотека, – сказал он, драматически указывая на нее пальцем, – расскажи нам о себе.

– Я модель 427-1587, Марк IX, Усовершенствованная, снабженная фотодвигателем,

лазерным запоминающим устройством и замкнутым технологическим циклом...

– Стоп! – Приказал Язон. – Библиотека, это не годится. Ты можешь рассказать о себе проще, языком телепередач?

– А, приветик, – хихикнула библиотека. – Держу пари, вы никогда не видели Марка IX – это нечто новое во вселенной. Это «замкнутый» и т. д. означает просто, что перед вами мыслящая машина, которая сама себя восстанавливает и которую невозможно сломать. Если вы нуждаетесь в том, чтобы подумать о чем-то, придумать что-то, запомнить что-то, к вашим услугам память Марка IX. Его память содержит в себе всю библиотеку университета в Гарибее, а там столько книг, что вы за всю жизнь их не перечитаете. Эти книги разбиты на слова, слова на биты, а биты записаны на крошечных кусочках силикона в мозгу Марка IX, та память, что составляет часть этого мозга – не больше мужского кулака – кулака мужчины маленького роста, так как на каждых десяти квадратных миллиметрах записывается 545 миллионов бит информации, но это совершенно неважно. История, науки, философии – все есть в этом мозгу. И лингвистика тоже. Если вы хотите знать, как звучит слово «сэр» на основных галактических языках, слушайте...

Послышались непередаваемые звуки, Язон повернулся к Мете – ее не было.

– Он может не только перевести слово «сэр», – сказал Язон, нажимая кнопку выключения. – Подожди и увидишь.

Пирряне наслаждались растительной жизнью во время путешествия на Счастье. Они дремали, зевали, как тигры с полным животом.

Лишь Язон испытывал потребность использовать время более эффективно. Он требовал от библиотеки все новой информации о планете и солнечной системе, к которой они приближались, и от занятий его отвлекали только страстные, но неумолимые объятия Меты. Она считала, что есть возможность провести долгие часы более интересно, и Язон, оторванный от своих занятий, с энтузиазмом соглашался с ней.

За один корабельный день до того расчетного момента, когда они должны были выйти из джамп-режима в системе Счастья, Язон собрал в кают-компании общее собрание.

– Вот и наша цель, – сказал он, указывая на большую карту, висевшую на стене. Его встретили абсолютным молчанием и стопроцентным вниманием, ибо краткий и военный стиль был впитан пиррянами с молоком матери.

– Счастье – пятая планета безымянной звезды класса F. Это белый гигант с вдвое большей светимостью, чем пиррянское солнце класса G, он посылает гораздо больше ультрафиолета. Вы можете рассчитывать на хороший загар. Девять десятых планеты покрыты водой, есть несколько цепей вулканических островов и единственный континент. Вот он. Как видите, он похож на лежащий плашмя кинжал, острием вниз, перегороженный пополам у начала рукояти. Вот эта линия – начало рукояти – огромный геологический разлом, он пересекает континент от одного края до другого, это сплошной утес, возвышающийся над окружающей местностью от трех до десяти километров. Эта цепь, а также горные районы за ней, оказывает решающее влияние на климат всего континента. Планета намного жарче чем большинство обитаемых планет – температура на экваторе близка к точке кипения воды – и только эта цепь делает северные районы континента пригодными для жизни. Туман и теплый воздух, стремясь на север, ударяются об эту преграду, и дожди выпадают на ее южных склонах. С гор на юг бежит несколько больших рек, на их берегах замечены поселки и следы сельскохозяйственных производств, но все это не интересовало людей «Джон Компани». Над этой местностью магнитометры и гравиметры молчали. Зато вот здесь, – он указал на северную часть континента, «рукоятку» кинжала, – здесь приборы сходили с ума. Горы, занимающие большую часть континента, содержат богатейшие залежи тяжелых металлов. Здесь и следует сооружать шахту, в центре самого необитаемого района. Здесь мало или совсем нет воды. Склоны задерживают осадки почти полностью, а то, что проходит через преграду, выпадает в виде снега на этом гигантском плато. Оно суровое, высокое, сухое и смертоносное – и никогда не меняется. Наклон оси в плоскости орбиты у Счастья так невелик, что сезонные изменения погоды с трудом можно

заметить. Погода повсюду остается одной и той же постоянно. Для того, чтобы закончить эту исключительно привлекательную картину места для поселения, напомним, что там живут люди, которые опасней, чем любая форма жизни на Пирре. Наша задача заключается в том, чтобы приземлиться среди них, основать поселение и соорудить шахту. У кого есть какие-нибудь предложения?

– У меня, – сказал Клон, медленно вставая. Это был неуклюжий, рослый человек с толстыми и выдающимися вперед надбровными дугами. Вес толстых костей лицевой части черепа уравнивался не менее массивными костями сзади, так что посредине оставалась лишь небольшая мозговая полость. Реакция у него была отличная – она управлялась, очевидно, более коротким путем из спинного мозга, чем у динозавра – но мысли с огромным трудом проникали в его окостенелый череп. Он был последним человеком, от которого Язон мог ожидать предложений.

– У меня, – повторил Клон. – Мы убьем их всех. Тогда они не будут беспокоить нас.

– Спасибо за предложение, – спокойно ответил Язон. – Стул прямо за тобой, садись. Твое предложение в чисто пиррянском духе. На первый взгляд оно может показаться весьма привлекательным, но мы не должны начинать геноцид. Для решения этой проблемы нужно использовать разум, а не зубы. Мы должны открыть эту землю, а не закрыть ее. Я предлагаю открытый лагерь – нечто противоположное вооруженному лагерю, основанному «Джон Компани». Если мы будем бдительны, будем тщательно следить за окружающей местностью, нас не смогут застать врасплох. Я надеюсь, что мы сможем установить контакты с туземцами и выяснить, почему они настроены против шахт и чужеземцев. Мы постараемся изменить их настроения. Если у кого есть лучший план, мы выслушаем его. В противном случае мы садимся возможно ближе к поселку «Джон Компани» и ждем контакта. Наши глаза будут открыты, мы знаем, что случилось с первой экспедицией, мы будем очень осторожны, и с нами этого не случится...

Отыскать прежний поселок было легко. Растительность не успела затянуть обожженный шрам на местности. Брошенное тяжелое оборудование ясно обозначилось на шкале магнитометра, и «Драчливый» опустился на землю рядом с ним. Сверху степь казалась совершенно безжизненной, еще более безжизненной показалась она внизу. Язон стоя в открытом люке, вздрогнул, когда на него пахнул сухой, холодный воздух; под ударами ветра качалась трава, песок шуршал по обшивке корабля.

Язон собирался выйти первым, но Рес придержал его, и Керк соскользнул по трапу и первым ступил на поверхность планеты.

– Какая легкая планета, – сказал пиррянин, полуобернувшись и по-прежнему следя за степью. – Тут не больше одного G. После Пирра словно плывешь. – Ближе к полутора G, – сказал Язон, спускаясь следом. Но гораздо лучше, чем пиррянские два.

Разведывательный отряд из десяти человек, отошел от корабля, внимательно осматривая местность. Они шли недалеко друг от друга, однако ни один не перекрывал поле огня другому. Пистолеты оставались у них в кобурах, они шли медленно, не обращая внимания на холодный ветер и песок, которые заставили кожу Язона покраснеть, а глаза – слезиться. В чисто пиррянском вкусе, они наслаждались сознанием опасности после отдыха в путешествии.

– Что-то движется в двухстах метрах к юго-западу, – раздался в наушниках голос Меты. Она сидела у экранов вверху.

Они остановились и припали к земле, готовые ко всему. Волнистая равнина по-прежнему казалась пустой, но вдруг послышался свистящий звук, и стрела устремилась прямо в грудь Керку. Пистолет прыгнул ему в руку, и он сбил стрелу в воздухе так же спокойно, как сбивал нападающего шипокрыла. Просвистела вторая стрела, Рес слегка отстранился, она пролетела мимо. Они ждали, что будет дальше.

Нападение, – думал Язон. – Или случайная стычка? Не может быть, чтобы так быстро после нашего приземления началась организованная атака. А почему бы и нет?

Пистолет прыгнул ему в руку, и он начал оборачиваться – и почувствовал резкую боль

в голове. Падения он не ощутил. Только внезапную полную темноту.

Глава 4

Язон наслаждался беспамятством. Красная волна острой боли охватила его и, кроме того, почти подсознательно, он чувствовал, что должен придти в себя и позаботиться о чем-то. По какой-то причине, которую он не мог осознать, голова его качалась взад и вперед, еще увеличивая в ней боль; он попытался удержать ее и не смог. После очень недолгого, как ему показалось промежутка времени, он осознал, что, когда чувствует боль, он находится в сознании и должен использовать эти моменты более выгодно. Руки его были связаны, но сохранили какую-то возможность для движения. Кобура была на месте, зажатая между рукой и боком, но пистолет не прыгнул ему в руку. Он понял почему, когда его ощупывающие пальцы коснулись оборванного конца провода, соединявшего пистолет с кобурой.

Его спотыкающиеся мысли шли вперед, с той же неуверенностью, что и пальцы. Что-то случилось с ним; кто-то, а не что-то, ударил его. Отобран пистолет. Что еще? Почему он ничего не видит? Пытаясь открыть глаза, он увидел лишь смутную красноту. Что еще исчезло? Конечно, его оружейный пояс. Пальцы продолжали движение, но пояса не нашли.

Они коснулись чего-то, это была медицинская сумка, все еще державшаяся на бедре. Стараясь не задеть зажим, он крепил сумку – если бы она выскользнула из его руки, он потерял бы ее – Язон прижал обратную сторону ладони к аптечке, пока его тело не соприкоснулось с головкой анализатора. Анализатор зажужжал, но Язон не ощутил укола из-за непрекращающейся боли в голове. Затем лекарство начало действовать, и боль медленно отступила. Не будучи больше угнетенным болью, он мог теперь сосредоточить бодрствующую половину своего сознания на проблеме глаз. Они не открывались, что-то держало их закрытыми. Возможно, это была засохшая кровь. Вероятно кровь, принимая во внимание состояние его головы. Он улыбнулся, осознав то, каким ложным путем идет его мысль.

Сосредоточиться на правом глазе. Крепко сжать его, до боли, затем попытаться поднять веко. Вновь крепко сжать. Он продолжал попытки, сжимая глаз, вызывая слезы, пока, наконец не почувствовал, что веко поднимается. Яркое солнце ударило его прямо в глаз, он замигал и посмотрел в сторону. Он двигался по равнине, движение было неровным, дребезжащим, что-то похожее на решетку, находилось недалеко от его глаз. Солнце касалось горизонта. Очень важно запомнить это, сказал он себе, – что солнце садится прямо за ним, может быть, немного правее.

Направо. Садится. Слегка направо. Лекарство из аптечки и шок от удара продолжали действовать, но еще окончательно не усыпили его. Садится. Позади. Немного направо. Когда последние белые лучи скрылись за горизонтом, он закрыл измученный глаз и потерял сознание.

–! – Проревел чей-то голос, слова были неразличимы в этом реве.

Резкая боль в боку подействовала сильнее, и Язон откатился подальше, в то же время стараясь встать на ноги. Что-то твердое ударило его в спину, и он опустился на четвереньки. Время открыть глаза, решил он, и принялся тереть веки, пытаясь разлепить их. Первый же взгляд показал ему, что он был гораздо счастливее с закрытыми глазами, но вновь закрывать их уже было поздно.

Голос принадлежал рослому, мускулистому человеку, державшему двухметровое копьё, острие которого находилось возле ребра Язона. Когда он увидел, что Язон сидит с открытыми глазами, он отвел копьё и, опершись на него, принялся изучать пленника. Язон понял эти взаимоотношения, когда увидел, что находится в чем-то вроде решетчатой загородки, верх которой был на высоте его головы. Он прижался к решетке и стал рассматривать человека, взявшего его в плен. Это был воин – совершенно очевидно, самоуверенный и высокомерный, от оскаленного черепа какого-то хищника, украшавшего верх его шлема, до острых игл-шпор на высоких сапогах. Литой нагрудник, сделанный из

того же материала, что и шлем, покрывал переднюю часть его тела и был покрыт ярким рисунком, окружавшим центральное изображение какого-то неизвестного животного. Вдобавок к копыю, он был вооружен внушительно выглядевшим коротким мечом без ножен, прикрепленным к поясу. Кожа его загорела и обветрилась, она была смазана чем-то маслянистым; ветер донес до Язона тяжелый звериный запах.

–! – Крикнул воин, указывая копьем в направлении Язона.

– Это нельзя считать языком! – Крикнул в ответ Язон.

–! – Ответил тот, еще более резким голосом, сопровождая крик звоном оружия.

– И это не лучше.

Воин прочистил горло и плюнул в направлении Язона.

– Ты болван, – сказал он, – можешь ли ты говорить на меж-языке?

– А вот это уже лучше. Упрощенный и искаженный вариант английского. Вероятно, используется как второй язык. Думаю, что мы никогда не узнаем, кто впервые колонизировал эту планету, но ясно, что эти люди говорили на английском языке. Во времена Великого Распада, когда коммуникации между планетами были прерваны, этот прекрасный мир опустился до людоедского варварства. Очевидно, выработалось несколько местных диалектов. Но они сохранили воспоминание об английском и используют его, как межпланетный язык. Я вполне могу говорить на нем и понимаю без особого труда.

– Что ты говоришь? – Спросил воин, качая головой в затруднении перед потоком слов Язона.

Язон ткнул себя в грудь и сказал:

– Конечно, я говорю на меж-языке так же хорошо, как и ты. – Это очевидно удовлетворило воина, ибо он повернулся и пошел сквозь толпу.

Впервые Язон мог рассмотреть проходящих мимо людей – до этого они воспринимались им, как расплывчатые пятна. Все они были мужчинами, все воинами, и были одеты в различные варианты одного и того же наряда. Высокие сапоги, мечи, нагрудники, шлемы, копья и короткие луки, разукрашенные дикими, пестрыми рисунками, за ними были видны круглые сооружения, раскрашенные в те же желто-зеленые тона, что и редкая трава, покрывавшая равнину.

Что-то раздвигало толпу, и воины расступились, давая дорогу покачивающемуся животному и всаднику на нем. Язон узнал животное по описанию, данному одним из выживших участников первой экспедиции: это были верховые животные, на которых скакали нападавшие.

Оно во всех отношениях было похоже на лошадь, но вдвое больше и покрыто мохнатой шерстью. Голова у животного внешне была лошадиной, но была непропорционально мала и сидела на очень длинной шее. У него были длинные конечности, передние длиннее чем задние, так что спина животного резко опускалась от холки до крестца, оканчиваясь крохотным болтающимся хвостиком. Сильные толстые пальцы каждой лапы имели острые когти, которые глубоко вонзались в почву при движениях. Всадник сидел сразу над передними конечностями, на самом высоком месте горбатой спины.

Резкий звук металлического рога привлек внимание Язона, он обернулся и увидел плотную группу людей, шедших прямо к его клетке. Три солдата с опущенными копьями шли впереди, за ними шел еще один, со свисающим с чего-то вроде шеста знаменем. А затем, окружая две центральные фигуры, шествовали воины с обнаженными мечами. Одной из этих фигур был воин, пробудивший Язона. Второй, на голову выше первого, был в золотом шлеме, его нагрудник был украшен драгоценными камнями; с обеих сторон этого воина шли солдаты с ревушими рогами.

Он вполне заслуживал эти почести, решил Язон, когда процессия приблизилась к клетке. Коршун, большой тигр джунглей, уверенный в своих силах. Этот человек был вождем, и сознание этого вошло в его кровь и плоть... Правой рукой он придерживал инкрустированный драгоценностями, но очень внушительно выглядевший меч, а левой, с изуродованными суставами пальцев разглаживал большие красные усы. Он остановился

перед клеткой и властно посмотрел на Язона, который старался, впрочем безуспешно, ответить не менее уверенным взглядом. Его положение в клетке и избитое грязное лицо не способствовали бодрости.

– Падай ниц перед Темучином, – приказал один из воинов и толстым концом копья ударил Язона в живот.

Вероятно, следовало упасть, но Язон согнувшись от боли, поднял голову и не отрывал взгляд от вождя.

– Откуда ты? – Спросил Темучин; он так привык командовать, что это ясно слышалось в его голосе, и Язон немедленно ответил:

– Издалека. Из места, о котором ты не знаешь.

– Другой мир?

– Да. Ты знаешь о других мирах?

– Только из песен жонглеров. До посадки первого корабля я не верил в правду их песен. Теперь верю.

Он щелкнул пальцами и один из солдат подал ему почерневшее и искореженное безоткатное ружье.

– Можешь сделать, чтобы оно снова стреляло? – Спросил он.

– Нет.

Очевидно это оружие первой экспедиции.

– А это? – Темучин протягивал Язону его собственный пистолет со свисающими кабелями, которыми тот соединялся с кобурой.

– Не знаю, – как можно спокойнее ответил Язон. Только бы получить его в руки. – Мне нужно осмотреть его получше.

– Сожгите его, – сказал Темучин, отбрасывая пистолет в сторону. – Их оружие нужно уничтожать в огне. Теперь скажи мне, человек из другого мира, зачем ты пришел сюда? – Он был бы хорошим игроком в покер, – подумал Язон. – Я не могу узнать его карты, а он все узнает о моих. Что же мне сказать? А почему бы и не правду?

– Наши люди хотят добывать металл из земли, – громко сказал Язон. – Мы никому не причиним вреда, мы даже заплатим...

– Нет.

Это было концом разговора. Темучин отвернулся.

– Подожди, ведь ты ничего не услышал.

– Довольно, – ответил тот, останавливаясь на минуту и бросая слова через плечо. – Вы будете копать землю и строить здания. Те превратятся в город, появятся заборы. Равнины всегда открыты. – И добавил тем же ровным голосом. – Убейте его!

Когда свита Темучина двинулась, мимо клетки прошел знаменосец. Шест его был увенчан человеческим черепом, и Язон увидел, что знамя состояло из множества больших пальцев людей, сшитых кожаными шнурками. Язон отвернулся, но в этот момент заскрипели шарниры открываемой дверцы, и Язон приготовился к схватке.

Он прыгнул навстречу солдатам, ударил одного в лицо и попытался проскользнуть между остальными. Попытка его была неудачной, но он сделал все, что мог. Его бросили на землю, один сидел на нем, а остальные связывали его. Он ругал их на шести различных языках, но слова производили так же мало впечатления на угрюмых, лишенных выражения солдат, как и его удары.

– Долго ли ты путешествовал, чтобы добраться до нашей планеты? – Спросил кто-то Язона.

– Дьявол! – Пробормотал Язон, сплевывая кровь и обломки зубов.

– На что похож твой дом? Он больше нашего? Теплее или холоднее?

Язон, которого тащили вниз головой, повернул голову, чтобы увидеть спрашивающего. Он увидел седовласого человека в рваной одежде, выкрашенной попеременно в желтый и зеленый цвета. Высокий юноша с сонными глазами, одетый в такой же шутовской наряд из кожи, но с меньшим количеством грима на лице, шел следом за ним.

– Ты знаешь так много, – упрасивал старик, – ты должен рассказать мне что-либо.

Солдаты оттолкнули этих двоих, прежде чем Язон решил, что же ему сказать. Его держало множество людей, и он был совершенно беспомощен. Они привязали его к столбу, крепко вкопанному в землю. Металлоодежда и застежки сопротивлялись, пока один из них не извлек кинжал и не начал пилить ткань, не обращая внимания на то, что одновременно резал и кожу Язона. Когда одежда была разорвана, Язон истекал кровью от множества порезов, у него кружилась голова и он едва не терял сознание. Кожаной веревкой ему связали руки, после чего солдаты отошли. Хотя был приблизительно полдень, температура была не намного выше нуля. Холодный воздух, бывший по обнаженному телу, быстро привел его в себя.

Дальнейшее было очевидным. Веревка, связывающая его руки, была около трех метров длиной, ее конец был прикреплен к верхушке столба. Он оказался один в центре пустого пространства, а со всех сторон были видны всадники, седлавшие своих горбатых скакунов. Первый из них издал пронзительный воинственный крик и поскакал к Язону с опущенным копьём. Животное неслось с устрашающей скоростью, глубоко вонзая когти в землю и летя, как спущенная с тетивы стрела.

Язон сделал единственное возможное; он отпрыгнул в сторону таким образом, чтобы столб находился между ним и нападающим... Воин протянул вперед копьё, но тут же отдернул его, ибо на пути копья встал столб – он проскочил мимо.

В следующий момент только интуиция спасла Язона: топот второго животного заглушался топотом первого. Язон схватился за столб и отскочил в сторону. Копьё звякнуло о металл, и второй нападающий пролетел мимо. Первый уже поворачивал назад, а Язон увидел готового к атаке следующего всадника. У этой игры мог быть только один конец: цель не может бесконечно уклоняться от копья.

– Пора изменить соотношение сил, – проговорил Язон, наклоняясь и запуская за руку голенище правого сапога. Его боевой нож был все еще там. Когда проскакал третий воин, Язон подбросил нож в воздух и схватил его рукоять в зубы. Затем провел острием по веревке, связывающей его руки. Освободив их, Язон увернулся от копья и сам напал.

Он прыгнул, держа нож в левой руке, а правой стараясь ухватить всадника за ногу и намереваясь стащить. Но животное двигалось слишком быстро, и он ударился о его бок за седлом, вцепившись пальцами в густой мех.

Все дальнейшее произошло очень быстро. Когда всадник обернулся, пытаясь ударить и столкнуть вниз нападавшего, Язон по самую рукоять погрузил кинжал в крестец животного.

Длинные иглы, которые эти варвары использовали вместо обычных колесиков в шпорах, свидетельствовали, что животные обладали не особо чувствительной нервной системой. Но однако это было справедливо лишь для толстой шкуры, прикрывавшей ребра, но место вблизи хвоста, куда всадил свой кинжал Язон, по-видимому было очень чувствительным. Длительная судорога потрясла животное, и оно устремилось вперед еще быстрее.

Потеряв равновесие, всадник вылетел из седла и исчез. Язон, вцепившись одной рукой в мех, а другой держа рукоять кинжала, старался удержаться при первом скачке, потом при втором. Он смутно видел расступающихся людей и животных, но все его внимание было сосредоточено на том, чтобы не сорваться. Это оказалось невозможным, и при третьем скачке он сорвался и полетел вперед. Летя в воздухе, Язон увидел, что он приземляется между двумя куполообразными зданиями. Это было гораздо лучше, чем удариться об одно из них, поэтому он относительно благополучно опустился на ноги и побежал, постепенно уменьшая скорость.

Куполообразные сооружения – несомненно, жилище особого типа – были расположены в линию, между ними были проходы различной ширины. Язон оказался в широком проходе, и так как он живо представил себе вонзающиеся ему в спину копьё и стрелы, то свернул в первый же переулочек и побежал. Разъяренные крики свидетельствовали о том, что преследователи не сомневаются, что им удастся его поймать. Тем не менее, пока

преследователи были далеко, но это преимущество сохранится недолго.

В одном сооружении впереди откинулась дверь – кожаный клапан – и оттуда выглянул седовласый человек – тот самый, что пытался расспрашивать Язона. Он казалось, с одного взгляда разобрался в ситуации, раскрыл клапан пошире и поманил Язона.

Решение нужно было принимать немедленно. Все еще продолжая бежать вперед, Язон оглянулся и убедился, что пока его никто не видит. В бурю годился любой порт! Он нырнул в отверстие и втянул за собой старика. Тут он впервые осознал, что все еще сжимает в руке рукоять ножа. Прижав лезвие к груди старика, он прошипел:

– Если выдашь меня, умрешь!

– Зачем мне выдавать тебя, – закашлялся старик. – Я принял тебя сюда. Я рискую ради знаний. Отойди, я закрою вход. – Не обращая внимания на нож, он стал завязывать кожаный клапан.

Быстро осмотрев темное помещение, Язон увидел, что сонного вида юноша дремлет возле небольшого костра, над которым висит железный котел. Высохшая старуха помешивала что-то в котле, не обращая внимания на происходящее.

– Назад и вниз, – сказал старик, таща за собой Язона. – Они скоро будут тут. Они не должны найти тебя, нет.

Крики становились все ближе и Язон не видел причины, почему бы ему не послушаться старика.

– Но нож у меня наготове, – предупредил он, садясь у задней стены и позволяя закрыть себя по плечи грудой старых изношенных шкур.

Послышался тяжелый топот, от которого задрожала земля. Гневные крики раздавались теперь со всех сторон. Седовласый набросил на голову Язона меховой платок, почти закрыв его лицо, затем извлек из-за пояса дымящуюся глиняную трубку и сунул ее Язону в рот. Ни старуха, ни юноша по-прежнему не обращали на это внимания.

Они не подняли головы и тогда, когда воин в шлеме откинул клапан и просунул голову внутрь.

Язон сидел неподвижно, глядя из-под мехового платка, сжимая в руке нож, готовый прыгнуть и вонзить его в горло воина.

Быстро оглядев темное помещение, воин выкрикнул что-то похожее на вопрос. Седовласый ответил, отрицательно кивая головой. Воин исчез так же быстро, как и появился, старуха поспешила к выходу и крепко завязала клапан.

За годы своих блужданий по Галактике, Язон очень редко встречал бескорыстное милосердие и был оправданно подозрителен в этом случае. Он по-прежнему держал нож наготове.

– Почему ты пошел на риск, помогая мне сейчас? – Спросил он.

– Жонглер всегда рискует, узнавая новое, – сказал старик, садясь у огня на скрещенные ноги. – Я выше мелких ссор между племенами. Меня зовут Орайал, и ты можешь начать, назвав мне свое имя.

– Сэм Ривербоат, – ответил Язон, опуская нож и натягивая на себя половинки разрезанного металлокостюма. Он руководствовался интуицией и рефлексом, как игрок, прижимающий карты к груди. Угрозы пока не было. Старуха что-то бормотала у огня, юноша по-прежнему дремал рядом с Орайалом.

– Из какого ты мира?

– С неба.

– Много миров есть, где живут люди?

– Около тридцати тысяч, хотя никто не может быть уверен в этом числе.

– На что похож твой мир?

Язон осмотрелся, впервые с того момента, как он открыл глаза в клетке, у него появилась возможность передохнуть и подумать. Счастье пока что было на его стороне, но предстоял долгий путь, прежде, чем он живым выберется из этой истории.

– На что похож твой мир? – Повторил снова Орайал.

– А на что похож твой мир, старик? Мы будем обмениваться знаниями.

Орайал помолчал, и злобная искра сверкнула в его полуприкрытых глазах. Потом он кивнул. – Ладно, согласен. Я буду отвечать на твои вопросы, ты на мои.

– Сначала ты ответишь мне, я теряю больше, если нас прервут. Но прежде чем мы начнем беседу, я должен провести инвентаризацию. До сих пор я был для этого слишком занят.

Хотя пистолет пропал, кобура все еще находилась на месте. Теперь она была бесполезна, но ее батареи в свое время, все еще можно было использовать. Оружейный пояс тоже исчез, а карманы были оторваны. Только то обстоятельство, что медицинская аптечка оказалась сзади, спасло ее от уничтожения. Вероятно, он лежал на ней, когда его обыскивали. Специальное снаряжение тоже пропало, как и сумка с гранатами.

Радиопередатчик на месте! В темноте они его не заметили в плоском кармане почти под мышкой. Может быть, он вышел за пределы четкого приема, но работу передатчика все равно засекут на корабле и определяют направление. Он вытащил его и угрюмо посмотрел на сломанный футляр, сквозь щели которого был виден край сломанной микросхемы. Во время событий сегодняшнего дня по нему ударили чем-то тяжелым. Язон включил радиопередатчик и получил тот результат, которого и ожидал. Ничего. То, что хронометр все еще работал, мало утешило Язона. Было десять часов утра. Удивительно. Часы были настроены на двадцатичасовой день, когда они прибыли на Счастье, причем полдень был приурочен к положению здешнего солнца в зените.

– Ну, вот и все, – сказал он, усаживаясь поудобнее на жесткой земле и натягивая на себя шкуры. – Поговорим Орайал. Кто здесь хозяин? Кто приказал казнить меня?

– Темучин. Воитель, Бесстрашный, с рукой из стали, Разрушитель...

– Хватит, хватит. Он здесь самый главный. Я понял это без комментариев. А что он имеет против чужеземцев, против зданий?

– «Песнь свободных людей», – сказал Орайал, толкая локтем своего помощника.

Тот вздрогнул, порывшись в клубке шкур и вытащил похожий на лютню инструмент с длинной декой и двумя струнами. Аккомпанируя себе на инструменте, он начал петь высоким голосом:

*Свободные, как ветер,
Свободные, как равнины,
По которым мы бродим,
Не зная другого дома,
Кроме наших шатров,
Наши друзья мороны,
Которые несут нас на битвы,
Разрушать здания,
Тех, кто предал нас....*

Там было еще много других строк, и песня длилась очень долго, пока Язон не почувствовал, что начинает клевать носом. Он прервал певца и задал старику еще несколько вопросов. Картина истинной жизни равнин Счастья начала проясняться. От океана на западе, до океана на востоке, от Великого утеса на юге, до гор на севере, не было ни одного постоянного здания или поселка. Свободные и дикие, племена бродили по травяному морю, непрерывно враждуя друг с другом. Когда-то здесь были города, некоторые из них даже назывались в песне. Но теперь о них сохранились лишь воспоминания и непримиримая ненависть к ним. Должна была происходить долгая и суровая борьба между двумя путями жизни, если даже воспоминания о ней, спустя много поколений вызывали такие сильные чувства. При ограниченных естественных ресурсах этих бедных равнин, землевладельцы и кочевники не могли жить в мире. Фермеры строили поселки вокруг редких источников воды и отгоняли кочевников с их стадами. Кочевники защищаясь, объединились и старались

разрушить поселки. Им удалось это сделать в такой уничтожающей войне, что воспоминания об их прежних недругах вызывали в них дикую ненависть.

Неграмотные, грубые, жестокие, победители-варвары своими племенами и кланами захватили всю степь, постоянно передвигаясь по мере того, как тощий скот съедал траву на пастбищах. Письменность была неизвестна; лишь жонглеры – единственные люди, которые свободно могли переходить от племени к племени, были историками и переносчиками новостей. Деревья не росли в этом суровом климате, поэтому деревянная утварь и изделия из дерева были неизвестны. Железная руда и каменный уголь часто встречались в горах севера, поэтому железо и мягкая сталь употреблялись повсеместно. Они, да еще шкуры, рога и кости животных были единственными доступными материалами. Единственное исключение составляли шлемы и нагрудники. Большинство из них изготовлялось из железа, но лучшие из них привозились из племени, жившего у отдаленных холмов. Люди этого племени работали в шахте, сооруженной в скале, похоже, асбестовой. Они размельчали этот материал, смешивали со смолой широко распространенного растения и изготовляли из них вооружение. И получающийся материал был похож на фибергласс: легкий, как алюминий, крепкий, как сталь, он был очень эластичным. Эта технология, несомненно унаследованная от первых поселенцев планеты, была единственным отличием кочевников от варваров железного века. Помет животных использовался как топливо, жиром животных заправляли светильники. Жизнь здесь была суровой, грубой и короткой.

Каждое племя владело своими наследственными пастбищами, по которым оно и кочевало. Однако границы территорий были неопределенны и противоречивы, поэтому между племенами постоянно возникали столкновения. Куполообразные шалаши – камачи – сооружались из сшитых шкур и крепились на железных столбах. Их можно было собрать и разобрать за несколько минут, а когда племя передвигалось на повозках – эскунгах – их перевозили вместе с другими домашними вещами. В повозки впрягались мороны. В отличие от крупного рогатого скота, который был потомком земных животных, эти мороны были коренными обитателями высокогорных степей Счастья. Столетие назад, эти когтистые травоядные стали домашними, а большая часть их диких стад была уничтожена. Толстая шкура защищала их от постоянных холодов, и они могли по двадцать дней обходиться без воды. Как выючные животные, а также, как орудия войны, они делали возможной жизнь в этой бесплодной местности.

Мало что можно было добавить к этому.

Племена кочевали и воевали, каждое говорило на своем особом языке или диалекте и использовало нейтральный межплеменной язык, когда им приходилось общаться друг с другом. Они образовывали союзы и предательски нарушали их. Их занятием и любовью была война, в которой они достигли совершенства.

Язон усваивал эту информацию, пытаясь в то же время усвоить, хотя и с меньшим успехом, твердые куски тушеного мяса. В конце концов он глотал их непрожеванными. В качестве питья было предложено перебродившее молоко моронов, вкус которого был не менее отвратительным, чем запах.

Единственное блюдо, которое ему не предложили – любимое блюдо воинов – была смесь молока с еще теплой кровью, чему Язон был рад.

Когда любопытство Язона было удовлетворено, настала очередь Орайала, и он задавал бесчисленное множество вопросов. Даже за едой Язон бормотал ответы, которые жонглер и подмастерье прятали в глубинах своей памяти. Они были спокойны, поэтому Язон считал себя в безопасности, по крайней мере, на время. Дело шло к вечеру и Язон решил, что пора подумать о бегстве и возвращении на корабль. Он дождался, пока Орайал замолк, чтобы перевести дух и в свою очередь задал несколько вопросов. – Сколько людей в лагере?

Жонглер все время пил ачад – ферментированное молоко – и покачивался из стороны в сторону. Он что-то пробормотал и широко развел руками.

– Они дети грифа, – протянул он, – они столь многочисленны, что покрывают равнину и заставляют сердца врагов трепетать...

- Я не спрашиваю об истории племени. Меня интересует их число.
- Одни боги знают. Может быть, сто, а может быть – миллион.
- Сколько будет двадцать плюс двадцать? – Язон прервал его своим вопросом.
- Я никогда не беспокоился о таких глупостях, – отвечал старик.
- Но ведь я говорю не о высшей математике, а о счете в пределах ста.

Язон встал и осторожно выглянул в дверное отверстие. Порыв холодного ветра заставил его прослезиться. Высокие ледяные облака плыли в бледной голубизне неба, тени стали длиннее. – Пей, – сказал Орайал, протягивая ему кожаную бутылку. – Ты мой гость и должен пить.

Молчание прерывалось лишь скрипом песка, которым старуха терла котел. Ученик опустил подбородок на грудь и казалось, заснул.

- Я никогда не отказываюсь от выпивки, – сказал Язон, подошел и взял бутылку.

Поднимая ее к губам, он поймал быстрый взгляд старухи, которая тотчас склонилась над своей работой. За спиной он услышал слабый шорох.

Язон отпрыгнул, бросив бутылку, дубинка пролетела рядом с его головой, задев плечо. Не глядя, Язон ударил ногой и попал в живот ученику жонглера. Тот согнулся и выронил железную палку.

Орайал, который больше не пил, вытащил из-под шкур двуручный меч и замахнулся. Хотя удар дубинки лишь скользнул по плечу Язона, его правая рука онемела, но левая рука была в порядке, и он уверенно увернулся от меча и схватил жонглера за горло, прижав большим и указательным пальцами сонную артерию. Старик судорожно глотнул и упал без сознания.

Опасаясь за свои фланги, Язон не упускал из виду старуху, которая извлекла в это время откуда-то какой-то длинный пилообразный нож – камач жонглера оказался складом оружия – и попыталась напасть. Язон бросил жонглера и перехватил кисть старухи так, что нож выпал из ее руки.

Все это заняло около десяти секунд. Орайал и его подмастерье беспорядочной кучей лежали друг на друге, а старуха подвывала у костра и растирала запястье.

– Спасибо за гостеприимство, – сказал Язон, кутаясь в шкуры и стараясь вернуть к жизни онемевшую руку. Когда он смог двигать пальцами, он связал старуху, заткнул ей рот кляпом, а затем сделал то же самое с остальными. Глаза Орайала открылись. Они сверкали кровожадной яростью.

– Что посеял, то и пожнешь, – сказал ему Язон. – Это тоже можешь запомнить. Я думал, что ты хочешь получить сведения и отплатишь той же монетой. Но ты оказался слишком жаден, я знаю, что теперь ты жалеешь об этом и разрешишь мне взять несколько изношенных шкур, эту грязную меховую шапку, которая знавала лучшие дни, и какое-нибудь оружие.

Орайал промычал что-то, вокруг кляпа в его рту появилась пена.

Язон надвинул шапку на глаза, подобрал дубинку.

– И у тебя, и у твоей девицы, зубы недостаточно крепкие, а вот твой помощник справится. Он может разжевать кляп, потом перегрызть веревку у тебя на запястьях. Я тем временем буду уже далеко отсюда, скажи спасибо, что я не похож на вас, иначе вы все уже были бы мертвы. – Он глотнул ачада и повесил кожаную бутылку через плечо. – Это я возьму в дорогу.

Когда он вышел из камача, никого не было видно и он прочно завязал клапан. Взглянув на небо, он повернулся к рядам костров. Низко нагнув голову, он побрел по лагерю варваров.

Глава 5

Никто не обратил на него никакого внимания.

Закутанные в шкуры, чтобы уберечься от постоянного холода, большинство людей в лагере выглядели такими же неопикуемыми голодранцами. Только воины отличались

одеждой, но их легко можно было избегать, прячась в проходах между камачами. Остальные обитатели лагеря точно также избегали воинов, поэтому никто не обратил внимания на его поведение.

Лагерь был поставлен без всякого плана. Камачи стояли неровными рядами, очевидно, каждый ставил свой шатер там, где остановился. Через некоторое время камачи поредели и Язон увидел стадо небольших, мохнатых, истощенных коров. Вооруженные пастухи, держа на привязи моронов, сидели на корточках, поэтому он прошел как можно быстрее, но в то же время стараясь не вызывать подозрения.

Он услышал и почувствовал запах стада коз и успешно миновал последний камач, и перед ним до самого горизонта распростерлась степь. Солнце стояло низко над горизонтом. Язон, счастливо щурясь, смотрел на него.

Садится точно за мной или немного правее. Я помню это. Теперь, если я правильно определяю направление и пойду точно на заход солнца, я приду к кораблю.

Конечно, если я точно выдержу направление, по которому меня привез тот парень. И если он в пути не делал поворотов. И если ни один из этих кровожадных дикарей не узнает меня. И если...

Достаточно «если». Он тряхнул головой и расправил плечи, затем сделал глоток отвратительного ачада. Поднимая бутылку ко рту, он в то же время внимательно осмотрел окрестности и убедился, что за ним никто не следит. Вытирая рот рукавом, он двинулся в пустынную степь. Он ушел недалеко. Как только он обнаружил овраг, который мог служить убежищем от случайного взгляда, он спустился в него. Овраг несколько защищал от ветра. Язон скорчился, чтобы сохранить тепло, и ждал темноты. Это был не лучший способ проводить время, ветер шевелил траву над его головой, становилось все холоднее, он окоченел, но выхода не было. Он заметил камень в дальнем конце оврага, готовясь отметить точное место, где садится солнце и прижался к склону. Язон грустно размышлял о рации и даже открыл футляр передатчика, чтобы посмотреть, нельзя ли его починить, но восстановить передатчик было невозможно. После этого ему оставалось только сидеть и ждать, пока солнце не зайдет за горизонт и не появятся звезды. Язон пожалел, что не занимался наблюдением звездного неба перед посадкой корабля, но сейчас было уже поздно. Созвездия были совершенно незнакомы, и он не знал, есть ли здесь Полярная звезда или хотя бы близкое к полюсу созвездие, по которому он мог бы заметить путь. Единственное, что он заметил и запомнил после изучения карт и планов перед посадкой, было то, что приземлились они на семидесятой параллели под семидесятым градусом северной широты.

Но что это означало? Если здесь есть Полярная звезда, она находится под углом в семьдесят градусов над горизонтом. Если бы у него было в запасе несколько ночей и угломер, он легко бы определил точку полюса. Но положение не позволяло ему долго заниматься изучением звездного неба и к тому же его подгонял холод: Язон ущипнул себя за ногу, чтобы убедиться, что она сохранила чувствительность.

Ось северного полюса проходит в семидесяти градусах над северной частью горизонта; это значит, что в полдень солнце должно садиться в двадцати градусах над южным горизонтом. Оно находится там каждый день в году, потому что ось вращения планеты строго вертикальна к плоскости эклиптики. Здесь не имеют понятия о долгих и коротких днях и даже о временах года. В любом месте поверхности планеты солнце всегда встает в одной и той же точке горизонта. День за днем, год за годом, оно проделывает одинаковую дугу по небу, затем садится в той же точке западного горизонта, что и накануне вечером. День и ночь на всей планете одинаковы по длине. Угол наклона солнечных лучей всегда остается тем же самым, а это означает, что каждая точка поверхности в течение всего года получает одинаковое количество тепла.

При равенстве дней и ночей, при равной в течение года количестве получаемой энергии, погода не меняется. В тропиках всегда жарко, на полюсе всегда холодно.

Солнце теперь превратилось в тусклый желтый диск, балансирующий на линии горизонта. На этой высокой широте, вместо того, чтобы сразу закатиться и исчезнуть из

виду, оно косо спускалось за горизонт. Когда скрылась половина диска, Язон отметил место на дальнем склоне оврага, затем подошел и поставил на это место приготовленный заранее камень. Потом он вернулся туда, где сидел раньше и посмотрел в направлении своей метки. – Хорошо, – вслух сказал он, – теперь я знаю, где садится солнце – но как я буду выдерживать направление в темноте? Думай Язон, думай, от этого зависит твоя жизнь.

Он вздрогнул, вновь ощутив холод.

– Если бы я знал, в каком направлении находится запад, это помогло бы мне. Поскольку тут нет наклона оси, проблема должна решаться просто. Он чертил дуги и углы на песке и бормотал про себя: – Если ось вертикальна, каждый день наступает равноденствие, значит день и ночь всегда равны, значит – хо-хо! – Он разминал пальцы, однако они слишком замерзли и потеряли чувствительность.

– Вот ответ! Если день равен ночи, солнце будет вставать и садиться только в одной точке горизонта, независимо от широты. Солнце проделывает по небу дугу в сто восемьдесят градусов, поэтому оно восходит точно на востоке и садится точно на западе. Эврика!

Язон поднял правую руку под прямым углом к плечу и поворачивался до тех пор, пока его палец не указал на отметку.

– Теперь все просто. Я указываю на запад и смотрю точно на юг. Теперь, если я точно также подниму левую руку, она укажет на восток. Остается стоять так до появления звезд.

В высоком небе востока уже появились звезды, хотя на западной стороне горизонта было еще светло. Язон немного подумал и решил, что он может немного усовершенствовать свой пальцевый механизм определения направления и повысить его точность.

Он заметил камень на восточном склоне оврага над тем местом, где он сидел. Затем взобрался на противоположный склон к первому камню и посмотрел на восток. Над горизонтом была видна яркая голубая звезда в нужном месте и рядом с ней характерное созвездие.

– Моя путеводная звезда, я буду ориентироваться по тебе, – сказал Язон и щелкнув сохранившейся пряжкой пояса, посмотрел на освещенный циферблат своих часов. – Я двинусь в путь, учитывая равенство дня и ночи и двадцатичасовой день, будем считать, что у нас есть десять часов света и десять часов тьмы. Я буду идти, следя за звездой. Через пять часов она достигнет зенита своей орбиты на юге, как раз на линии, которую можно провести от моего левого плеча перпендикулярно движению. Затем она начнет опускаться и на рассвете зайдет за горизонт прямо передо мной. Это очень просто, если я буду производить корректировку каждый час или каждые полчаса. Ха!

Выкрикнув это, он удостоверился, что S-образное созвездие находится точно за спиной, вскинул на плечо дубинку и направился в нужном направлении. Все казалось правильным, однако он сожалел, что у него нет с собой компаса.

С приближением ночи, температура быстро падала, и в ярком, сухом, мерцающем воздухе далекими точками ярко горели звезды. Над головой Язона медленно двигались звезды и созвездия. Маленькое S-образное созвездие спешило по своей низкой орбите, пока где-то в полночь не оказалось в зените. Язон сверился с часами и тяжело опустился на траву. Он шел уже пять часов без единой передышки. Несмотря на тренировку и привычку к пиррянским двум «же», порядком устал. Глотнув ачада, он содрогнулся и подумал, какая же стоит температура, если ачад, несмотря на большое содержание алкоголя, покрылся ледяным салом.

У Счастья не было спутников, но света звезд вполне хватало. Враждебная серость равнины протянулась во все стороны, молчаливая и неподвижная, если не считать какой-то темной массы, приближающейся к нему сзади.

Язон бесшумно прижался к земле и лежал так, замерзая и ждал, пока не приблизились мороны и их всадники. Земля дрожала от топота их ног. Они пронеслись мимо, не далее, чем в двухстах метрах от того места, где он лежал, вжимаясь в землю и не двигаясь во тьме. Он ждал, пока силуэты всадников не исчезли на юге.

– Ищут меня? – Спросил он сам себя, вставая и поправляя шкуры. – Или собираются

напасть на корабль?

Второе предположение казалось ему более вероятным. Компактность группы, скорость передвижения – все свидетельствовало о каком-то особом назначении.

А почему бы и нет? Его захватили во время одного из нападений на корабль, могли быть и другие. Язон вначале хотел двигаться следом за всадниками, но потом отказался от этой мысли. Возможно, эта группа движется к кораблю не прямым путем, а Язону вовсе не улыбалась перспектива быть обнаруженным варварами днем. Когда он поднялся, ветер как гигантским кулаком ударил его. Нужно было двигаться, иначе он замерзнет. Подвесив бутылку через плечо и подобрав дубинку, он вновь двинулся в избранном им направлении, параллельно движению всадников. Дважды в течение ночи, показавшейся ему бесконечной, он встречал группы всадников, торопившихся в том же направлении: оба раза Язон успевал спрятаться. И каждый раз ему все труднее было подниматься и продолжать путь, но холодная земля оказалась убедительным доводом. К тому времени, когда небо на востоке начало понемногу светлеть, полуторная гравитация сделала свое дело. Язону требовались большие усилия, чтобы переставлять ноги. Путеводное созвездие таяло на горизонте в лучах рассвета, но он продолжал идти, пока оно было видно.

Пора останавливаться. Только пообещав себе, что после восхода солнца он не будет двигаться. Язон до сих пор заставлял себя продвигаться вперед. Конечно, днем определить направление по солнцу было бы легче, но это слишком опасно. На этих равнинах движущаяся фигура видна с большого расстояния. И так как корабль еще не виден, идти до него далеко. Нужно передохнуть, а это возможно только днем. Он почти упал в очередной овраг. Здесь был небольшой нависающий выступ на северном склоне, тут целый день будет солнце. Для него это подходящее убежище. Выступ защитит его от ветра и укроет от нескромных взглядов. Свернувшись клубком, Язон пытался не обращать внимания на холод, что поднимался от земли и проникал сквозь шкуры. Хотя он замерз и устал, он тем не менее сразу же уснул.

Какой-то звук, чье-то присутствие потревожило его. Он открыл один глаз и выглянул из-под края меховой шапки. Два зверька с серым мехом, редкими пушистыми хвостами и длинными зубами смотрели на него широко открытыми глазами с противоположного склона оврага. Он сказал: – Бу! – и они исчезли. Солнце было еще высоко, и даже земля под ним пригрелась, а может быть, это его бока потеряли всякую чувствительность. Он снова уснул. Когда он проснулся в следующий раз, солнце зашло уже за край оврага и он оказался в тени. Он понял, что чувствует себя как кусок мяса в холодильнике. Он испугался, что если заденет за что-нибудь рукой или ногой, то они переломятся. В бутылке оставалось еще немного ачада. Он выпил и закашлялся. Опустошив бутылку, он почувствовал себя лучше. Вновь он определил направление по садящемуся солнцу и когда появились звезды, двинулся в путь. Теперь идти было значительно труднее, чем в предыдущую ночь. Усталость, раны, отсутствие пищи, повышенное тяготение делали свое дело. Через час он двигался, как восьмидесятилетний старик и понял, что дальше не сможет идти. Он опустил на землю, задыхаясь от усталости и надавил пряжку. В его руке оказалась аптечка.

– Я берег тебя до последнего раунда и гонг уже прозвенел, если не ошибаюсь.

Слабо улыбаясь этой вялой шутке, Язон настроил шкалу на надпись «Стимуляторы, нормальное действие». Прижав головку анализатора к запястью, он почувствовал болезненный укол.

Аптечка действовала. Через минуту он почувствовал, что усталость отступает под действием лекарства. Когда он встал, все его тело слегка онемело, но усталости не было.

– Вперед! – Воскликнул он, глядя на путеводное созвездие и закрепляя аптечку.

Ночь не была ни долгой, ни короткой. Все было затянуто приятной дымкой. Под действием стимуляторов мозг работал четко, и Язон старался не думать о физических последствиях их действия. Прошло несколько отрядов, все от корабля, каждый раз Язон замечал их издали и успевал спрятаться.

Он задумался, а не было ли уже сражения и не потерпели ли варвары поражения?

Вскоре после трех часов утра он почувствовал, что спотыкается и едва не падает на колени. Полный поворот шкалы аптечки на «Стимуляторы, повышенное действие», инъекция, и он продолжал движение вперед.

Уже наступил рассвет, когда он ощутил запах горелого. Запах с каждым шагом становился сильнее. Небо посветлело на востоке, запах резко бил в ноздри и Язон размышлял, что мог означать этот запах. Он не остановился, как в предыдущее утро, а продолжал идти. Это был его последний день и он должен был дойти до корабля, прежде, чем перестанут действовать стимуляторы. Корабль где-то поблизости. Он будет настороже и пойдет днем. Ведь он значительно меньше, чем морон со всадником и если повезет, заметит их первым.

Вступив в круг выжженной травы, он не понял что это. Вероятно, случайный пожар.

Только увидев заржавевшие и поломанные остатки шахтного оборудования, он понял, что случилось.

– Я пришел на то самое место. Здесь мы приземлились. – Он как сумасшедший бегал по кругу и глядел на расстилавшуюся во все стороны пустоту.

– Это оно! – кричал он. – Здесь был наш корабль. Мы посадили «Драчливого» рядом с поселком первой экспедиции. Только корабля здесь нет. Они улетели, улетели без меня...

Отчаяние холодом охватило его, его руки опустились, силы ушли. Корабль, друзья, все исчезло.

Где-то слышался тяжелый топот. С холма неслись пять моронов, их всадники в кровавадном веселье склонили свои копыта для убийства.

Глава 6

Повинуясь выработанному рефлексу, Язон сжал руку, она готова была принять пистолет, но тут-то он и вспомнил, что остался безоружным.

– Пора вспомнить древний способ! – выкрикнул он, работая железной дубинкой так, что образовался свистящий круг. Силы слишком неравны, но прежде чем погибнуть, он покажет им, что умеет сражаться. Они мчались быстрой рысью, отталкивая друг друга и вытягиваясь вперед: каждый стремился первым ударить его. Язон стоял наготове, широко расставив ноги, ожидая последнего момента, когда начнется схватка. Кричащие всадники были уже на краю выжженного круга. Раздался приглушенный взрыв, сопровождаемый густым облаком пара, который скрыл всадников из виду. Язон опустил дубинку и отступил, когда облако пара потянулось к нему. Только один морон, увлекаемый инерцией движения, прорвался сквозь густое облако, тормозя и падая с гулом. Всадник упал с него, как выпущенный с катапульты, и пролетел дальше. Он упал, и на его лице застыло выражение ненависти и страха.

Когда облачко редящего тумана достигло Язона, он принялся и быстро отбежал. Это был наркогаз. Действует на все дышащие кислородом организмы, вызывая паралич и потерю сознания примерно на пять часов, после чего жертва остается совершенно целой и невредимой, если не считать сильной головной боли.

Что же произошло? Корабль, несомненно, улетел, вокруг никого не было видно. Усталость побеждала действие стимуляторов и его мысли начали путаться. Он уже несколько секунд слышал приближающийся рев, прежде чем понял источник его возникновения. Это был ракетный катер с «Драчливого». С трудом глядя в яркое утреннее небо, Язон увидел белый инверсионный след, тянущийся к нему и становившийся толще с каждой секундой.

Катер вначале был черной точкой, затем растущим пятнышком и наконец превратился в охваченный пламенем цилиндр, который приземлился в ста метрах от Язона. Люк открылся и Мета выпрыгнула на землю даже раньше, чем амортизаторы полностью приняли на себя удар о поверхность.

– Как ты? – крикнула она, быстро подбегая к нему; пистолет был у нее наготове и она

все время присматривалась к окружающему.

– Никогда не чувствовал себя лучше, – ответил Язон, опираясь на дубинку, чтобы не упасть. – Откуда ты взялась? Я думал, что вы все улетели и позабыли обо мне.

– Ты же знаешь, что мы не могли бы так поступить. – Она притрагивалась к его плечам, спине, проверяя, не сломаны ли у него кости, а может быть просто, чтобы убедиться, что он на самом деле здесь. – Мы не могли оставить тебя здесь, не могли раньше отбить, хотя и пытались. Как раз в этот момент и началась атака на корабль.

Язон мог представить себе по этим словам напряжение битвы и упорство сопротивляющихся. Должно быть, это было ужасно.

– Идем в катер, – сказала она, обхватив его за плечи и поддерживая. – Они собрались со всех сторон и к ним все время прибывало подкрепление. Они очень хорошие бойцы, никогда не просят пощады. Керк скоро понял, что конца этой битвы и не видно и что мы ничем не поможем тебе, оставаясь здесь. Даже если тебе удастся бежать, а Керк был уверен, что ты сбежишь, ты не сможешь добраться до корабля. Поэтому под прикрытием своих контратак мы разместили множество фотодатчиков и микрофонов, а также полевых мин и управляемых на расстоянии газовых бомб. После этого мы улетели и корабль приземлился в глухом горном районе на севере. Я вылетела на катере в предгорье и там ждала. Я явилась так быстро, как только смогла. Сюда, в кабину!

– Ты явилась как раз вовремя. Спасибо, я могу взобраться сам.

Он не мог, но не хотел признаться и сделал вид, что взбирается по трапу, в то время, как его почти несли мощные женские руки.

Язон взобрался в люк и упал в противоперегрузочное кресло помощника пилота, а в это время Мета закрывала люк. Когда он был закрыт, напряжение спало с нее, а ее пистолет улегся в кобуру. Она быстро подошла, наклонилась и заглянула ему в лицо.

– Убери эту грязную штуку, – сказала она и сбросила меховую шапку на пол. Пальцы ее пробежали по его волосам и слегка дотронулись до кровоподтеков и обмороженных мест на лице. – Я думала ты мертв, Язон. Мне казалось, что я не увижу тебя снова.

– И это беспокоило тебя?

Он страшно устал, силы его были на пределе. Волны тьмы угрожали сомкнуться над ним. Он отгонял их. Он чувствовал, что сейчас он ближе к Мете, чем когда либо раньше.

– Да, это беспокоило меня. Не знаю почему, – она вдруг крепко поцеловала его, забыв о разбитых и потрескавшихся губах Язона. Он не жаловался.

– Возможно потому, что ты знала меня как мужчину, – сказал он с напускной небрежностью.

– Нет, не потому: у меня были мужчины и до тебя...

О, спасибо, – подумал он.

– У меня двое детей. Мне двадцать три года. Пилотируя корабль, я побывала на многих планетах. Я считала, что знаю все, что мне следует знать. Теперь я вижу, что это не так. Ты научил меня многому. Когда этот человек, Михай Саймон, похитил тебя, я поняла, что плохо себя знаю. Я отыскала тебя. Это совершенно не пиррянское чувство. Мы привыкли всегда думать в первую очередь о городе и не заботиться о других людях. Теперь у меня все смешалось... Я не больна?

– Нет, – сказал он, отгоняя угрозу всеохватывающей тьмы. – Совсем наоборот. – Он прижал свои избитые и испачканные пальцы к упругой теплоте ее руки. – Я думаю, что сейчас ты здоровее, чем кто-либо из тех счастливых нажимателей курков твоего народа.

– Объясни мне, что со мной произошло.

Он попытался улыбнуться, но лишь гримаса боли исказила его лицо.

– Ты знаешь что такое брак, Мета?

– Я слышала об этом. Социальный обычай на некоторых планетах. Не знаю, что это такое.

Тревожный сигнал сердито зазвенел на контрольном щите и она отвернулась.

– Ты не знаешь и, может быть это к лучшему. Может, я никогда не расскажу тебе о

нем...

Он улыбнулся, его голова упала на грудь и он потерял сознание.

– Приближается много варваров, – сказала Мета, выключая сигнал тревоги и глядя на экраны. Ответа не было. Увидев, что случилось, она быстро привязала его к креслу и начала стартовую процедуру. Она не смотрела и не старалась смотреть где находятся нападающие и через несколько мгновений катер поднялся в небо.

Перегрузки от торможения привели Язона в себя, когда они уже приземлились.

– Пить, – сказал он, облизывая сухие губы. – Я так голоден, что могу съесть живого морона.

– Сейчас придет Тека, – сказала Мета, выключая приборы после посадки.

– Если он такой же любитель отпиливать кости, как и его учитель Бруччо, он подвергнет меня восстановительной терапии и продержит в бессознательном состоянии несколько недель. Этого нельзя допустить. – Он медленно повернул голову, глядя на открывающийся люк. В нем появился Тека, проворный и властный молодой человек, чей медицинский энтузиазм намного превосходил знания.

– Этого нельзя допускать, – повторил снова Язон. – Никакой восстановительной терапии! Вливания глюкозы, инъекции витаминов и искусственные почки – все, что угодно, но я должен быть в сознании.

– Вот за что я люблю пиррян, – повторил Язон, когда его выносили на носилках из катера. Бутылка со вливающейся глюкозой была укреплена возле его головы. – Они позволяют каждому идти в ад собственным путем.

Мета присматривала за ним, пока собирались руководители экспедиции. Язон, глаза которого сомкнулись во время ворчливых жалоб, провел эти часы в глубоком освежающем сне. Он проснулся, когда гул голосов наполнил кают-компанию.

– Объявляю собрание открытым, – он пытался говорить громким командным голосом, но у него получился лишь хриплый шепот. Он повернулся к Теке. До начала собрания, мне нужно промочить горло и хорошенько встряхнуться. Можете дать мне что-нибудь сильнодействующее?

– Конечно, – ответил Тека, открывая аптечку. – Но, думаю, не слишком разумно с вашей стороны подстегивать нервную систему.

Однако эти слова не помешали ему быстро и аккуратно выполнить свои обязанности.

– Так-то лучше, – сказал Язон, когда лекарство придало ясность его мыслям. Он за это заплатит, но позже. Теперь надо выполнить свой долг. – Я нашел ответ на некоторые из ваших вопросов, – сказал он пиррянам. – Не на все вопросы, но для начала достаточно. Я знаю теперь, что без коренных перемен мы не сможем основать поселок и открыть шахту. Я говорю «коренных» и имею в виду вот что. Мы должны полностью изменить нравы и культурные мотивации этих людей, прежде чем сможем начать работу на шахтах.

– Невозможно, – сказал Керк.

– Может быть. Но это лучшее, ибо единственная альтернатива истребительная война. Сейчас дело обстоит так, что мы должны будем перебить этих варваров всех до единого, прежде чем будем уверены, что вокруг нашего поселка воцарится мир.

Угнетающее молчание последовало за этим утверждением. Пирряне знали, что такое истребительная война, они сами были ее невольными жертвами на своей планете.

– Нам не нужна истребительная война, – сказал Керк и остальные бессознательно кивнули. – Но твоё предложение совершенно невыполнимо.

– Разве? Вы можете вспомнить, что мы оказались здесь потому, что все нравы, табу и культурные мотивации ваших людей были перевернуты. Что хорошо для вас, должно быть хорошо и для этих варваров. Мы взорвем их изнутри, используя два древних лозунга: «Разделяй и властвуй» и «Если не можешь одолеть врага, присоединяйся к нему».

– Нам поможет, – сказал Рес, – если ты подробнее объяснишь, что именно мы должны разрушить.

– Разве я еще не рассказывал вам? – Язон порылся в своей памяти и понял, что да, не

рассказал. Несмотря на действие лекарств, он мыслил не так ясно, как надо было бы. – Тогда разрешите мне объяснить. Я недавно вопреки своей воли познакомился с жизнью туземцев. «Отвратительно» единственное слово для оценки. Они разбиты на племена и кланы, и постоянно находятся в состоянии войны друг с другом. Изредка несколько племен объединяются против одного. Это обычно происходит под руководством вождя, достаточно хитрого, чтобы создать союз, и достаточно сильного, чтобы заставить его действовать. Вождя, объединившего племена, зовут Темучин. Он вполне соответствует своему положению и вместо того, чтобы распустить союз, когда угроза миновала, он сохранил и даже укрепил его... Табу на оседлость и поселки у них одно из сильнейших. Темучин воспользовался этим и приобрел много сторонников. Он держит свою армию в готовности, объединяя все больше и больше племен. Когда мы прилетели, это объединение пошло еще быстрее. Темучин – наша главная проблема. Пока он руководит племенами, мы ничего не сможем сделать. Первое, что мы сделаем – уничтожим повод для священной войны, благодаря которому он объединил племена. Сделать же это очень легко – мы улетим.

– Ты уверен, что у тебя нет жара? – поинтересовалась Мета.

– Спасибо за предположение, но я здоров. Я имею в виду, что мы должны приземлиться вблизи места первой посадки. Известие об этом быстро распространится и нам придется отбивать атаки. В тоже время мы с помощью громкоговорителя будем убеждать их в наших мирных намерениях. Мы расскажем им о тех прекрасных вещах, которые подарим им, если они оставят нас в покое. Это заставит их атаковать еще яростнее. Тогда мы пригрозим, что улетим навсегда, если они не прекратят. Мы стартуем по баллистической кривой, чтобы не быть замеченными, улетим в другое место в горах. Таково действие первое.

– Я уверен, что есть и второе, – сказал Керк с явным отсутствием энтузиазма, – первое слишком похоже на отступление.

– Именно такова моя идея. Во втором действии мы находим изолированное место в горах, куда нельзя проникнуть по земле. Мы строим там модель деревни и переселяем туда вопреки их воле одно из племен. Они получают самые современные санитарные условия, горячую воду, единственный на этой планете теплый смывной туалет, хорошую пищу и медицинскую помощь. Они же будут ненавидеть нас за это и делать все возможное, чтобы перебить нас и убежать. Мы отпустим их через некоторое время. Но тем временем мы используем их моронов, камачи и все остальное вражеское варварское имущество.

– Но зачем? – спросила Мета.

– Мы создадим собственное племя, вот зачем. Племя еще более защищающее табу. Мы ворвемся к ним изнутри. Мы будем таким племенем, что наш вождь, Керк Великий, сможет сбросить Темучина с трона. Я знаю: вы сумеете осуществить эту операцию до моего возвращения.

– Я не знал, что ты уходишь, – сказал Керк, и его ошеломленное выражение лица, как в зеркале появилось у остальных. – Но куда ты собираешься уйти?

Язон подергал в воздухе невидимые струны.

– Я, – объявил он, – становлюсь шпионом. Блуждающий трубадур и шпион будет сеять раздоры и готовить почву для вашего прибытия.

Глава 7

– Если ты засмеешься или просто улыбнешься, я сломаю тебе руку, – сказала Мета сквозь крепко стиснутые зубы.

Язону пришлось призвать на помощь все присущее игроку умение сохранить на лице невозмутимое выражение. Он знал, что она имеет в виду, говоря о сломанной руке.

– Я никогда не смеюсь над новым костюмом женщины, – сказал он. – Если бы я это делал, то погиб бы уже много планет назад. Ты выглядишь вполне прилично для этого задания.

– Ты так думаешь? – спросила она. – Мне кажется, что я напоминаю меховое животное,

попавшее под наземную повозку.

– Посмотри, вот и Гриф, – сказал он, указывая в сторону. Она автоматически обернулась к двери. Это было временным облегчением для Язона: Мета действительно была похожа на...

– Входи, Гриф, мой мальчик! – Пусть думает, что его широкая усмешка вызвана угрюмым выражением лица девятилетнего мальчика.

– Мне это не нравится, – сказал Гриф сердито. – Мне не нравится выглядеть сумасшедшим. Никто так не одевается.

– Здесь все одеваются так, – сказал Язон, адресуя слова мальчику, но надеясь, что это усвоит и Мета. – Там, куда мы направляемся, это обычная одежда. Мета одета по последнему слову моды местных племен. – На ней были разные кожаные шкуры и меха, гневное лицо хмуρο выглядывало из-под бесформенного капюшона. Он быстро отвел взгляд.

– А мы с тобой носим костюм жонглера и его подмастерья. Скоро ты убедишься, как хорошо мы одеты.

Пора сменить тему и увести разговор от их нелепого наряда. Он внимательно осмотрел лицо и руки Грифа, затем Меты.

– Ультрафиолетовые лучи и средства для загара подействовали хорошо, сказал он и извлек из мешочка на поясе маленькую шкатулку. – У вас теперь кожа того же цвета, что и у туземцев, но одну вещь мы упустили. В качестве защиты от холода и ветра они густо смазывают лица. Эй, погодите! – Сказал он, когда пирряне сжали кулаки. – Я не прошу вас мазаться протухшим жиром моронов, которым они обычно пользуются. Вот чистая и нейтральная, лишенная запаха силиконовая мазь, которая послужит хорошей защитой. Поверьте мне на слово, вы будете в ней нуждаться.

Язон отщипнул комок мази и принялся смазывать себе щеки. Остальные двое сделали тоже самое. Прежде чем они кончили, выражение лиц у них стало еще более хмурым, что казалось Язону невозможным. Он хотел, чтобы они немного расслабились – иначе игра будет окончена и не начавшись. В минувшие недели его план, после всеобщего одобрения, начал осуществляться. Вначале произошло запланированное «отступление» с планеты, затем основание базы в этой изолированной долине. Она со всех сторон была окружена вертикальными пиками и совершенно недоступна, если не считать воздушного пути. Вновь сооруженный поселок находился на небольшом плато, среди вертикальных скал, которые по существу были природной тюрьмой. Поселок же населяла озлобленная семья кочевников – пять мужчин и шесть женщин, которые были усыплены наркотическим газом и изъяты из своего племени. Их одежда и утварь, насколько возможно вычищенная и продезинфицированная, досталась Язону, так же, как и их мороны. Все было готово для внедрения в армию Темучина, если Язон сумеет уговорить этих пиррян подчиниться местным обычаям.

– Идемте, – сказал Язон, – подошла наша очередь. Просторные помещения «Драчливого» использовались как база, хотя рядом было собрано из готовых узлов несколько зданий. Когда они направились по коридору к трюму, они встретили идущего в противоположном направлении Теку. – Меня послал Керк, – сказал он. – Для вас все готово.

Язон кивнул и пошел дальше. Передав сообщение, Тека впервые заметил их экзотические наряды и смазанные лица. А также гневное выражение лиц пиррян. Они были так неуместны в этих пластиково-металлических коридорах. Тека перевел глаза с одного на другую, потом указал на Мету.

– Знаешь на кого ты похожа? – Спросил он, и сделал большую ошибку, улыбнувшись.

Мета двинулась к нему разъяренно фыркнув, но Гриф оказался ближе. Он сжал кулак и изо всех сил ударил Теку в солнечное сплетение.

Грифу было только девять лет, но он был пиррянином. Тека не ожидал нападения и не подготовился к нему. Он произнес что-то вроде «хуф», когда воздух вырвался из его груди, и сел на пол.

Язон ожидал смертельной схватки. Трое борющихся пиррян и все в ярости! Но рот

Теки оставался открытым, глаза распахнутыми и он недоуменно переводил взгляд с одного на другого.

Первой рассмеялась Мета, немного позже – Гриф. Язон с облегчением подхватил смех. Пирряне смеются довольно редко и только над чем-нибудь, очевидно, нелепым и смешным. Напряжение спало и они хохотали до слез, и захохотали еще сильнее, когда покрасневший от гнева Тека поднялся на ноги и ушел.

– Что случилось, – спросил Керк, когда они вышли на холодный ночной воздух.

– Ты никогда не поверишь, если я расскажу, – ответил Язон. – Это последний?

Он указал на лишнего сознания морона, связанного крепкими ремнями. Ракетный катер навис над ним с ревом, с него свисал трос с крюком на конце.

– Да, остальные два уже на месте вместе с козами. Вы отправитесь следующим рейсом.

Они молча следили, как крюк зацепили за ремни и катер поднялся. Он поднимался, а ноги морона безжизненно свисали. Через мгновение катер исчез во тьме.

– А как насчет снаряжения? – Спросил у Керка Язон.

– Оно тоже доставлено. Мы поставили для вас камач и все разместили в нем. Вы трое выглядите внушительно в этих нарядах. Думаю, что первое время вам будет трудно к ним привыкнуть.

В словах Керка не было скрытого значения. В холодной ночи, когда ветер, как ножом резал кожу, их костюмы были не уместны. Они были также эффективны, как и изолированный и подогреваемый электричеством костюм Керка.

– Ты должен уйти внутрь, или натереть щеки. Кажется, ты их отморозил.

– Похоже что так, если я вам больше не нужен, я пойду.

– Спасибо за помощь.

– Удачи, – сказал Керк, пожимая всем руки, включая и мальчика. – Мы организуем в радиорубке постоянное дежурство и вы в любое время сможете связаться с нами.

Они молча ждали возвращения катера. Полет до равнины не занял много времени, что было к лучшему, так как душная кабина катера казалась тропической жарой после морозной ночи.

Когда катер высадил их и улетел, Язон указал на округлые очертания камача.

– Идите туда и чувствуйте себя как дома, – сказал он. – Я хочу убедиться, что мороны крепко связаны и не убегут, когда очнутся. Внутри вы найдете портативный атомный светильник и обогреватель. В последний раз будем пользоваться благами цивилизации.

К тому времени, когда он кончил свои дела с животными, камач прогрелся, а в щели входного клапана пробивался свет. Язон завязал за собой клапан и подобно остальным сбросил тяжелые меха. Из одного ящика он извлек железный котел и налил в него воды из кожаного мешка. Этот мешок и несколько других стояли в ряд с пластиковыми сосудами, вода в которых была не только чище, но и другого вкуса. Он поставил котел на нагреватель. Мета и мальчик сидели молча, следя за каждым его движением.

– Это чар, – сказал он, отламывая кусок от большого брикета черного цвета. – Он сделан из листьев местного кустарника, их увлажняют и прессуют в блоки. Вкус вполне сносный и мы должны научиться потреблять его. – Он бросил обломки в воду, которая немедленно поддержнулась отвратительным пурпурным налетом.

– Мне не нравится его вид, – сказал, глядя с подозрением, Гриф. – Не думаю, чтобы он мне понравился.

– Тебе все равно придется попробовать – если мы хотим избежать разоблачения, нам придется жить как эти кочевники. Кстати, это напомнило мне еще одну важную вещь.

Язон, говоря это, отвернул рукав и начал отстегивать кабель, соединяющий пистолет с кобурой. Остальные глядели на него, удивленно вытаращив глаза.

– Что случилось, что ты делаешь? – Спросила его Мета, когда он снял пистолет и сунул его в металлический ящик.

Пирряне носят оружие днем и ночью. Жизнь без оружия для них немыслима.

– Снимаю пистолет, – терпеливо объяснил он. – Если я выстрелю из него или

кто-нибудь из туземцев его увидит, наша маскировка будет разоблачена. Давайте ваши пожалуйста тоже...

Прежде чем он кончил, раздался резкий щелкающий звук и пистолеты оказались в руках их владельцев, выскочив из кожаной одежды. Язон спокойно смотрел на устремленные на него стволы. – Именно это я и имел в виду. Как только что-то вас волнует, сразу щелк – и выскакивает пистолет. Это уже от вас не зависит, срабатывают ваши рефлексy. И мы должны будем спрятать наши пистолеты в укромном месте, чтобы можно было их использовать в случае необходимости, но чтобы их нельзя было обнаружить. Нам придется справляться с туземцами их оружием. Смотрите.

Пистолеты прыгнули обратно в кобуру и внимание пиррян было привлечено выставкой Язона. Он принес тяжело звякнувшую шкуру. Она была полна разнообразного вида ножами, мечами, дубинками и булавами.

– Хорошо, не правда ли? – Спросил он. И они оба кивнули в знак согласия. Дети и конфеты: пирряне и оружие! – С этим мы будем вооружены так же хорошо, как и любой туземец, или даже лучше. Ибо любой пиррянин стоит троих варваров. Я надеюсь, что это так. Кроме того, наше оружие гораздо лучше – это копии местных изделий, но они сделаны из лучшей стали, они прочнее и края у них острее. А теперь дайте мне ваши пистолеты.

На этот раз только пистолет Грифа появился в его руке, и он настолько сохранил самообладание, что пистолет тут же нырнул в кобуру. Потребовалось пятнадцать минут лести и уговоров, чтобы Мета неохотно рассталась со своим оружием: для того, чтобы обезоружить мальчика, потребовалось еще два часа. Наконец это было сделано, и Язон раздал полные кружки чара своим несчастным партнером – оба сжимали мечи, чтобы как-то утешиться.

– Я знаю, что это отвратительно, – сказал он, глядя на них, на их разочарованные лица. – Вам не нужно привыкать к нему, но по крайней мере научитесь его пить так, чтобы никто не думал, что вас отравляют.

Если не считать их случайных испуганных взглядов на свои правые руки, пирряне забыли о пистолетах. Когда нужно было готовиться ко сну, Язон раскатал спальные мешки-шкура и выключил обогреватель, в то время, как остальные прятали оружие...

– Пора спать, – заявил Язон, – нам придется подняться очень рано, чтобы достичь нужного места. Там небольшая группа кочевников движется к лагерю Темучина, мы присоединимся к ним. Это поможет нам приглядеться к жизни варваров, потренироваться в нужных навыках и присоединиться к главным силам без дополнительных подозрений.

Язон поднялся до рассвета и запрятал все чуждые местным обычаям предметы в металлический ящик, и лишь потом разбудил остальных. Он оставил три саморазогревающихся пищевых набора, но решил не открывать их, пока не будет нагружен полностью эскунг. Это была тяжелая, требующая много времени работа, и Язон чувствовал большое облегчение от сознания, что его разгневанные пирряне безоружны... кожаное покрывало камача сняли и выкопали железные столбы. Их связали в четырехугольную раму и приделали к ней колеса. Сверху погрузили весь остальной багаж. Солнце уже стояло высоко над горизонтом, а они были мокрыми от пота, несмотря на ледяной пронизывающий ветер, когда все погрузили на эскунг. Мороны громко хрустели травой, козы рассыпались по равнине и тоже паслись. Мета выразительно посмотрела как они едят, и Язон понял намек.

– Идемте, – сказал он, – остальное сделаем после еды.

Он нажал клапан своего самоподогревающегося пакета с едой, оттуда вырвался горячий пар. Они извлекли пластмассовые ложки и еда проходила в голодном молчании.

– Долг зовет, – объявил Язон. – Мета, вырой ножом глубокую яму, чтобы упрятать эти пакеты. Я оседлаю моронов и запрягу их в эскунг... Гриф, бери ведро, вон то наверху и собери весь навоз животных. Не стоит пренебрегать местными ресурсами.

– Что я должен сделать?

Язон фальшиво улыбнулся и указал на землю вблизи больших травоядных. – Помет. Вот эти штуки. Мы высушим их и используем как топливо для обогрева и приготовления

пищи.

Он взвалил на спину ближайшее седло и сделал вид, что не слышит ответной реакции мальчика. Он наблюдал за тем, как кочевники седлают этих больших животных и даже сам практиковался немножко, но все-таки сделать это было трудно. Мороны оказались послушными, но невероятно глупыми животными и признавали только действие грубой силы. Ко времени, когда можно было пускаться в путь, все трое оказались уставшими. Язон указывал дорогу, сидя на одном из животных, Мета ехала на другом, а Гриф вскарабкался на верх багажа и правил эскупом и приглядывал за козами. Эти животные бежали следом, срывая по дороге траву, вынуждаемые держаться поближе к своим хозяевам, предоставляющим им жизненно необходимую воду и соль.

К полудню они заметили облако пыли, движущееся перед ними наискосок. – Сидите спокойно и приготовьте оружие, – сказал Язон, – пока я буду разговаривать. Прислушайтесь к их упрощенному языку, чтобы позже могли на нем разговаривать.

Подъехав ближе, они рассмотрели темную группу моронов и рассыпанные вокруг пятнышки козих стад. Три животных отделились от большой группы и направились к ним рысью. Язон знаком приказал своему отряду остановиться, потом с проклятием, всем своим весом налег на узду, чтобы заставить остановиться своего морона. Тот немного поартачился и немедленно начал пастись. Язон высвободил нож из ножен, заметив, что рука Меты непроизвольно сжалась в ожидании пистолета. Всадники с топотом приближались и остановились прямо перед ними. У переднего всадника была грязная борода и один глаз. Пустая глазница была красной, видимо, глаз был потерян недавно. На всаднике был металлический шлем с насечкой, увенчанный черепом длиннозубого грызуна.

– Кто ты, жонглер? – Спросил он, перекладывая булаву с шипами из одной руки в другую. – Куда ты направляешься?

– Я – Язон, певец и рассказчик, направляюсь в лагерь Темучина. А ты кто?

Человек принялся ковырять в зубах черным ногтем. – Шейнин из племени Крысы. Что ты скажешь о Крысах?

У Язона не было ни малейшего представления о том, как он должен относиться к Крысам, поэтому он перебирал возможные ответы. Он заметил, что у остальных всадников на шлемах такие же черепа, несомненно черепа крыс. Символ их племени... Очевидно, у разных племен разные черепа. Но он вспомнил, что у Орайала не было такого украшения и что жонглеры стояли в стороне от межплеменных конфликтов. – Я приветствую вас, – импровизировал он. – Крысы мои лучшие друзья!

– У тебя была вражда с Крысой?

– Никогда! – Ответил Язон, оскорбленный этим предположением.

Шейнин казался удовлетворенным и продолжал ковырять в зубах.

– Мы тоже идем к Темучину, – сказал он неразборчиво сквозь пальцы. – Я слышал, что Темучин объединяет всех против Горных Ласок, и я хочу присоединиться к нему. Поедешь с нами. Вечером споешь для меня.

– Я тоже ненавижу Горных Ласок. Буду петь для тебя вечером.

Послышалась хрипая команда. Трое всадников повернулись и поскакали.

Отряд Язона последовал за ними и вскоре присоединился к медленно движущейся колонне моронов. Пришлось следить, чтобы козы их стада не мешались с другими.

– Ты не собираешься нам помогать? – Холодно спросила Мета.

– Это общество ориентировано на мужчин и в нем каждый делает лишь свое дело. Я буду помогать вам в шатре, но не на виду у всех.

День оказался коротким, что по достоинству оценили трое инопланетян. Вскоре кочевники достигли сегодняшней цели – колодца в пустыне. Язон, окоченевший и уставший, слез на землю и принялся разминать ноги, чтобы восстановить кровообращение. Мета и Гриф, сгоняли и привязывали протестующих коз, что заставило Язона предпринять прогулку по лагерю, чтобы избежать убийственных взглядов Меты. Его заинтересовал колодец: он подошел поближе. Только мужчины и юноши собрались здесь, по-видимому существовало

какое-то сексуальное табу, связанное с водой. Вполне понятно, ибо здесь вода жизненно необходима.

Каменная пирамида обозначала колодец. Мужчины сдвинули ее и обнаружилась избитая железная крышка. Она была густо смазана жиром, чтобы предотвратить ржавчину. Когда крышку откинули в сторону, один из мужчин тщательно смазал ее снова с обеих сторон. Сам колодец был примерно метр в диаметре и очень глубокий, стены его были выложены из камней, тщательно подогнанных друг к другу и сложенных без извести. Камни были очень древними и вытертыми у верха за столетия пользования. Язон задавал себе вопрос, кто был первым строителем этого колодца.

Добыча воды из колодца осуществлялась самым примитивным способом – погружением железного ведра на веревке и затем вытягиванием его. Эту работу мог осуществлять лишь один человек – для двоих не хватало места. Приходилось широко расставлять ноги и изо всех сил тащить веревку. Работа была тяжелая, мужчины часто сменяли друг друга, остальные стояли рядом и разговаривали или разносили наполненные водой кожаные мешки по своим камачам.

Язон занял очередь у колодца и отправился посмотреть, как идет работа.

Все козы были уже привязаны, Мета с мальчиком уже поставила столбы и пыталась натянуть на них кожаный покров. Язон выполнил свою часть работы, сняв с груди вещей металлический ящик-сейф и усевшись на него. Рваная кожаная обшивка ящика скрывала стенки из твердого сплава: сейф имел замок, который был настроен на отпечатки пальцев трех прищельцев. Язон вытащил двухструнную лютню – имитацию музыкального инструмента, который он видел у Орайала, и замурлыкал какую-то песню.

Проходивший мимо воин остановился и начал смотреть, как сооружают камач для жонглера. Язон узнал одного из трех всадников и решил не обращать на него внимания. Он затынул вариант песни подгулявших космонавтов. – Хорошая, сильная женщина, но глупая, – внезапно сказал воин, указывая пальцем, – не может правильно поставить камач. Мне нужна сильная женщина. Я за нее дам тебе десять коз.

Язон не знал, что ответить, поэтому неопределенно хмыкнул. Воин настаивал, почесывая бороду и откровенно восхищаясь Метой.

Язон видел, что не только сила восхитила воина. Мета, напряженно работая, сбросила тяжелую верхнюю шкуру, и ее стройная фигура была более привлекательна, чем неуклюжие, квадратные фигуры женщин племени. Волосы ее были чистыми, зубы целыми, а лицо не обезображено шрамами и рубцами.

– Ты не захочешь ее, – сказал Язон. – Она долго спит, много ест, да и стоит дорого. Я заплатил за нее двадцать коз.

– Я дам тебе десять, – сказал воин, хватая ее за руку, чтобы оттащить в сторону и получше разглядеть.

Язон содрогнулся. Возможно, женщины их племени позволяли обращаться с собой, как со скотом, но Мета определенно не позволит. Язон ждал взрыва, но она удивила его, просто выдернув руку и вернувшись к своей работе.

– Иди сюда, – сказал Язон мужчине. Он решил вмешаться, чтобы дело не зашло слишком далеко. – Выпьем. У меня есть хороший ачад.

Но было поздно. Воин закричал от гнева, что ему оказывает сопротивление простая женщина, и кулаком ударил ее по уху, потом вновь схватил и потащил.

Мета покачнулась от сильного неожиданного удара, затрясла головой. Когда он потащил ее вторично, она не сопротивлялась, а лишь отшатнулась назад, потом выдернула руку и краем ладони ударила воина в кадык. Она стояла в ожидании, а воин согнувшись вдвое, хрипло кашлял и выплевывал кровь.

Язон хотел прыгнуть вперед и встать между ними, но не успел.

Боевые навыки воина были великолепны – но у Меты они были лучше. Он распрямился, кровь стекала по его подбородку, в руке его был зажат нож. Он хотел ударить им Мету.

Мета обеими руками перехватила его запястье, поворачивая его руку и не давая ножу приблизиться к своему телу. Она выворачивала руку до тех пор, пока не завела ее воину за спину, затем нажала с такой силой, что нож вывалился из его онемевших пальцев. Она могла остановиться на этом, но будучи пиррянкой, не остановилась.

Мета подхватила нож в воздухе, не дав ему коснуться земли, выпрямилась и косо ударила им воину в спину под ребро, всадив его по рукоятку в легкие и сердце. И воин был убит мгновенно. Когда она отпустила его, он молча упал на землю.

Язон отпрыгнул к сейфу и прижал палец к замку. Послышался характерный щелчок и ящик был открыт. Множество кочевников были свидетелями этой смерти и гул изумления потряс воздух. Одна женщина, неуклюже переваливаясь, подошла к воину, молча взяла его за руку. Когда она выпустила ее, рука безжизненно упала.

– Мертв! – Сказала она удивленно и с испугом посмотрела на Мету.

– Ко мне! – Скомандовал Язон, используя язык, непонятный собравшимся в толпу. – Берите оружие и становитесь рядом. Если дело обернется плохо, вот тут газовые гранаты и ваши пистолеты. Но оставим это в качестве последнего резерва.

Шейнин, окруженный группой воинов, пробрался через толпу и недоверчиво посмотрел на мертвого.

– Твоя женщина убила этого человека его собственным ножом?

– Да, но по его вине, он потащил ее и ударил, а потом хотел убить. Это была самозащита. Спроси любого.

Со стороны толпы послышался одобрительный гул.

Вождь казался изумленным, но не рассерженным. Он перевел взгляд с трупа на Мету и затем важно подошел, взял Мету за подбородок и, поворачивая ее голову вправо и влево, стал рассматривать. Язон видел ее сжатые до бела пальцы, но она владела собой.

– Из какого она племени? – Спросил Шейнин.

– Из далека, с гор на севере. Племя ее называется... пирряне. Могучие борцы!

Шейнин нахмурился.

– Никогда о них не слышал. Какой у них тотем?

В самом деле, какой? – Задумался Язон. – Вряд ли крыса или ласка. Каких животных они видели в горах?

– Орел! – Объявил он с уверенностью, которой не чувствовал. Он видел птицу, похожую на орла, высоко над вершинами гор.

– Сильный тотем, – сказал Шейнин. На него это явно произвело впечатление. Он посмотрел на мертвого воина и пнул его носком ноги. – У него были мороны, были шкуры. Женщина не может получить их.

Он подозрительно взглянул на Язона, ожидая ответа. Ответ получить было не трудно, женщины сами собственность, не могли иметь собственности. А добыча переходила к победителю. Но никто не мог обвинить в скупости Язона дин-Альта, пожертвовавшего несколькими второсортными моронами и поддержанными шкурами.

– Конечно, они принадлежат тебе, Шейнин. Это справедливо. Я и не думал брать их, о нет! А ночью я побью эту женщину за ее поступок.

Ответ был правильный, и Шейнин принял добычу как должное. Он отвернулся и пошел, бросив через плечо:

– Он не был хорошим бойцом, если его смогла убить женщина. Но у него осталось два брата...

Это что-то означало, и Язон призадумался, пока толпа рассеивалась, забрав с собой мертвеца. Мета и Гриф закончили ставить камач и внесли внутрь все их добро. Язон сам внес сейф и послал Грифа подогнать поближе коз – убийство могло вызвать неприятности.

Они начались даже раньше, чем он ожидал. Послышались глухие удары и резкий крик снаружи. Язон бросился к выходной двери. Когда он выбежал, события были уже позади. С полдюжины, вероятно, родственников убитого, решили отомстить, напав на Грифа. Большинство из них были старше его. Они надеялись быстро справиться с ним и убежать. Но

получилось совсем не так. Трое схватили его и хотели держать, пока остальные будут бить. Двое из этих троих, теперь без памяти лежали на земле – пиррянин ударил их головами друг об друга – третий, получив удар в пах, корчился от боли. Гриф коленом прижал к земле четвертого, в то же время намереваясь сломать ногу пятому, выворачивая ее за спину. Шестой пытался убежать, и Гриф уже достал нож, чтобы помешать этому.

– Оставь нож! – Крикнул Язон, помогая беглецу сильным пинком в зад. – С нас и так довольно неприятностей от одного убийства.

Нахмурившись, лишенный удовольствия полной победы, Гриф издал воинственный крик и нажатием колена и рук извлек из своих противников стон. Потом он встал и презрительно смотрел, как они хромя, удирают с поля битвы: кроме быстро черневшего синяка под глазом и порванного рукава, у него самого не было никаких повреждений. Язон старался говорить спокойно, когда велел ему идти в камач, где Мета приложила к глазу мальчика холодный компресс.

Язон плотно закрыл входной клапан.

– Что ж, – сказал он, пожимая плечами, – никто не скажет, что первое впечатление от нас было слабым

Глава 8

– Хотя у них были огненные мечи, Они умирали в бесчисленном количестве.

Тучи наших стрел поражали чужестранцев. И гнали с наших пастбищ...

– Я говорю голосом Темучина, я, Аханк, его капитан, – произнес воин, отбрасывая в сторону клапан камача Шейнина.

Язон прервал свою балладу «О летающих чужестранцах» и медленно обернулся, чтобы увидеть того, кто вызывал желанный перерыв. Горло его пересохло, он устал, много раз повторяя одну и ту же песню. Его рассказ о поражении космических пришельцев был популярен в лагере.

Новоприбывший, несомненно, был офицером высокого ранга. Его нагрудник и шлем сверкали и не были иссечены, наоборот, на них сверкало несколько драгоценных камней. Он вошел прихрамывая, косолапо ставя ступни, и остановился перед Шейнином. Его рука лежала на рукояти меча.

– Чего хочет Темучин, – холодно спросил Шейнин, тоже положив руку на меч. Ему не понравились манеры новоприбывшего.

– Он хочет услышать жонглера по имени Язон. Тот должен явиться немедленно.

Глаза Шейнина превратились в узкие щелки.

– Сейчас он поет для меня. Когда кончит, пойдет к Темучину. Кончай песню, – сказал он, обернувшись к Язону.

Для вождя кочевников, все остальные вожди были равны, и его трудно было убедить в чем-либо. Темучин и его офицеры были достаточно опытны и знали, как убеждать.

Аханк резко свистнул и в камач ворвался взвод тяжеловооруженных воинов с натянутыми луками. Шейнина убедили.

– Я устал от этого хрипа, – заявил он, зевая и отворачиваясь. – Сейчас я буду пить ачад с одной из моих женщин. Все уходите.

Язон вышел в сопровождении почетной охраны и направился к своему камачу. Офицер остановился и широкой ладонью ткнул его в грудь.

– Темучин будет слушать тебя сейчас. Иди туда.

– Убери руку, – сказал Язон тихо, так, чтобы не слышали ближайшие солдаты. – Я надену лучший костюм и натяну новую струну; одна из струн порвана.

– Иди туда, куда тебе приказывают, – громко сказал Аханк, оставив руку на прежнем месте и еще раз толкая Язона.

– Вначале мы зайдем в мой камач. Он совсем близко, – на этот раз Язон говорил также громко. В тоже самое время он перехватил руку офицера и сжал ее пальцы. В любом случае

это болезненно, а его усиленные пиррянской гравитацией мускулы заставили офицера почувствовать, что у него отрываются пальцы. Офицер сморщился от боли и неуклюже потянулся левой рукой за мечом, потому что правая была по-прежнему сжата Язоном.

– Я убью тебя ножом, если ты вытащишь меч, – сказал Язон, прижав острый конец лютни к животу Аханка. – Темучин приказал привести меня, а не убивать. Он рассердится, если мы раздеремся. Ну, что ты выбираешь?

Офицер некоторое время сопротивлялся, и его губы скривились от гнева, потом он отпустил меч.

– Вначале мы зайдем в твой камач, чтобы ты мог надеть что-нибудь поприличнее вместо этих лохмотьев, – громко сказал он.

Язон выпустил его руку и пошел вперед, оглядываясь по сторонам, чтобы не выпустить из вида офицера. Тот спокойно шел сзади, растирая онемевшие пальцы, но тот взгляд, которым он проводил Язона, был полон откровенной ненависти. Язон пожал плечами. Он нажил себе врага, это несомненно. Но ему обязательно надо было сначала попасть в камач.

Путешествие с Шейнином и его племенем было утомительным, но неизбежным. Беспокойства со стороны родственников больше не было. Язон использовал время, упражняясь в жонглерском искусстве и изучая обычаи и культуру кочевников. Они достигли лагеря Темучина и остановились там неделю назад.

Лагерь – не вполне точное определение, так как кочевники рассеивались на многие мили вдоль мелкого грязного ручья, который они называли рекой. Очевидно, это на самом деле была самая большая река их равнин. Так как животные нуждались в траве, каждому племени нужна была большая территория. Настоящий военный лагерь находился в центре, но Язон там еще не был. Он не торопился. Ему хватало материалов и наблюдений для записи и в «предмestьях». Пока он не был достаточно уверен в себе, чтобы проникнуть в самое сердце врага, к тому же Темучин однажды видел его, а он производил впечатление человека с хорошей памятью. Теперь кожа Язона была темнее, он использовал специальное средство, чтобы ускорить рост густых усов, свисающих у него до подбородка по обе стороны рта. Тека вставил пробки, чтобы изменить форму носа. И Язон надеялся, что этого будет достаточно. Теперь он задавал себе вопрос, что мог слышать о нем военный вождь?

– Быстро вставайте! – Крикнул он в открытый вход своего камача. – Я иду к Великому Темучину и должен соответственно одеться...

Мета и Гриф смотрели на Язона и офицера, вошедшего следом, и не двигались.

– Побольше шума, – сказал Язон на пиррянском. – Бегайте и делайте вид, что вы взволнованы. Предложите этому элегантному неряхе выпить. Отвлеките от меня его внимание.

Аханк принял напиток, но не спускал с Язона глаз.

– Бери, – сказал Язон, протягивая лютню Грифу, – надень на эту штуку новую струну или сделай вид, что надеваешь, если не сможешь найти запасную. И не проявляй своего характера, когда я толкну тебя. Это часть представления.

Гриф нахмурился, но в остальном вел себя удовлетворительно, когда Язон толкнул его, чтобы он занялся лютней. Язон снял куртку, натер свежей мазью лицо, немного натер и волосы, как того требовали хорошие манеры, затем открыл сейф, порылся в нем, вытащил свою лучшую куртку, одновременно пряча в ладони маленький незаметный предмет.

– Теперь слушайте, – сказал он на пиррянском. – Меня отведут к Темучину. Избежать этого невозможно. Я взял с собой один из детонаторов, а два оставил здесь на самом верху. Как только я уйду, возьмите их. Будьте настороже. Не знаю, как пройдет мое свидание с вождем, но если что-нибудь случится, я буду постоянно держать с вами связь. Могут потребоваться быстрые действия. Держитесь бодрее и не отчаивайтесь. Мы их одолеем.

Надев куртку, он прикрикнул на них на меж-языке:

– Подайте лютню, да побыстрее! Если что-нибудь случится в мое отсутствие, я побью вас обоих.

Он вышел.

Они ехали свободной группой и возможно чисто случайно по обеим сторонам Язона постоянно ехали по два солдата. Что слышал о нем Темучин и почему он хотел его видеть? Предположения были бесполезны. Язон пытался не думать об этом и наблюдать за окружающей обстановкой, но мысли все равно возвращались к этому.

Послеполуденное солнце стояло низко над камачами, когда они приблизились к военному лагерю. Здесь не было стад, а шатры стояли аккуратными рядами. Со всех сторон видны были войска. Широкая улица оканчивалась очень большим черным камачем, окруженным рядами копьеносцев. Язон не нуждался в наличии герба, чтобы понять, чей это камач. Он слез со своего морона, взял под мышку лютню и пошел за офицером, стараясь, чтобы его походка выглядела гордой, но не надменной.

Аханк пошел вперед, чтобы сообщить о прибытии Язона. Как только он ушел, Язон сунул детонатор в рот и языком придвинул его на место. Он укрепился как раз над верхним правым коренным зубом и включился автоматически под действием слюны.

– Проба... проба... вы меня слышите? – Осторожно прошептал он.

Миниатюрный передатчик мог транслировать голос в диапазоне от шепота до крика.

– Слышим громко и отчетливо, – прозвучал в его ушах голос Меты. Слышать его мог только Язон. Колебания сообщались зубу, оттуда костям черепа и далее воспринимались перепонками.

– Иди вперед! – Крикнул Аханк, грубо оборвав радиопереговоры и схватив Язона за руку.

Язон высвободил руку, вошел и остановился перед человеком в кресле с высокой спинкой. Темучин отвернулся, разговаривая с двумя своими офицерами и это было к лучшему, так как Язон не мог сдержать удивления при виде трона вождя. Это было тракторное сидение, поддерживаемое стволами безоткатных орудий. Со стволов свисали связки человеческих пальцев: от некоторых остались лишь кости, на других висели лохмотья черного мяса. Темучин – убийца пришельцев и здесь была его добыча.

Темучин повернулся, когда Язон подошел поближе и посмотрел на него холодным, лишенным выражения взглядом. Язон поклонился, больше из желания избежать его взгляда, чем стремясь показаться почтительным. Узнал ли его Темучин? Внезапно пробки в носу и отросшие усы показались ему слишком слабой маскировкой. Нужно было сделать больше. Темучин видел его в этот раз совсем близко. Конечно, он узнает его. Язон медленно выпрямился: холодный взгляд вождя по-прежнему был устремлен на него. Язон знал, что он должен стоять спокойно; Темучин должен заговорить первым. Но правильно ли это? Так поступил бы Язон – заставил противника раскрыть карты. Но разве этого ожидают от странствующего жонглера? Жонглер должен испытывать трепет.

– Ты послал за мной, великий Темучин. Я горд этой честью. – Он вновь поклонился. – Ты хочешь, чтобы я пел для тебя?

– Нет, – холодно сказал Темучин.

Язон придал лицу выражение изумления.

– Не нужно песен? Но тогда чего же великий вождь племен хочет от бедного жонглера-странника?

Темучин одарил его враждебным взглядом. Язон задал себе вопрос, насколько эта враждебность была истинной, а насколько усвоенной манерой поведения, чтобы держать в страхе туземцев. – Информация, – сказал Темучин, и в этот момент во рту Язона ожил приемник и голос Меты произнес:

– Язон, тревога. Вооруженные люди снаружи приказывают нам выйти, иначе, они говорят, что убьют нас.

– Обязанность жонглера – рассказывать и учить. Что ты хочешь знать? – И прошептал: – Не используйте pistols. Сопровитляйтесь, я попытаюсь помочь.

– Что это? – Угрожающе наклонился к нему Темучин. – Что ты шепчешь?

– Ничего. Это просто, – черт побери, как сказать на меж-языке «нервное состояние», – это жонглерская привычка. Мы про себя повторяем слова песен, чтобы не забыть их.

Темучин откинулся на спинку, на лбу его обозначилась резкая морщина. Ему явно не понравилось поведение Язона на аудиенции. Не понравилось оно и самому Язону. Но как же помочь Мете и Грифу?

– Они ворвались! – Прошептал ее кричащий голос.

– Расскажи мне о племени пиррян, – сказал Темучин.

Язон pokrылся потом. У Темучина должен быть шпион в племени или Шейнин добровольно рассказал ему об этом. А семья убитого, видимо решила отомстить, поскольку Язона не было в лагере.

– Пирряне это просто другое племя. Зачем тебе знать о них?

– Что? – Темучин вскочил на ноги, схватившись за меч. – Ты осмеливаешься задавать мне вопросы?

– Язон!

– Нет, подожди, – Язон чувствовал, как испарина превратилась в крупные капли пота на его смазанном лице. – Что ты хочешь знать о них? Вот что я хотел спросить.

– Их много... У них мечи и щиты... Они все напали на Грифа...

– Никогда не слышал об этом племени. Где они пасут свои стада?

– В горах... на севере, в горных долинах.

– Гриф упал, я не могу справиться с ними.

– Что это значит? Что ты скрываешь? Ты возможно не знаешь закона Темучина. Награда тем, кто со мной. Смерть тем, кто против меня. Медленная смерть тем, кто пытается предать меня.

– Медленная смерть? – Спросил Язон, прислушиваясь к молчащему передатчику.

Темучин некоторое время смотрел на него молча.

– Ты многого не знаешь, жонглер, и что-то в тебе кажется неправильным. Я покажу тебе кое-что – это подбодрит тебя и заставит говорить свободнее. – Он хлопнул в ладоши и один из дежурных офицеров выступил вперед. – Принесите Даена.

Было ли это приглушенным дыханием? Язон не был уверен. Он вновь перенесся в камач вождя и с удивлением увидел человека на носилках. Тот был связан, и вокруг его шеи была веревка. Он не пытался ослабить эту веревку и освободиться: на месте пальцев у него были окровавленные обрубки. На голых ногах пальцы тоже были обрублены. – Медленная смерть, – сказал Темучин, пристально глядя на Язона. – Даен предал меня и перешел на сторону Горных ласок. Он здесь уже много дней. Но сегодня его постигнет справедливость.

Вождь поднял руку.

Воины держали человека и он не мог сопротивляться. Тонкие кожаные ремешки глубоко врезались в его запястья и лодыжки. Его правую руку прижали к земле и один из солдат взмахнул топором, рука отлетела в сторону, кровоточа. Воин отрубил вторую руку, а затем обе руки.

– Он мог жить еще несколько дней. У него оставались еще руки и ноги. – Сказал Темучин. – Если бы он продержался подольше, может быть я помиловал бы его на третий день. А может и нет. Я слышал о человеке, который продержался так целый год, пока не настал его последний день.

– Очень интересно, – сказал Язон. – Я слышал об этом обычае, но вижу впервые. – Нужно было что-то предпринять. Он услышал топот моронов снаружи и крики. – Ты слышишь? Слышишь свист?

– Ты сошел с ума? – Удивленно спросил Темучин. Он гневно махнул рукой и лишившегося сознания человека унесли, его отрубленные конечности тоже убрали.

– Это был свист, – сказал Язон, идя к выходу. – Я должен выйти. Сейчас я вернусь. – Офицеры в шатре были ошеломлены не меньше Темучина. Никто так не прерывал аудиенцию у вождя.

– Одну минутку, я сейчас.

– Стой! – Крикнул Темучин, но Язон был уже у выхода. Охранник преградил ему путь, вытягивая меч. Язон толкнул его плечом – тот покатился по земле – и вышел.

Охранники, стоявшие снаружи, не обратили на него внимания, они следили за теми, кто входит. Идя спокойно, но не быстро, Язон повернул направо и достиг угла камача раньше, чем преследователи выскочили наружу. Сзади слышались крики и охота началась. Язон завернул за угол и изо всех сил побежал вдоль стены.

В отличие от меньших, круглых камачей, это был прямоугольник, и Язон достиг следующего угла и завернул за него раньше, чем разъяренная толпа смогла увидеть, куда он делся. Крики продолжали звучать за ним, а он изо всех сил бежал вдоль стены. Только добежав до передней стены, он замедлил шаг и повернул за угол.

Преследователи рассыпались в разных направлениях, их крики звучали в отдалении, как собачий лай. Два охранника у входа тоже приняли участие в охоте, а все стоявшие поблизости глядели в разных направлениях. Язон спокойно подошел ко входу и вошел внутрь. Темучин, гневно шагавший по камачу, услышал, что кто-то вошел.

– Ну! – Крикнул он. – Поймали... Ты? – Он отступил на шаг и выхватил сверкающий меч.

– Я твой верный слуга, Темучин, – спокойно сказал Язон, разводя руками, но не отступая. – Я пришел сообщить тебе о нарушениях твоего указа среди племен.

Темучин не ударил, но не опустил меч.

– Говори быстрее, твоя смерть у меня в руке.

– Я знаю, ты запретил стычки среди тех, кто служит тебе. Но люди напали на мою служанку, которая убила воина, напавшего на нее. Я был рядом с ней с того дня, как это случилось и до сего дня. Я попросил достойного доверия человека следить за ней и сообщать мне. Я слышал его свист; он не осмелился войти в камач Темучина. Я только что разговаривал с ним. Вооруженные люди напали на мой камач в мое отсутствие и захватили моих слуг. Но я слышал, что для всех, кто служит Темучину, существует один закон. Я прошу у тебя справедливости.

За Язоном слышался топот и вбежали преследователи. Они остановились в недоумении при виде стоящих лицом к лицу Язона и Темучина, со все еще обнаженным мечом.

Темучин смотрел на Язона. Меч его слегка дрожал в руке. В молчании был ясно слышен стук его зубов, когда он опустил меч острием в грязный пол.

– Аханк! – Выкрикнул он, и офицер выбежал вперед, хлопнув себя по груди. – Бери четыре руки людей и скачи в племя Шейнина из клана Крысы... – Я могу показать... – Прервал его Язон.

Темучин повернулся к нему, приблизил свое лицо так, что Язон ощутил его дыхание на своих щеках, и сказал:

– Заговоришь еще раз без моего разрешения – умрешь!

Язон молча кивнул. Он знал, что и так перегнул палку. Помолчав, Темучин отвернулся к офицеру:

– Отправляйся к Шейнину и прикажи ему выдать тех, кто захватил пиррянских слуг. Приведи их сюда.

Аханк побежал к выходу, салютуя по пути; в окружении Темучина повиновение расценивалось выше вежливости. Темучин в дурном настроении ходил взад и вперед, офицеры молча отступили к стенам, некоторые выскользнули наружу. Только Язон стоял прямо – даже тогда, когда разъяренный вождь помахал перед его носом кулаком.

– Почему я позволяю тебе все это? – Он спросил его с холодной яростью. – Почему?

– Могу я ответить? – Спросил Язон спокойно.

– Говори, – проревел Темучин, нависая над ним, как падающая гора.

– Я вышел из камача Темучина потому, что это была единственная возможность добиться справедливости. Я был уверен в справедливости вождя. Темучин молчал, но глаза его гневно сверкали.

– Жонглеры не знают племени и не носят тотема. Так и должно быть, ибо они ходят от племени к племени и не должны хранить верность. Но я должен сказать тебе, что родом я из

племени пиррян. Они прогнали меня, и поэтому я стал жонглером.

Темучин не задал напрашивающегося вопроса, и Язон был вынужден продолжать. Нельзя было допустить, чтобы молчание затянулось.

– Я должен был уйти, потому что... мне трудно об этом говорить... сравнительно с другими пиррянами... я слишком слаб и труслив...

Лицо Темучина налилось кровью. Он разразился хохотом. Все еще хохоча, он подошел к трону и упал на него. Никто не знал, что делать; поэтому все молчали. Язон позволил себе слегка улыбнуться, но ничего не сказать. Темучин знаком подозвал слугу с кожаным кувшином ачада и выпил один глоток. Хохот перешел в хихиканье, потом совершенно замер. Вождь снова был холоден, он полностью овладел собой.

– Я доволен, – сказал он. – Мне редко приходится смеяться. Ты слишком умен, пожалуй, даже слишком, когда-нибудь ты умрешь из-за этого. Продолжай рассказ о пиррянах.

– Мы живем в горных долинах севера и редко спускаемся на равнину.

Язон подготовил этот рассказ еще до присоединения к кочевникам: теперь было время использовать его. – Мы верим в силу, но верим и в закон. Но мы редко покидаем наши долины и убиваем всех, кто нарушит наши границы. Наш тотем Орел, он означает силу и любая наша женщина может убить воина голыми руками. Мы слышали, что Темучин принес на равнины закон, поэтому меня послали сюда, чтобы я узнал правду. Если это правда, то пирряне присоединятся к Темучину...

Оба они взглянули на внезапную помеху – Темучин, так как послышались крики команды и группа моронов остановилась у входа в камач – Язон, потому что приемник слабым голосом произнес: – Язон. – Он не понял, кто это говорит, Мета или Гриф.

Аханк и его воины вошли в камач, таща за собой пленников. Их было двое. Один раненый, истекал кровью, другой был невредим. Язон узнал в них кочевников из племени Шейнина. Внесли и положили у стены Мету и Грифа, окровавленных, избитых, неподвижных. Гриф открыл один неповрежденный глаз, сказал «Язон» и снова потерял сознание. Язон двинулся к ним, но овладел собой и заставил себя остановиться. Сжав кулаки так, что ногти врезались в ладони.

– Докладывай, – сказал Темучин.

Аханк выступил вперед.

– Мы сделали так, как ты приказал, Темучин. Быстро прибыли в это племя и Шейнин указал нам камач. Мы пошли туда и вынуждены были убивать, чтобы заставить их подчиниться. Двое захвачены в плен. Рабы дышат, я думаю, они живы.

Темучин в очевидной задумчивости потер подбородок.

Язон заговорил:

– Могу я получить у Темучина разрешение задать вопрос?

Темучин пристально посмотрел на него, затем кивнул в знак согласия.

– Какое наказание следует за неповиновение приказу и за нападение в пределах лагеря?

– Смерть. Разве есть другое наказание?

– Тогда я отвечу на вопрос, который ты задал раньше. Ты хочешь знать, каковы пирряне. Я самый слабый из них. Я убью этого нераненного пленника одной рукой, вооруженный лишь одним кинжалом и одним ударом – неважно, как он будет вооружен. Даже если ему дадут меч. Он выглядит хорошим воином.

– Да, – сказал Темучин, глядя на рослого и сильного человека, который был на голову выше Язона. – Это хорошая мысль.

– Привяжи мне руку, – сказал Язон ближайшему охраннику, заведя свою левую руку за спину. Пленник все равно обречен на смерть, и если его смерть принесет пользу, то этот человек искупит все свои грехи. «Становишься лицемером, Язон?» – Спросил он сам себя, и не нашелся что ответить: в обвинении была правда. Он всегда ненавидел смерть и ярость и стремился их избегать. А теперь активно их искал.

Когда он взглянул на потерявшую сознание Мету, скрюченную на полу от боли, нож

запросился ему в руку. Демонстрация необычных боевых качеств заинтересует Темучина. А этот невежественный варвар с самодовольной улыбкой, так или иначе обречен на смерть.

Или он будет убит, если не сумеет достаточно ловко сформулировать свое предложение. Если противнику дадут копье или дубину, он в несколько минут расправится с Язоном.

Язон не изменил выражение лица, когда охрана освободила воина и Аханк протянул ему свой собственный длинный двуручный меч. Добрый старый Аханк: иногда полезно заводить врагов. Он все еще помнил свою сжатую руку и пытался отомстить.

Язон извлек из ножен свой нож с широким лезвием. Это был необычный нож. Язон сам выковал и закалил его по древнему способу. Нож был шириной в ладонь, одна его сторона была заострена вдоль лезвия, другая не меньше, чем наполовину. Нож мог вонзиться и весил около двух килограмм. И сделан он был из лучшей инструментальной стали.

Человек с мечом крикнул и взмахнув им в воздухе, прыгнул вперед. Один удар должен был решить схватку. Он вложил в этот удар весь свой вес – никакой нож не мог противостоять ему. Язон спокойно стоял и ждал.

Только когда меч опускался, он прочнее утвердился на ногах и подставил под удар свой нож. Лезвие приняло на себя всю силу удара. Нож чуть не выпал у него из рук. Язон вынужден был опуститься на колено... Раздался резкий звон и меч нападающего раскололся пополам.

Язон успел мельком заметить растерянное выражение лица противника, который продолжал сжимать в руке обломок меча. Сила удара заставила руку Язона дернуться вниз и он продолжил это движение, еще более опустив нож, а затем двинув его вверх.

Острые прорвало кожаную одежду, и нож по рукоять погрузился в живот. Оттолкнувшись от земли, Язон поднялся, изо всей силы налег на нож и нанес глубочайшую и ужаснейшую рану, разрезав все внутренние органы противника, так что лезвие остановилось только у ключицы. Глаза у его противника закатились, и Язон понял, что тот мертв. Язон выдернул нож и сделал шаг назад. Труп упал у его ног.

– Я хочу взглянуть на нож, – сказал Темучин.

– В наших долинах хорошее железо, – сказал Язон, наклоняясь и вытирая нож об одежду убитого. – Мы изготавливаем добрую сталь. – Он подбросил нож в воздухе, поймал его и подозвал воина. – Держи раненого, вытянув ему шею, – сказал он.

Раненый пытался бороться, но затем погрузился в апатию перед неизбежной смертью. Воины держали его, еще один обеими руками отвел грязные волосы и держал его лицом вниз, обнажив шею. Темучин подошел, взял нож, взвесил его в руке и поднял его над головой.

Единым усилием мускулов он опустил нож на шею, и мясистый звук «чанк» нарушил тишину камача.

Солдат сделал шаг назад, отрубленная голова выпала из его рук. Брызжущее кровавой струей тело дернулось и было бесцеремонно оттащено в сторону.

– Мне нравится этот нож, – сказал Темучин. – Я беру его себе.

– Я хотел подарить его тебе, – сказал Язон, кланяясь, чтобы скрыть недовольный вид. Он должен был знать, что так и случится. Что ж, это всего лишь нож.

– Ваши люди знают древнюю науку? – Спросил Темучин, отдавая нож слуге, чтобы тот вытер его. Язон все время был настороже.

– Не больше, чем остальные племена, – был его ответ.

– Никто из них не может делать такого железа.

– Это старый секрет, передаваемый от отца к сыну.

– Могут быть и другие старые секреты? – Теперь его голос был холоден и резок, как сталь.

– Возможно.

– Есть один утраченный секрет, о котором ты может быть слышал. Одни называют его «порохом», другие «взрывчаткой». Ты знаешь, что это такое?

Действительно, что я знаю об этом? – Язон напряженно размышлял, следя за выражением вождя. Что может варварский жонглер знать об этом? И если это ловушка, то что должен Язон ответить?

Глава 9

Мета не протестовала, когда Язон смыл кровь и грязь с ее ран и смазал их дезинфицирующей жидкостью. Аптечка наложила четырнадцать швов на рану на голове, но это было сделано, пока Мета была без сознания, а потом Язон покрыл выбритое место повязкой. После этого она пришла в себя, но не двигалась и не жаловалась, когда ему пришлось положить два шва на ее разбитую верхнюю губу.

Гриф тяжело дышал и стонал из глубины мехов, которыми укрыл его Язон. Раны мальчика были большей частью поверхностными и аптечка посоветовала покой, с чем Язон был вполне согласен.

– Теперь все, – сказал Язон. – Тебе нужно отдохнуть.

– Их было слишком много, – сказала Мета, – но мы сделали все, что могли. Дай мне зеркало. Они удивили меня, напав вначале на мальчика, но это был хитрый план. Гриф в конце концов упал. Тогда они набросились на меня, и я не могла больше говорить с тобой. – Она взяла у Язона полированное зеркало, мельком взглянула в него и протянула обратно. – Я ужасно выгляжу. Это была короткая схватка, я не помню ее ясно. У многих из них были дубинки, а женщины старались ударить меня по ногам. Я убила троих или четверых, прежде чем упала. Что произошло дальше? – Язон взял кожаный мешок с ачадом, открыл его горлышко.

– Выпьешь? – Спросил он, но Мета отрицательно покачала головой. Он сделал большой глоток. – Опуская подробности, просто скажу, что я послал за вами отряд воинов. Они привезли вас обоих и несколько членов племени Крысы – все они теперь мертвы. Я сам убил одного из них, здорового, в лучшем пиррянском стиле и не испытываю ни малейшего чувства стыда. Но мне пришлось отдать свой нож Темучину, который немедленно заметил высокий уровень технологии пиррян. Я очень рад, что ковал его вручную и что следы этого заметны на лезвии. Он спросил, знаем ли мы, пирряне, об огнестрельном оружии и это испугало меня. Я увернулся от ответа, сказав, что ничего не знаю – только слухи и название, но, возможно, другие в нашем племени знают больше.

– Он вспомнит об этом в свое время, я думаю. Тебе не следует разговаривать с этим парнем.

– Но он хочет, чтобы мы переехали. На рассвете мы снимаем наш камач и переедем в другой лагерь, сказав «до свидания» Шейнину и его племени. А чтобы мы не передумали, здесь снаружи ждет взвод воинов Темучина. Я еще не решил, считать себя пленником или нет.

– Я знаю, что выгляжу ужасно, – сказала она, кивая головой.

– Для меня ты выглядишь отлично, дорогая, – ободряюще сказал ей Язон. Он настроил аптечку на «полный покой» и прижал ее к руке Меты. Она не протестовала. С чувством вины, с сознанием, что он один ответственен за перенесенную ими боль, Язон уложил ее на меха рядом с мальчиком и укрыл их обоих. Что за безумная глупость заставила его впутать женщину и ребенка в это убийственное дело?

Потом он вспомнил, что условия здесь намного лучше, чем на Пирре, и что он, возможно, спас им жизнь, увезя сюда. Он смотрел на их раны и ушибы и думал, что они может быть, поблагодарят его за это когда-нибудь.

Утром раненые пирряне уже смогли выбраться из камача, поэтому Язон смог организовать его разборку солдатами. Убирать камач – женская работа, но Язон не позволил ни одной женщине из племени Шейнина приблизиться к нему. Он был уверен, что после недавних смертей, вражда к ним усилилась и вовлекла большую часть племени. Но Язону пришлось отдать солдатам большую часть своего первосортного ачада, только тогда они

согласились взяться за работу и загрузить эскунг. Язон помог сесте Мете и Грифу, привязал их и укутал мехами, и маленький караван выступил, сопровождаемый мрачными взглядами.

В лагере Темучина было достаточно женщин, чтобы выполнить эту не мужскую работу, так что мужчины лишь стояли и смотрели, что и было их основным занятием. Язон не мог присматривать за работой. Он поручил это Мете, так как ему было приказано явиться к Темучину.

Два охранника у входа в камач вождя с опаской посторонились при виде Язона. В конце концов он заслужил авторитет у рядовых воинов. Темучин был один, он держал покрытый кровью нож Язона. Язон остановился, но потом успокоился, видя, как Темучин быстрым взмахом послал нож в туловище козы, служившее ему мишенью. Нож вонзился по рукоятку.

– Этот нож хорошо уравновешен, – сказал Темучин. – Его легко метать. Язон молча кивнул, он понимал, что не для обсуждения достоинства ножа вызвал его вождь.

– Рассказывай все, что знаешь о порохе, – приказал Темучин, наклоняясь и извлекая нож из туши.

– Я мало что могу сказать.

Темучин выпрямился и взглянул на Язона, пробуя острие ножа на своей мозолистой ладони.

– Рассказывай все, что знаешь. Немедленно. Если бы у тебя был порох, мог бы ты его взорвать с большим шумом?

Язон оказался в сложном положении. Если Темучин решит, что он лжет, большой нож окажется в его внутренностях с такой же легкостью, как и в туше козы. Вождь кое-что несомненно знал о свойствах пороха, поэтому нельзя было обманывать его. Нужно было принимать решение.

– Хотя я сам никогда не видел пороха, я слышал, что о нем рассказывали. Я знаю как сделать, чтобы он взорвался.

– Я так и думал, что ты знаешь, – нож с глухим стуком погрузился в тушу. – Я думаю, что ты знаешь много такого, о чем не говоришь мне.

– Бывают секреты, которые человек клянется не разглашать. Но Темучин мой хозяин, и я буду помогать ему, чем только могу.

– Хорошо, не забывай этого. Теперь скажи, что ты знаешь о людях в низинах.

– Ничего, – удивленно ответил Язон. Для него этот вопрос был полнейшей неожиданностью.

– Не только ты, никто не знает. Пора это изменить. Я кое-что знаю о жителях низин и собираюсь узнать больше. Я отправляюсь туда, ты поедешь со мной. Я хочу узнать все о порохе. Приготовься, мы выедем в полдень. Ты единственный, кто знает, что это простая не охотничья экспедиция, поэтому, если дорожишь жизнью, не проговорись никому.

– Я скорее умру, чем скажу кому-нибудь хоть слово.

Язон возвращался в свой камач в глубокой задумчивости. Он немедленно рассказал все Мете.

– Звучит очень странно, – сказала она, с трудом наклоняясь над костром, так как тело ее еще болело от перенесенных побоев. – Я голодна и не могу разжечь костер.

– Думаю, что у нас не самый первосортный помет моронов. Его вначале нужно как следует высушить, тогда он будет хорошо гореть. Мне тоже кажется это довольно странным. Как он сможет спуститься с вертикальной стены десятикилометровой высоты? Но он кое-что несомненно знает о порохе. Вы с Грифом нуждаетесь в чем-то более питательном, чем жесткое мясо козы. Я возьму два пакета.

Мета с топором стояла у входа, чтобы Язону никто не мешал открывать сейф. Он достал два пакета и вскрыл их, потом указал на радио.

– Свяжитесь с Керком. Пусть он знает обо всем происшедшем. Мне кажется, что здесь вы будете в безопасности, но если будут какие-нибудь осложнения, скажете ему, чтобы он вас забрал.

– Нет. Мы останемся здесь до твоего возвращения. – Она погрузила ложку в еду и принялась есть. Гриф взял второй пакет, а Язон тем временем стоял у входа на страже. – Спрячьте оболочки пакетов в сейф, потом найдем место, где их можно будет закопать.

– Не беспокойся о нас. Мы сумеем за себя постоять, – коротко сказала ему Мета.

– Да, – согласился Гриф без улыбки. – Эта планета гораздо легче Пирра. Только еда плохая.

Язон смотрел на них – избитых, но непобежденных. Он открыл рот и вновь закрыл: ему действительно нечего было им сказать.

Он упаковал в кожаную сумку припасы, которые могли понадобиться в пути, прихватил микропередатчик, скользнувший в полую рукоять боевого топора. Этот топор и короткий меч, составляли все его вооружение. Он пытался использовать и лук, но безуспешно, поэтому он отказался от этого оружия. Повесив на левую руку меч, он попрощался и вышел.

Подъехав на своем мороне, Язон увидел, что для экспедиции собрался отряд человек в пятьдесят. У них не было с собой запасов продовольствия и снаряжения. Ясно, что они не рассчитывали на долгое путешествие.

Перехватив несколько враждебных взглядов, Язон понял, что он единственный чужак среди них. Остальные были либо офицерами высокого ранга, либо ближайшими союзниками Темучина, либо членами его клана.

– Я тоже могу хранить тайну, – сказал Язон Аханку, который нахмурившись подъехал к нему, но в ответ получил лишь порцию проклятий. Как только появился вождь – все выступили двойной колонной, следуя за ним. Поездка была трудной. И Язон был благодарен тем предшествующим неделям, что он провел в седле. Вначале они двинулись к подножью холмов на западе, но как только лагерь скрылся и они были уверены, что их никто не видит, отряд повернул на юг и поехал быстрее. Горы окружили их со всех сторон, они двигались от одного ущелья к другому, все время поднимаясь. Язон, дыша сквозь меховой шарф, не мог представить себе, что разрывающий горло воздух может быть таким холодным, но других это казалось не беспокоило...

На заходе солнца они наскоро перекусили холодной пищей и продолжали двигаться. Язон вполне одобрил это: он чуть не примерз к земле во время короткой остановки. Теперь они ехали в ряд. Дорога была такой узкой, что Язон подобно многим другим, спешился и взял своего морона за узду, чтобы хоть немного согреться, идя пешком. Холодный свет звездного неба освещал путь.

Оказавшись на границе двух долин, Язон посмотрел направо и увидел в дали между двумя скалами серое море. Море! Он остановился так внезапно, что его чуть не сбил шедший сзади морон.

Нет, это не может быть морем. Они же в середине континента. И слишком высоко. Но понимание пришло позже – это действительно было море, но море облаков. Язон смотрел на него, пока поворот тропы не скрыл от него их вид. Теперь тропа вела вниз, и он понял, почему. Где-то впереди – конец плоскогорья. Здесь, у края пересекавшего весь континент обрыва, кончалась территория кочевников. Каменная стена отделяла ее от равнин внизу. Здесь менялся климат.

Теплые южные ветры встречали преграду – обрыв, поднимались вверх и конденсировались в облака, которые обрушивались на низины в виде дождя. Язон задавал себе вопрос, видно ли солнце внизу, под этим постоянным туманным покровом. Сверкающие участки неба свидетельствовали о том, что северные ветры иногда прорываются через преграду.

Спускаясь, тропа проходила по узкому перевалу, и здесь Язон увидел под нависающей скалой каменную хижину. Возле нее стояли вооруженные воины и стойчески ждали, пока отряд проедет мимо. Какой бы ни была цель их поездки, она, по-видимому, уже близка. Вскоре они остановились, и Язону передали приказ явиться к Темучину. Он поспешил в голову процессии так быстро, как позволяли его онемевшие мышцы.

Темучин жевал сухое мясо, и Язон вынужден был ждать пока воин не промоет горло полузамерзшим вином. Небо на востоке побледнело и, согласно традиционному определению кочевников, наступил рассвет: рассвет – это когда наступает такой момент, что можно отличить белую козью шерсть от черной.

– Поведешь моего морона, – приказал Темучин, поднимаясь и идя вперед. Язон схватил за узду усталое животное и потащил его за вождем. Тропа уже дважды резко свернула и оборвалась у широкого выступа, дальний край которого был краем обрыва. Темучин подошел к краю и взглянул вниз, на белую массу облаков. Но внимание Язона привлекли ржавые механизмы на краю обрыва.

Наиболее впечатляющей оказалась массивная А-образная рама, глубоко погруженная в скалу и повисшая своей вершиной над бездной. Она была выкована вручную и имела в длину не менее восьми метров – трудно представить себе такую работу. Она была укреплена поперечным брусом, а также подпорками, шедшими от утеса под углом в сорок пять градусов. Рама была покрыта ржавчиной, хотя кое-где и виднелись следы смазки. Полоса гибкого металла огибала колесо блока на конце А-образной рамы и исчезала в отверстии, проделанном в скале. Язон, любопытство которого было возбуждено, подошел поближе к механизму лебедки, размещенному под рамой. Сам по себе этот механизм, хотя и небольшой по размерам, оказался гораздо интересней, чем рама на обрыве. Черный, похожий на веревку канат, проходил через отверстие и наматывался на барабан. Барабан вращался на оси толщиной в человеческую руку и крепился к вертикальной скале четырьмя массивными кронштейнами. Он мог, очевидно выдержать огромную нагрузку; все давление передавалось на скалу, и связь барабана со скалой еще больше укреплялась. Метровой ширины зубчатое колесо цепляло за край барабана и само было скреплено с меньшей шестерней, которую можно было вращать при помощи длинной ручки. Она была очевидно сделана из дерева, но Язон не обратил внимания на этот факт. Несколько предохранителей в храповиках были поставлены, чтобы ничего не могло соскользнуть.

Не нужно было быть техническим гением, чтобы сообразить, для чего предназначался этот механизм. Язон повернулся к Темучину и с трудом придал своему лицу спокойное выражение.

– Это механизм, при помощи которого мы спустимся вниз?

Вождь, казалось, был также поражен этой машиной, как и Язон.

– Да. Кажется это опасно, но у нас нет выбора. Племя, которое построило и использовало это – ветвь клана Горностаев – клянется, что они очень часто пользовались им для спуска в низины. Они рассказывали множество сказок, и у них есть дерево и порох для подтверждения этих сказок.

Оставшиеся в живых люди этого племени тут, они будут управлять этой штукой. Если же что-нибудь случится, их убьют. Мы спустимся первыми.

– Нам это не поможет, если действительно что-то случится.

– Человек рождается, чтобы умереть, а жизнь состоит в ежедневном откладывании неизбежности.

Язон не нашел, что ответить на это. Он взглянул вверх, услышав крики боли; группу мужчин и женщин воины Темучина гнали с холма к лебедке.

– Становитесь, и пусть начинают работу, – приказал Темучин и солдаты немедленно окружили механизм. – Следите за ними внимательно, если будет предательство или ошибки – убейте их!

Подбодренные таким образом, люди племени Горностаев приступили к работе. Казалось, они хорошо знали, что нужно делать. Несколько человек взялись вертеть ручку, в то время, как остальные регулировали предохранители. Один из них даже взобрался по раме к выступающему над обрывом краю, чтобы смазать колесо блока.

– Я пойду первым, – сказал Темучин, обвязывая вокруг себя прочную кожаную полосу.

– Надеюсь веревка достаточно длинная, – сказал Язон и тут же пожалел об этом, встретившись взглядом с Темучином.

– Отправив вниз моего морона, ты спустишься затем сам. Следи, чтобы ему завязали глаза, иначе он взбесится. После тебя спустят твоего морона, и так далее. Моронов будут приводить на край обрыва по одному, чтобы остальные не видели, что с ними происходит. – Он повернулся к офицеру. – Ты слышал мои приказания?

Люди племени Горностая, выкрикивая в унисон, начали поворачивать рукоять, веревка стала наматываться на барабан. Напряжение передалось кожаной упряжи и Темучин поднялся в воздух. Он поудобнее ухватился за веревку и повис над обрывом, медленно раскачиваясь. Движение барабана переключили на обратно, веревка начала разматываться, и вождь исчез из вида.

Язон подошел к краю и смотрел, как уменьшается фигура вождя и постепенно исчезает среди облаков. Обломок скалы пошатнулся под его ногами и Язон быстро отступил от края.

Через каждые сто метров вращение барабана замедлялось, люди работали осторожно: через барабан проходило утолщение в месте, где соединялись две веревки. Осторожность соблюдалась, пока утолщение не проходило через шкив, затем скорость вращения становилась нормальной. Люди у рукояти менялись непрерывно и движение веревки не прекращалось.

– Что это за веревка? – Спросил Язон у старика, присматривающего за работами.

Седовласый старик из племени Горностая, единственный зуб которого желтым клыком выступал изо рта, ответил:

– Это растение с длинным стеблем. Мы называем его «ментри»...

– Виноградная лоза, – предположил Язон.

– Да. Виноградная лоза. Его очень трудно найти. Растет внизу, под обрывом. Хорошо растягивается и очень прочное.

– Могло быть и хуже, – сказал Язон и поймал старика за руку, когда веревка вдруг вздрогнула и начала подпрыгивать вверх и вниз. Тот сморщился от боли и поторопился объяснить. – Все в порядке. Это означает, что спуск окончен, веревка освободилась от груза и продолжает спускаться. Подымайте! – Скомандовал он людям у рукоятки.

Язон ослабил хватку, и старик быстро отошел, растирая руку. Его слова были справедливы: когда Темучин достиг низины, внезапное уменьшение груза заставило веревку колебаться, хотя и не очень сильно. Вес человека был лишь малой частью от веса веревки.

– Опускайте морона, – приказал Язон, когда над краем обрыва показался конец веревки с кожаной упряжью. Привели животное, оно опасно посматривало на край обрыва своими маленькими глазками. Люди племени Горностая прочно закрепили на нем кожаную упряжь, затем завязали ему глаза. Морон терпеливо стоял, пока прикрепляли крюк, когда он почувствовал, что земля исчезла из под его ног, он начал биться, его когти оставляли глубокие борозды на земле. Но у людей племени Горностая был немалый опыт в таких делах. Человек, с которым разговаривал Язон, взял в руки кувалду с длинной рукоятью и ударил морона по голове над глазами. Животное расслабилось, его подняли и подвесили над обрывом. Его трудно убить, но удар должен быть не очень сильным и не очень слабым, иначе он может очнуться во время спуска и оборвать веревку.

– Хороший удар, – похвалил Язон, надеясь, что Темучин отошел от места спуска.

Все казалось шло хорошо, веревка со скрипом бесконечно разматывалась. Язон почувствовал, что начинает дремать и отошел от края. Внезапно послышались крики: открыв глаза, он увидел, что веревка сильно подпрыгивает взад и вперед. Она даже соскочила с блока, и один из людей взобрался на раму, чтобы поправить ее.

– Оборвалась? – Спросил Язон.

– Нет, все в порядке. Морон спустился.

Все было понятно. Когда большой вес животного был снят, эластичная веревка стала сильно раскачиваться. Ее начали поднимать. Язон понял, что он следующий на очереди, и ощутил внезапную тяжесть внизу живота. Придется приложить не мало усилий, чтобы не пострадать от морской болезни на этом подъемнике железного века.

Начало было плохим. Когда он почувствовал, что земля уходит из под ног, он

автоматически пытался уцепиться за нее, но не смог. Колесо сделало еще один оборот, и он повис в воздухе, покачиваясь над обрывом. Он бросил беглый взгляд вниз, на облачное море под ногами и решил больше туда не смотреть. Край обрыва медленно поднимался над его головой, и вот исчезли угрюмые лица кочевников. Он старался думать о чем-нибудь веселом, но чувствовал полную потерю чувства юмора. Медленно поворачиваясь при спуске, он впервые мог рассмотреть поверхность обрыва, уходившего в обе стороны, и оценить его колоссальные размеры. Воздух был чистым и сухим, ярко светило солнце, позволяя различать малейшие подробности.

Внизу о край обрыва билось белое море облаков. Зубчатые серые горы, поднимавшиеся над ним, казались сравнительно небольшими. На фоне этого огромного обрыва, Язон чувствовал себя как паучок, спускающийся на нити паутины вдоль бесконечной стены, медленно продвигавшийся и практически остающийся на одном и том же месте. Поворачиваясь, он смотрел сначала направо, потом налево, и всюду поверхность обрыва уходила за горизонт, такая же прямая и касающаяся неба там, где покрывалась дымкой и исчезала. Язон видел теперь, что место, где была установлена лебедка, оказалось много ниже остального обрыва. Он решил, что и внизу окажется соответствующее возвышение, только в этом месте обрыва по-видимому веревка оказывается не такой длинной, что выдерживает свой собственный вес. Облака медленно поднимались ему навстречу. Наконец он почувствовал, что может коснуться их. Первый завиток тумана тронул его и через несколько мгновений он погрузился в серый мир пустоты.

Последнее, что он ожидал от себя, раскачиваясь на конце километровой веревки, что он сможет уснуть. Но он уснул! Однообразное движение, усталость от дневной и ночной поездки, окружающая темнота сделали свое дело. Он расслабился, голова его склонилась, и через несколько мгновений он крепко спал.

Проснулся он от того, что дождь проник за ворот и потек по его спине. Хотя воздух был гораздо теплее, Язон вздрогнул и крепче прижал воротник. Это был один из тех морозящих дождей, что могут идти бесконечно. Сквозь дождь виднелся по-прежнему уходящий вверх край обрыва. Посмотрев вниз он увидел что-то неопределенное.

Что это? Друзья? Враги? Если туземцы знают о лебедке, скрытой теперь за облаками, они могут держать здесь вооруженный отряд. Язон вытащил из-за пояса топор, обмотал его ремень вокруг запястья. Теперь он различал отдельные валуны, выступающие из влажной травы. Воздух был влажным и жарким.

– Приготовься отстегнуть упряжь, – приказал Темучин, появляясь внизу. – Для чего этот топор?

– Я думал, что меня встретит кто-нибудь другой, – ответил Язон, возвращая на место топор и отстегивая пряжки. Внезапный рывок веревки бросил его на траву.

– Отбегай! – Приказал ему Темучин, но Язон еще не успел отстегнуться. Он сделал это, когда веревка уже начала подниматься. Он упал с высоты нескольких футов, покатился по земле, рукоять меча больно врезалась ему в ребра, но в целом он был невредим. Веревка, освободившись, сократилась и исчезла в вышине.

– Сюда, – сказал Темучин, поворачиваясь и не дожидаясь, пока встанет. Трава была скользкой, грязь хлюпала под ногами. Темучин обошел небольшую круглую скалу, и указав на ее вершину, поднимавшуюся над землей метров на десять, сказал:

– Отсюда будешь следить за спуском своего морона. Тогда разбуди меня. Мой пасется на той стороне. Следи, чтобы не заблудился...

Не дожидаясь ответа, Темучин лег в относительно сухом месте под прикрытием скалы и натянул на лицо кусок шкуры.

Конечно, – сказал себе Язон, – именно это занятие я и предпочитаю в дождь. Отличная мокрая скала и поразительный вид ни на что. Он взобрался по круглому склону и сел на закругленную вершину.

Сонливость исчезла. Даже сидеть удобно, было невозможно на неровной твердой поверхности. Язон вертелся и мучился. Тишина нарушалась лишь слабым шорохом дождя и

редкими криками животного – морон радовался неожиданному пиру.

Временами дождь на мгновение прекращался, тогда становилось видно обширное пастбище с быстрыми ручьями и темными валунами, выступающими из зелени. Прошли долгие века сырости, неудобства и дождя, прежде чем Язон услышал над собой хриплое дыхание и разглядел темное пятно, тело спускающееся сверху. Он соскользнул на землю. Темучин вскочил, как только Язон коснулся его плеча.

Было что-то внушающее страх в громоздкой туше животного, спускаемой без видимой поддержки. Морон нависал над их головами. Его ноги задергались, дыхание участилось.

– Быстрее! – Приказал Темучин. – Он приходит в себя.

Внезапное растяжение веревки опустило морона почти до земли, они подскочили к нему, но тело вновь поднялось. Когда оно опустилось вновь, Темучин ухватил морона за шею, добавив к весу животного, вес своего тела и заставил его опуститься на землю.

– Расстегивай! – Крикнул он.

Пряжки расстегнулись легко. Морон начал вздрагивать, когда Язон расстегнул последнюю пряжку и отскочил. Напряжение эластичное веревки сорвало упряжь с морона, раздирая его кожу, животное закричало от боли. Упряжь с характерным шумом исчезла вверху в струях дождя.

Остальная часть дня прошла однообразно. Теперь, когда Язон знал, что делать, Темучин показал себя опытным солдатом, использующим каждую передышку для сна. Язон хотел присоединиться к нему, но вынужден был сидеть и ждать остальных. Воины и мороны спускались с дождливого неба через равномерные промежутки времени и Язон распоряжался прибывающими. Несколько следующих воинов он отправил следить за моронами, остальные ожидали вновь прибывающих. Многие спали, за исключением Аханка, который по мнению Язона обладал отличным зрением и потому следил за окружающей местностью. Уже спустилось 25 моронов и 26 человек, когда наступил конец. Ожидавшие дремали, удрученные бесконечным дождем, когда всех разбудил хриплый крик Аханка. Язон взглянул вверх и разглядел темное тело, летящее прямо на них. Через мгновение морон с оглушительным шумом ударился о землю. Большой обрывок веревки упал вслед за ним, неподалеку от Язона.

Не было необходимости звать Темучина. Он проснулся от криков и звука падения. Бросив взгляд на окровавленное и деформированное тело животного, он отвернулся.

– Привяжите четырех моронов к упряжи, я хочу, чтобы они оттащили его вместе с веревкой. – Подчиненные бросились исполнять приказ, а он обернулся к Язону. – Вот почему я сначала посылал человека, а потом морона. Люди племени Горностая предупреждали меня, что веревка от использования рвется, и невозможно сказать, когда это случится. Она всегда рвется под тяжелым грузом.

– Теперь я понимаю, почему ты спустился первым. Из тебя вышел бы хороший игрок.

– Я и так хороший игрок, – спокойно ответил Темучин, протирая смазанной жиром тряпкой лезвие своего меча. – В запасе есть всего одна веревка, поэтому я приказал прекратить спуск, если эта оборвется. К нашему возвращению будет привязана вторая веревка, а сюда спустят охранника, который будет нас ждать. – Теперь вперед!

Глава 10

– Могу ли я спросить, куда мы направляемся? – Спросил Язон, когда отряд медленно двинулся по поросшему травой склону. Воины растянулись широким полукругом с Язоном и Темучином в центре; четыре морона тащили труп своего собрата.

– Нет, – ответил Темучин, отбив у Язона всякую охоту спрашивать.

Спуск был гладким: равнина снизу поднималась навстречу отвесной преграде, теперь уже невидимой из-за дождя. Трава и небольшие кусты покрывали равнину, пересеченную ручьями и речками. Ниже они сливались в широкие мелкие реки. Мороны пересекали их вброд, фыркая от такого невиданного обилия воды. Температура росла. Язон и все остальные

развязали свои одежды. Язон был счастлив снять шлем и подставить потное лицо морозящему дождю. Он стер слой смазки с щек и начал подумывать о возможности купания.

Спуск неожиданно кончился на неровном утесе над покрытой клочьями пены речкой. Темучин приказал бросить с обрыва труп погибшего животного и обрывок веревки и взвод воинов потащил тушу морона к краю обрыва. Тело с шумом упало в воду, в последний раз мелькнули его когтистые лапы, оно перевернулось и исчезло из виду. Без колебаний Темучин отправил отряд на юго-запад вдоль обрыва речки. Было очевидно, что он был предупрежден об этом препятствии, и марш, глотающий километр за километром, продолжался. К вечеру дождь прекратился, а характер местности полностью изменился. Полосы кустарника и деревьев покрыли равнину, а впереди, не очень далеко, виднелся под низким небом лес. Увидев его, Темучин приказал остановиться. – Спать, – приказал он, – дальше двинемся ночью.

Язон не нуждался во вторичном приказании. Он спрыгнул с седла, пока остальные только останавливались. Свернувшись в клубок на траве, он закрыл глаза. Узда морона была крепко обернута вокруг его лодыжки. После удара по черепу, спуска и длительного пути, мороны тоже обрадовались отдыху. Они во всю длину вытянулись на земле, погрузив головы в траву и время от времени продолжая жевать траву во сне.

Было темно. Язону показалось, что он только что закрыл глаза, когда стальные пальцы ухватили его за ногу и разбудили.

– Мы выступаем, – сказал Аханк.

Язон сел. Его оцепеневшие мускулы энергично хрустнули при этом движении. Он потер глаза, пытаясь отогнать от себя сон. Накануне он выпил остатки ачада из своего дородного меха и наполнил его водой. Теперь он выпил часть воды, а остальную вылил себе на лицо и голову. Здесь не было необходимости экономить ее. Они двинулись, расположившись в ряд по одному. Впереди Темучин, в конце Язон – одним из последних был Аханк, замыкавший колонну, и по его враждебному взгляду и обнаженному мечу было ясно, что он стережет Язона. Теперь разведывательная группа стала военным отрядом. Кочевники не нуждались больше в помощи и ожидали только помех от странствующего жонглера. В тылу отряда он не мог причинить никакого беспокойства, а если бы и попытался, его немедленно убили бы. Язон ехал спокойно, стараясь всей фигурой выразить покорность и повиновение.

Не раздавалось ни звука даже тогда, когда они въехали в лес. Мягкими подушечками ног, каждый морон осторожно вступал в следы, оставленные идущими впереди животными. Кожа не скрипела, металл не звякал. Призрачными фигурами двигались они в пронизанной дождем тишине. Деревья расступились и Язон понял, что они въехали на поляну. Впереди на небольшом расстоянии был виден тусклый свет. Краем глаза Язон уловил смутные очертания здания.

Все еще молча, солдаты повернули направо и двинулись к зданию единой линией. Они уже были в нескольких метрах от строения, когда внезапно появился освещенный прямоугольник – это открыли дверь. На освещенном фоне четко выделялся силуэт человека.

– Этого взять живым, остальных убить! – Выкрикнул Темучин, и прежде, чем он кончил, нападавшие бросились вперед.

Случайно Язон оказался возле человека в открытой двери, но его опередили. Человек с хриплым криком отпрянул назад, пытаясь закрыть дверь, но трое нападающих сбили его с ног и навалились на него, оставив дверь открытой. Упав, они остались лежать неподвижно, и Язон, который как раз слезал с морона, понял почему. Пять других кочевников: двое припав на колени, трое – стоя, оказались у раскрытой двери. Дважды и трижды, они выстрелили в воздух и тот наполнился гулом тетив и свистом стрел. Язон подбежал к ним, когда они уже окончили стрелять и ворвались в здание. Он вбежал вслед за ними, но схватка была уже кончена.

Похожая на амбар комната, освещенная колеблющимся светом свечи, была полна смерти. Перевернутые столы и стулья были свалены грудой, среди них лежали мертвые и

умирающие. Седовласый человек со стрелой в груди громко стонал. Воин Темучина наклонился и лезвием своего короткого ножа перерезал ему горло. Послышался треск и здание задрожало. Это с тыла ворвались остальные кочевники. Бегство было невозможно.

Один человек остался в живых и продолжал борьбу – тот, который стоял в раскрытых дверях. Он был высок, с копной волос на голове, одет в грубую домотканую материю и орудовал огромной дубинкой. Его было просто убить, достаточно было одной стрелы, но кочевники стремились захватить его живьем. Встретившись с незнакомым оружием, они не могли преодолеть его сопротивления. Один сидел на полу, схватившись за ногу, второй был обезоружен на глазах у Язона – его меч со звоном отлетел в сторону. Житель низин прижался спиной к стене и был недосыгаем спереди.

Язон мог справиться с ним. Он быстро огляделся и увидел полку на стене с простыми крестьянскими орудиями. Там лежала лопата с длинной ручкой, как раз то, что нужно. Он схватил ее обеими руками и уперся коленом в середину рукоятки. Она согнулась, но не переломилась. Хорошо выдержанное дерево.

– Я возьму его! – Крикнул Язон, подбегая к дерущимся. Он несколько опоздал, так как дубинка ударила кочевника по руке, сломав кисть и выбив меч. Язон занял место раненого, и сделал обычное движение, будто бы пытаясь ударить жителя низины по ногам.

Тот быстро опустил дубинку, чтобы отразить удар; когда дубинка и рукоять лопаты столкнулись, Язон использовал силу удара, чтобы продолжить движение своего оружия, он поднял лопату по дуге и сделал выпад в голову. Противник парировал удар, но делая это, он был вынужден на шаг отступить от стены. Этого было достаточно.

Аханк, стоявший рядом с Язоном, плашмя ударил по голове хозяина дома, и тот упал без чувств. Язон отбросил лопату и подобрал выпавшую из его рук дубинку. Она была добрых двух метров длины и сделана из крепкого и гибкого дерева, стянутого железными кольцами.

– Что это? – Спросил Темучин. Он следил за исходом схватки.

– Дубинка. Простое, но эффективное оружие.

– И ты знаешь как им пользоваться? Ты говорил, что ничего не знаешь о жителях низины...

Лицо его оставалось лишенным выражения, но в глазах сверкал огонь. Язон понял, что должен дать немедленное объяснение, не то иначе здесь станет одним трупом больше.

– Я и сейчас не знаю ничего о жителях низин. Но я научился владеть этим оружием, будучи ребенком. Каждый в моем племени знает это оружие. – Он не потрудился добавить, что племя, о котором он говорил, не пиррянне, а аграрное общество Поргорсторсаанда, планеты в далекой Галактике, где он вырос. В обществе со строгими сословными перегородками и социальным размежеванием, подлинным оружием обладали лишь солдаты и аристократы. Но ведь нельзя же обвинить человека в использовании палок, если он живет в лесу, поэтому дубины использовались повсеместно, и одно время Язон был признанным специалистом этого оружия.

Темучин отвернулся, на время удовлетворенный, а Язон принялся испытывать свое новое оружие. Дубина была хорошо уравновешена и не особенно тяжела.

Кочевники грабили здание, оказавшееся чем-то вроде фермы. Домашний скот содержался под той же крышей и был весь перебит, когда воины ворвались внутрь. Когда Темучин приказывает убивать, он знает, что он говорит. Язон глядел на резню, заставляя себя не менять выражение лица, даже когда один из солдат в поисках добычи перевернул деревянный сундук, под которым оказался ребенок, спрятанный там, возможно в последнюю минуту женщиной, теперь уже мертвой. Воин пронзил его быстрым движением меча.

– Свяжите этого и приведите его в чувство, – приказал Темучин, стирая грязь с куска жаренного мяса, упавшего на пол во время нападения, и откусывая от него.

Пленнику кожаными ремнями крепко привязали руки за спиной, потом его прислонили к стене. Когда на его голову вылили три ведра воды, а он не пришел в себя, Темучин накалил кончик своего кинжала и прижал его к руке пленника. Тот застонал и попытался

отклониться, потом открыл затуманенные ударом глаза.

– Ты говоришь на меж-языке? – Спросил Темучин.

Когда пленник ответил что-то непонятное, вождь ударил его по окровавленной ране. Фермер застонал и отшатнулся, но ответил на том же неизвестном языке.

– Глупец не может говорить, – констатировал Темучин.

– О, Темучин, разреши мне, – сказал один из офицеров, выступая вперед. – Его язык похож на язык племени Змеи, что живет на дальнем востоке у моря.

Переговоры были налажены. С нескончаемыми поправками и повторами фермеру было сказано, что его убьют, если он откажется им помогать. Никаких обещаний о том, что будет с ним, если он согласится, он не получил, однако он был не в таком состоянии, чтобы торговаться. Он быстро согласился.

– Скажи ему, что мы хотим добраться до места, где есть солдаты, – сказал Темучин, и пленник быстро кивал головой в знак понимания. Понятно, крестьяне в обществе с примитивно организованной экономикой не испытывают особой любви к угнетающим его, собирающим налоги солдатам. Он быстро согласился показать путь. Переводчик пересказывал его слова. – Он говорит, что здесь много солдат, две руки, может быть пять рук. Все они вооружены и крепость укреплена. У них разнообразное вооружение, но я не могу понять, что он говорит об этом оружии.

– Пять рук солдат, – сказал Темучин, улыбаясь и посматривая по сторонам. – Я испуган.

Ближайшие кочевники разразились хохотом, молотя друг друга по спинам, затем принялись пересказывать другим. Язон не был восхищен этой шуткой, но решил присоединиться к остальным.

Внезапно наступило молчание, когда приблизилось двое солдат Темучина, поддерживая и почти таща своего товарища. Тот подпрыгнул на одной ноге и попытался поставить вторую на землю. Когда он повернул свое искаженное болью лицо к Темучину, Язон узнал в нем воина, раненного дубиной во время схватки с пленником.

– Что случилось? – Спросил Темучин, все следы смеха исчезли из его голоса.

– Нога... – хрипло ответил воин.

– Дайте взглянуть, – приказал вождь. С ноги воина быстро сняли сапог. Нога была в тяжелом состоянии. Коленная чашечка была разбита, осколки белой кости торчали сквозь кожу. Струйка крови медленно текла из раны. Воин должен был испытывать страшную боль, но он даже не стонал. Язон знал, что необходимо искусство хирурга и трансплантация кости, чтобы человек мог ходить снова и задал себе вопрос, какая судьба ожидает варвара в этом варварском мире. Он быстро получил ответ.

– Ты не можешь ходить, не можешь ездить верхом, не можешь быть воином, – сказал Темучин.

– Я знаю, – ответил воин, выпрямляясь и отталкивая руки поддерживающих его товарищей. – Но если я должен умереть, я хочу умереть в схватке и быть сожженным со своими большими пальцами. Если у меня не будет больших пальцев, я не смогу держать меч, защищаясь от подземных демонов. – Так и будет, – сказал Темучин, вытаскивая свой меч. – Ты был хорошим товарищем и добрым воином и я желаю тебе победы в твоих подземных битвах. Я сам буду сражаться с тобой и окажу тебе честь отправить тебя на тот свет.

Сражение не было просто формальностью, и раненый сражался хорошо, несмотря на свою раненную ногу. Но Темучин старался подойти к нему со стороны поврежденной ноги, тот долго не мог сопротивляться, получил сильный удар в грудь и умер.

– Был еще один раненный, – сказал Темучин не пряча свой меч. Вперед выступил еще один воин, со сломанной и уже перевязанной рукой...

Он должен разрушить социальную среду, структуру кочевников и добиться, чтобы пирьяне смогли открыть шахту в безопасности.

Лежа в сырой ночи, оцепенелый и усталый, он чувствовал, что это весьма отдаленная и неясная перспектива. К дьяволу! Он повернулся и постарался устроиться поудобнее и

заснуть, но картины убийств не давали забыть.

В своем роде, Темучин, ты великий человек, – думал он, – но я уничтожу тебя. – А дождь лил безостановочно.

На рассвете они вновь двинулись молчаливой колонной через затопленный туманом лес. У пленного крестьянина от страха стучали зубы, пока он не узнал поляну и тропу. Улыбаясь, он указал правильный путь. Рот его был заткнут обрывком одежды, чтобы он не смог поднять тревогу.

Впереди послышался треск ломающихся веток и звуки голосов. Колонна остановилась в абсолютном молчании, и к шее пленника прижали меч. Никто не двигался. Голоса впереди становились громче, и из-за поворота показались два человека. Они прошли два-три шага, прежде чем увидели неподвижные и молчаливые фигуры. Прежде чем они опомнились, в воздухе просвистела дюжина стрел.

– Что за штуки они держали? – Спросил Темучин у Язона.

Язон соскользнул на землю и перевернул ближайший труп носком сапога. Убитый был одет в легкий стальной нагрудник и стальной же шлем. На нем была грубая кожаная одежда. У пояса висел короткий меч, а в руке он все еще сжимал примитивный мушкет.

– Это называют «ружьем», – сказал Язон и подобрал его. – Здесь используется порох, чтобы выбросить кусок металла, который убивает. Порох выталкивает металл вот из этой трубы. Когда этот маленький рычажок ударяет о дно, из этого камня вылетает искра и попадает в порох. Порох взрывается и выталкивает металл.

Подняв голову, Язон увидел, что все кочевники натянули луки и направили стрелы ему в грудь. Он осторожно опустил ружье, снял с пояса убитого два кожаных мешочка и заглянул в них.

– Так я и думал. Пули и клочки материи, а здесь порох.

Он протянул второй мешочек Темучину, тот заглянул в него и понюхал.

– Здесь его не очень много, – сказал он.

– Это ружье и не требует много пороха. Но в том месте, откуда пришли эти люди, должен быть большой запас.

– Я тоже так думаю, – сказал Темучин. По его сигналу все опустили луки. У мертвецов отрубили большие пальцы, тела оттащили в сторону. Темучин взял оба мушкета.

Меньше чем через десять минут они выехали на край леса – там начинался обширный луг, пересекаемый рекой с ровным и медленным течением. На берегу стояло приземистое каменное здание с высокой башней в центре. На верху башни были видны две фигуры.

– Пленник говорит, что это и есть то место, где много солдат, – сказал офицер-переводчик.

– Спроси у него, сколько выходов у этого здания, – приказал Темучин. – Он говорит, что не знает.

– Убей его!

Короткий взмах меча и труп пленника оттащили в сторону, в кусты.

– С этой стороны видна лишь одна маленькая дверь и узкие ворота, через которые трудно ворваться внутрь... Над ними видны узкие отверстия, через которые можно стрелять из луков и ружей, – сказал Темучин. – Мне это не нравится. Два человека должны обойти здание с той стороны и доложить мне, что они увидели.

– Что это за круглая штука над стеной, – спросил он у Язона.

– Я не знаю, но могу предположить. Вероятно это ружье, но гораздо большее и могущее стрелять большими кусками металла.

– Я тоже так считаю, – сказал Темучин. Он в задумчивости прикрыл глаза.

Исполняя его приказ, два человека двинулись в стороны по опушке. Они спешили и молча исчезли в кустах. Люди, которые умеют скрываться на совершенно ровных плоскогорьях, растворились в густом лесу. С нетерпением хищника воины ждали возвращения разведчиков. – Так я и думал, – сказал Темучин, когда они вернулись с докладом. – Это место – крепость. С другой стороны только одна дверь такого же размера у

самой воды. Если мы подождем до ночи, мы легко захватим крепость, но я не хочу ждать. Ты можешь стрелять из этого ружья? – Спросил он Язона. Язон неохотно кивнул: он понял, что имел в виду Темучин, еще до того, как заметил солдат, тащивших мертвецов. Все сражались в войске Темучина, даже играющий на лютне эксперт по пороху. Язон старался найти выход из этой дилеммы и не находил. Лучше вызваться добровольцем, не ожидая пока прикажут. Для Темучина это не имело никакого значения. Он хотел, чтобы дверь была открыта. И Язон лучше всех подходил для этого задания. Переодеваясь в солдатский мундир, он пытался закрыть отверстия от стрел, затем затер грязью большую часть пятен крови. Шел сильный дождь, и это было к лучшему. Надевая мундир, Язон подозвал офицера, который служил переводчиком, и заставил его вновь повторять простую фразу: «Открой» и «Быстрее» на местном языке, пока Язон не научился правильно повторять ее; ничего более сложного. Если они будут настаивать на беседе, прежде чем пустить его, он будет убит.

– Ты понимаешь, что тебе нужно будет сделать? – Спросил Темучин.

– Все просто. Я подхожу ко входу, а вы ждете на краю леса. Я прошу их открыть, они открывают. Я вхожу и стараюсь оставить двери открытыми, пока не подоспеете вы.

– Мы будем очень скоро.

– Я знаю, но тем не менее буду чувствовать себя очень одиноко...

Один солдат держал шлем над полкой ружья, пока Язон не насыпал туда пороха. Он не хотел допустить осечку при своем единственном выстреле. Он насыпал свежего пороха на полку, потом обернул его вместе с полкой сухой тряпкой, чтобы сохранить его сухим. Он указал на ружье:

– Эта штука выстрелит всего лишь один раз, я не успею ее перезарядить, а этот солдатский меч не внушает мне доверия. Поэтому, если ты не возражаешь, я хотел бы на время получить свой пиррянский нож. Темучин кивнул и протянул нож. Язон отбросил меч и на его место прицепил нож.

Шлем отвратительно вонял потом, но закрыл часть лица, и это было хорошо. Язон хотел, чтобы его лицо было как можно больше скрыто.

– Иди, – приказал Темучин, раздраженный затяжкой времени на переодевание. Язон холодно улыбнулся и пошел.

Не сделав и пятидесяти шагов, он промок до пояса, пробираясь через густой и пропитанный водой подлесок. Но это его не очень беспокоило. Пробираясь по сырому лесу, он задавал себе вопрос, что втянуло его в это безумие. Порох – вот что. Он выругался и двинулся к укрепленному зданию, теперь едва видимому сквозь пелену дождя. До поляны оставалось двадцать метров, он преодолел их и вышел из-под защиты деревьев и двинулся вперед, пока не достиг берега реки. Вода кружилась в водоворотах, смешанных с грязью, дождь ударял о ее поверхность, образуя бесконечное число пузырьков. Опустив голову, Язон тащился к зданию, видневшемуся сквозь дождь.

Если люди на сторожевой башне и заметили его, они не подали виду. Язон подошел ближе, чтобы разглядеть старую пушку между двумя грубо высеченными камнями и тяжелые болты, которыми крепилась деревянная дверь. Он уже был у самой двери, когда один из солдат высунулся из башни и крикнул вниз какие-то непонятные слова. Язон махнул рукой и продолжал идти.

Когда солдат крикнул вторично, Язон снова махнул рукой и тоже крикнул: «Открой» с правильным акцентом, как он надеялся. Он сделал свой голос как можно более хриплым, чтобы замаскировать возможную неправильность произношения. Затем он оказался под стеной, невидимый сверху солдату на башне, который продолжал что-то кричать. Дверь, прочная и неподвижная, оказалась перед ним...

Ничего не произошло, только напряжение все усиливалось. Послышался скрежещущий звук, и Язон увидел ствол мушкета, высовывающийся из узкого отверстия справа от стены.

– Открой-быстрее! – Закричал он и забарабанил в дверь. – Открой! – Он прижался к двери, чтобы его нельзя было достать из мушкета, и вновь забарабанил прикладом.

В крепости послышался шум, голоса, движение, но пульс в ушах Язона звучал громче,

ударяя, как большой барабан, с бесконечными перерывами между каждыми двумя ударами. Должен ли он уходить? Обе стороны застрелят его, если он попытается это сделать. Но он не может и оставаться здесь, беспомощный, пойманный в ловушку. Подняв приклад мушкета, чтобы ударить в дверь снова, он услышал звон цепей и знакомый звук – поворот железного болта. Он поднял замок своего мушкета под кожаной повязкой и освободил одну сторону повязки, чтобы ее можно было быстро сбросить. Как только дверь начала приоткрываться, он просунул в нее ружье, затем плечо и налег всем своим весом, раскрывая ее как можно шире.

Он продолжал рваться сквозь узкую щель в квадратную площадь двора, окруженного стенами крепости. Углом глаза он разглядел человека, открывавшего дверь и теперь прижатого ею к стене. Но заметить что-либо еще он не успел: он был на пороге смерти.

Бей сильно, быстро и не останавливайся – таков закон кочевников, и они совершенно правы. Сбоку от него стоял солдат с мечом в руке, а прямо перед собой Язон увидел нескольких солдат с готовыми к стрельбе ружьями. Прежде чем изумленные люди смогли выстрелить, Язон крикнул и прыгнул в середину их группы. Еще не достигнув их, он нажал курок и с радостным удивлением услышал гулкий звук выстрела. Один из солдат схватился за грудь и упал. Это было последнее, что Язон помнил ясно. Он упал на землю, ударив ближайших солдат стволом и прикладом мушкета.

Воспользовавшись замешательством, он сбил еще двух солдат, извлек свой нож и принялся бить им. Один солдат упал на него мертвым или раненым, и Язон прикрываясь его телом, бил и бил своим ножом.

Он почувствовал резкую боль в ноге, потом в боку и руке, в голове у него зазвенело... Взмахнув ножом, он понял, что падает. Над ним появился разъяренный офицер, размахивающий мечом. Язон ножом парировал его удар, затем погрузил нож по рукоять в пах офицера. Хлынула кровь, офицер вскрикнул и упал. Язон отбросил тело в сторону, чтобы видеть, что происходит. К этому времени исход битвы был уже предрешен. Через открытую дверь ворвался первый кочевник.

Он несся на полной скорости и чуть не вылетел из седла, когда морон резко повернул. Это был сам Темучин, ревуший и размахивающий мечом. Два солдата упали со страшными ранами. После этого оставалось только очистить захваченное здание.

Как только непосредственная опасность отошла, Язон поднялся на ноги и прижался спиной к стене. Звон в его голове ослаб и перешел в глухое гудение; сняв шлем, он обнаружил в нем глубокую вмятину. К счастью, в голове такой вмятины не было. Он дотронулся пальцем до болевших мест на черепе и внимательно обследовал их. Крови не было. Но ее было достаточно на боку, и она капала с ноги. Неглубокая рана на бедре, чуть ниже нагрудника, давала много крови, хотя сама рана была поверхностной, как и разрез на руке. Рана на ноге кровоточила меньше всего, но была самой серьезной – рваная рана в тугих мышцах. Она болела, но идти он мог. Он вовсе не хотел быть уничтоженным, как тот воин на ферме. В седельной сумке у него было несколько чистых обрывков ткани для перевязки, но пока он не доберется до них, кровь остановить не удастся.

С того момента, как в раскрытой двери появился Темучин, не было никакого сомнения в исходе битвы. Гарнизонные солдаты никогда не встречались с таким противником, как атакующие кочевники. Мушкеты были теперь скорее помехой, нежели помощью, луки стреляли быстрее и точнее, чем неуклюжие и тяжелые ружья. Несколько солдат продолжали сражаться, но исход для всех был один и тот же. Они все были убиты. Крики становились глуше, солдаты пытались спастись внутри здания.

Стонов и просьб о помощи не было слышно: крепость была взята. Кочевники молча двигались среди трупов, совершая свой отвратительный ритуал... Из здания вышел Темучин, меч его был красен, с него стекала кровь. Он указал одному из офицеров на груды тел у входа.

– Три из них принадлежат жонглеру, пальцы остальных – мне.

Офицер поклонился и извлек кинжал. Темучин повернулся к Язону.

– Внутри в комнатах много вещей, разыщи порох.

Язон стоял, стараясь казаться более устойчивым, нежели он был на самом деле. Он понял, что все еще держит окровавленный нож. Вытерев его об одежду ближайшего убитого, он протянул нож Темучину. Тот ни слова не говоря, взял нож и пошел обратно в здание. Язон двинулся за ним, тщетно стараясь не хромать при ходьбе.

Аханк и другие офицеры охраняли вход склада – помещения с низким потолком. Кочевники грабили тела в помещении, но сюда им не разрешали заходить. Язон распахнул дверь и вошел. Здесь были корзины со свинцовыми пулями, мушкеты, мечи, ядра размером в кулак и несколько толстых и коротких стволов, закрытых деревянными пробками.

– Вот это, – сказал Язон указывая, но потом поднял руку, останавливая Темучина, который хотел подойти ближе. – Не ходи туда, видишь серые зерна на полу возле открытого бочонка? Это порох. Он может взорваться от искры, если ты подойдешь. Нужно расчистить дорогу.

Наклон вызвал сильную боль в боку и ноге. Но Язон решил не обращать на это внимания. Используя скомканные обрывки одежды, он расчистил проход вдоль всей комнаты. Открытый ствол содержал порох. Язон ссыпал зерна в отверстие и тщательно закупорил ствол пробкой. Взяв как можно осторожнее ствол в руки, он передал его Аханку.

– Не бросать, не наклонять, не держать вблизи огня, не дать отсыреть, – быстро объяснил он. – Пошли сюда, – он быстро сосчитал, – девять человек. Передай им то, что я сказал тебе.

Аханк повернулся, и в этот момент снаружи послышался сильный удар, сопровождаемый отдаленным гулом. Язон подбежал к окну и увидел, что от сторожевой башни отбит большой кусок. Обломки камня сыпались в грязь. Дождь прибивал большое и густое облако пыли. Стены дрожали от удара. Вновь прозвучал отдаленный взрыв. Через дверь вбежали кочевники, что-то громко крича на своем языке.

– Что они говорят, – спросил Язон.

Темучин стиснул кулаки:

– Приближается много солдат. Они стреляют из больших ружей. Много рук солдат, больше чем они могут сосчитать

Глава 11

Не было никакой паники и излишнего возбуждения. Война есть война, и чуждое окружение, дождь, новое оружие – ничто не могло нарушить спокойствие кочевников и их воинских способностей. Люди, атаковавшие космический корабль, лишь презрительно улыбались при звуках артиллерийского огня.

Аханк командовал переноской пороха, а Темучин поднялся на поврежденную сторожевую башню, чтобы взглянуть на силы атакующих. Еще одно ядро ударило в стену; пули, как смертоносные пчелы, пролетали над ним, а он стоял неподвижно, пока не рассмотрел все, что ему было нужно. Низко наклонившись, он начал выкрикивать приказы своим людям.

Язон вышел вслед за людьми, несшими порох, и обнаружил, что в крепости остался только вождь.

– В эту дверь, – приказал Темучин, указывая на выход к речному берегу. – Там никто не будет виден, там стоят все наши мороны. Те, что с порохом, садятся верхом и по моему приказу скачут к деревьям. Остальные должны задержать солдат и присоединятся позже.

– Сколько человек атакует нас? – Спросил Язон, когда переносчики пороха вышли.

– Много. Две полные руки, может больше. Иди с носильщиками пороха, нападающие близко.

Так оно и было. Пули ударяли в стены и узкие окна. Крики нападающих уже раздавались поблизости.

Счет людей, думал Язон, с трудом взбираясь на своего морона, оказавшегося снаружи у

выхода. Все пальцы человека – составляют руку. Полная рука означает сотню. А в их отряде осталось всего лишь двадцать три человека, если больше никто не убит при захвате крепости. Десять человек несут порох. Язон притих, как специалист – остается тринадцать. Тринадцать против нескольких сотен! Настоящее варварство, такое неравенство сил. События разворачивались быстро. Язон едва успел сесть в седло, как кочевники с порохом понеслись к лесу. Он последовал за ними. Они миновали заднюю стену здания одновременно с появлением первых атакующих. Оставшиеся тринадцать всадников с воинственными криками обрушились на пеших солдат, которые закричали от боли и страха. Язон бросил взгляд через плечо и увидел брошенные пушки, разбегавшихся в разные стороны солдат; мороны и их кровожадные хозяева сеяли смерть среди солдат. Перед Язоном оказались деревья, и ему пришлось отвлечься, чтобы избежать хлещущих по нему ветвей. Они ждали под прикрытием деревьев. Скоро послышался топот моронов, и, раздвигая подлесок, появилось семь моронов. С каждой стычкой число кочевников уменьшалось.

– Вперед, – приказал Темучин. – Двигайтесь тем же путем, что и сюда. Мы остаемся здесь и задержим тех, кто попытается нас преследовать.

Когда Язон с переносчиками пороха двинулся, оставшиеся спешили и укрылись в высокой траве.

Язону было тяжело в пути. Он не осмелился захватить с собой аптечку. Не успел он и перевязать свои раны жесткой, похожей на картон замшей, не смог он сделать этого и в пути, сидя на горбатой, качающейся спине морона. Прежде чем они достигли разграбленной фермы, остальные всадники во главе с Темучином присоединились к ним, и весь отряд двигался в томительной тишине. Язон безнадежно потерял туманную, закрытую деревьями тропу: все дороги казались ему одинаковыми. Но у кочевников привычка ориентироваться на местности была развита гораздо лучше, и они безошибочно разыскивали путь. Их мороны спотыкались и двигались только благодаря непрерывному применению шпор. Кровь стекала по их бокам и исчезала в густом меху.

Когда они достигли реки, Темучин знаком приказал остановиться.

– Спешиться! – Приказал он. – Возьмите из сумок только самое необходимое. Мы оставим животных здесь. Двигайтесь по одному под прикрытием этого высокого берега.

И он быстро пошел вперед, ведя своего морона. Язон был как в тумане от усталости и боли и не понял для чего это нужно. Когда он, наконец, довел своего морона, то с удивлением увидел на берегу группу людей и ни одного животного.

– Взял все необходимое? – Спросил Темучин, беря у него узду и подводя морона Язона к самому берегу. Язон кивнул и вождь взмахнул ножом и перерезал горло животного, почти отрубив голову. Он отклонился от хлынувшей крови, подставил ногу под падающее животное и толкнул его в воду. Течение быстро скрыло морона. – Машина не сможет поднять моронов на обрыв, – сказал Темучин. – А оставлять их тела у места спуска нельзя, иначе об этом узнают и будут охранять это место. Мы пойдем пешком. – Он взглянул на раненую ногу Язона. – Ты сможешь идти?

– Конечно, – ответил Язон. – Никогда я не чувствовал себя лучше. Небольшая прогулка после нескольких бессонных ночей и тысячекилометрового рейда – это все, о чем я сейчас мечтаю. Идем! – Он двинулся вперед, как можно прямее, стараясь не хромать. – Мы доставим порох, и я покажу тебе, как его использовать, – напомнил он на всякий случай.

Это не было приятной прогулкой, они не останавливались, но постоянно сменялись друг с другом, неся порох. Язон и еще трое ходячих раненных были избавлены от этой ноши. Подниматься по склону, по мокрой и скользкой траве было тяжело. Нога у Язона страшно болела, и при каждом шаге у него из раны вытекала струйка крови и бежала в сапог. Он упал, а путь был бесконечным. Все прошли мимо него и вскоре скрылись из виду. Он стер пот и дождь с глаз, поднялся, и покачиваясь двинулся вперед. На вершине холма появился Темучин, взглянул на него, ощупывая рукоять меча, и Язон увеличил скорость. Если он упадет, то присоединится к моронам.

Много времени спустя, ничего не видя, он наткнулся на группу людей, сидевших на

траве и прижимавшихся спинами к знакомому обрыву.

– Темучин поднимается, – сказал Аханк. – Ты будешь вторым. Каждый из первых десяти поднявшихся возьмет с собой ствол пороха.

– Отличная мысль, – ответил Язон, падая на мокрую траву. Прошло немало времени, прежде чем он смог сесть с порохом к грубой кожаной упряжи. Вскоре спустилась веревка и Язон позволил привязать себя. На этот раз возможность падения ничуть не беспокоила его. Он положил голову на ствол и уснул, как только начался подъем, и не проснулся даже тогда, когда его голова появилась над обрывом... Здесь ждали свежие мороны, ему позволили возвращаться в лагерь одному, без пороха. Он предоставил животному идти медленным шагом, но когда подъехал к своему камачу, почувствовал, что не может слезть на землю.

– Мета, – прохрипел он, – помоги раненому ветерану... – Он покачнулся, когда она высунула голову из камача, и начал падать. Она успела подхватить его на руки и внесла в шатер. Это было чудесное ощущение.

– Тебе нужно что-то съесть, довольно пить, – строго сказала Мета.

– Ерунда, – сказал он, отпивая из железной чашки и облизывая губы. – Я потерял много крови. Это указала аптечка после осмотра и сделала укол железа. Я слишком слаб для еды.

– Шкалы аптечки указывают также, что ты нуждаешься в переливании крови.

– Немного сложно организовать это здесь. Я буду пить много воды и есть каждый вечер козью печеньку.

– Откройте! – Крикнул кто-то, нажимая на входной клапан. – Я говорю голосом Темучина.

Мета сунула аптечку под шкуру и пошла к выходу. Гриф, раздувая огонь в костре, подобрал копье и взвесил его в руке. Воин просунул голову в отверстие. – Ты должен немедленно явиться к Темучину.

– Скажи ему, что я скоро буду.

Воин попытался спорить, но Мета сжала его нос и вытолкнула наружу. Она вновь завязала клапан.

– Ты не можешь идти, – сказала она.

– У меня нет выбора. Мы зашьем раны вручную кишками, так безопасней, а антибиотики различить невозможно. Железо уже проникло в мой костный мозг. – Я вовсе не это имела в виду, – гневно сказала Мета.

– Я знаю, что ты имела в виду, но к сожалению, мы ничего не сможем сделать. – Он прижал аптечку и повернул шкалу. – Обезболивающий укол действует, и я могу идти. Я потеряю годы жизни из-за этих стимуляторов и наркотиков, но надеюсь, что кое-кто это оценит.

Когда он встал, Мета схватила его в объятия. – Нет, ты не можешь, – сказала она. Он смягчил столкновение, взяв ее лицо в руки и поцеловав. Гриф презрительно фыркнул и отвернулся. Ее руки ослабли.

– Язон, – сказала она. – Мне это не нравится. Я ничем не могу помочь.

– Можешь, но не в данный момент. Продержитесь еще немного, я иду показывать Темучину, как делать большой взрыв, после этого мы вернемся на корабль. Я скажу Темучину, что отправляюсь за племенем пиррян, и это будет правдой. Колеса вращаются, планы меняются и скоро новый день взойдет над Счастьем. – Под действием лекарства, у него в голове прояснилось, настроение улучшилось и он верил в каждое свое слово. Мета, проведшая много времени у костра из навоза в этом морозном лагере, не разделяла его энтузиазма. Но она отпустила его – долг превыше всего – это каждый пиррянин усваивает с младенческих лет.

Темучин ждал. На нем не было видно никаких следов усталости. Он указал на бочонок с порохом, стоявший на полу в его камаче.

– Пусть взорвется, – скомандовал он.

– Не здесь и не все сразу, если только ты не замышляешь массовое самоубийство. Мне нужен какой-нибудь сосуд, который можно закрыть, но не слишком большой.

– Говори, что нужно, тебе все принесут. – Вождь очевидно хотел, чтобы опыты над взрывчаткой хранились в секрете, что Язона вполне устраивало. Камач был теплым и относительно комфортабельным, пища и питье находилось под рукой. Язон опустил на меха и стал грызть жаренную козью ногу, ожидая прибытия материалов: потом, вытерев руки о куртку, принялся за работу.

Ему принесли несколько глиняных горшков. Язон выбрал самый маленький, немногим больше чашки. Потом осторожно извлек пробку из одного бочонка и высыпал порох на кусок шкуры. Зерна были разного размера, но Язон не думал, что это скажется на скорости горения. Порох хорошо действовал в мушкетах. Используя в качестве совка жесткую шкуру, он тщательно пересыпал порох в горшок, наполнив его до половины. Сверху положил сжатый кусок замши и мягко уплотнил порох закругленным концом берцовой кости. Темучин стоял рядом, внимательно глядя на его действия. Язон объяснил:

– Зерна должны быть близко друг к другу, чтобы произошел взрыв. Так говорил мне человек в моем племени, от которого я узнал о порохе. Для меня это все так же ново, как и для тебя. Теперь горшок нужно закрыть крышкой, которая помешает проникнуть воде. – Язон приготовил смесь из воды, грязи с пола камача и сухого навоза, вещество, похожее на глину, которым он замазал горлышко горшка. Он заровнял пробку и сказал:

– Мне говорили, что порох должен быть полностью закрыт для взрыва. Если где-нибудь будет отверстие, оттуда вырвется огонь и порох просто сгорит.

– Как туда попадет огонь? – Спросил Темучин, хмурясь от сосредоточенности и заставляя себя следить за непривычными техническими объяснениями. Для невежды, который не умеет считать и не получил ни капли технических знаний, он справлялся неплохо. Язон взял большую железную иглу, которой сшивали шкуры камача.

– Ты задаешь правильный вопрос. Пробка высохла и я могу проделать в ней отверстие через замазку и кожу до самого пороха. Затем, используя тонкий конец иглы, я просуну в отверстие этот кусок ткани: его я взял у одного из твоих людей, а тот у жителей низины. Я смочил ткань в масле, и она будет хорошо гореть. – Он взвесил глиняную гранату в руке. – Думаю, что готово.

Темучин вышел, и Язон с бомбой в одной руке и мерцающей масляной лампой в другой, пошел вслед за ним на некотором расстоянии. Перед камачем вождя было расчищено большое пространство, а воины удерживали любопытных на расстоянии. Стало известно, что готовятся какие-то странные и опасные опыты, поэтому со всех сторон разбросанного лагеря собрались люди. Язон осторожно положил бомбу на землю и сказал, повысив голос: – Если сработает, будет громкий гул, дым и пламя. Некоторые из вас знают, о чем я говорю. Итак, я начинаю.

Он наклонился и приблизил лампу к фитилю, держа ее до тех пор, пока ткань не загорелась. Фитиль горел медленно, и Язон смог задержаться на две секунды, чтобы убедиться, что все идет хорошо. Только тогда он повернулся и заторопился к камачу вождя.

Даже подкрепленная наркотиками уверенность Язона не выдержала напряжения. Фитиль горел, дымился, разбрасывая снопы искр, а потом по-видимому погас. Язон заставил себя ждать долгое время, не обращая внимания на нетерпеливый гул и отдельные гневные выкрики. У него не было желания наклоняться над бомбой, чтобы она взорвалась ему прямо в лицо. Лишь когда Темучин начал угрожающе ощупывать рукоять своего меча, Язон отправился посмотреть, что же случилось. Он глубокомысленно кивнул головой и повернулся.

– Фитиль погас раньше, чем огонь дошел до пороха. Нужно больше отверстие и лучший фитиль. Я только что вспомнил другой куплет «Песни о бомбе», где как раз говорится об этом. Сейчас я все сделаю. Пусть никто не приближается до моего возвращения. – Прежде чем кто-то успел возразить, он скрылся в камаче.

Он нуждался в пороховом фитиле, чтобы огонь прошел через пробку из грязи. Пороха достаточно, но во что его завернуть? Лучше всего в бумагу, однако в настоящий момент это невозможно. Или возможно? Он убедился, что он один в камаче. Потом он порылся на дне

своей сумки и извлек оттуда аптечку. Он принес ее несмотря на риск, так как не знал, долго ли продлятся опыты, и не хотел свалиться без памяти.

Потребовалась секунда, чтобы нажать, повернуть и открыть камеру анализатора аптечки. Под ампулами лежал листочек с инструкциями, достаточно большой для его цели. Он вновь спрятал аптечку. Сделать фитиль было не трудно, хотя ему пришлось чуть ли не каждое зернышко пороха переносить в отдельности, чтобы быть уверенным, что они не слипнутся и не сгорят слишком быстро. Когда работа была закончена, он натер бумагу маслом с сажей с целью скрыть ее первоначальную белизну.

– Должен действовать, – сказал он, беря фитиль и иглу и выходя из камача. Задержка продолжалась дольше, чем он думал. Кочевники открыто смеялись и отпускали грубые шутки, а Темучин побелел от гнева. Бомба по-прежнему лениво лежала там, где он ее оставил. Стараясь не слушать насмешливых замечаний, Язон наклонился и проделал новое отверстие в глиняной пробке. Он не хотел, чтобы в порох попал дымящийся кусок тряпки. Это была трудная работа, и пот выступил у него на лбу, несмотря на утренний холод, пока он не уложил фитиль на место.

– На этот раз взорвется, – сказал он и поджег фитиль. Бумага вспыхнула, разбрасывая в воздухе искры. Язон бросил короткий взгляд на пламя, повернулся и побежал.

На этот раз результаты были впечатляющими – бомба взорвалась с оглушительным гулом, и обломки глины засвистели в разных направлениях, проделывая дыры в камачах и ранив зрителей. Язон не успел убежать и взрывная волна прокатила его по земле.

Темучин по-прежнему неподвижно стоял у входа в свой камач, но выглядел несколько более удовлетворенным. Отдельные крики боли были заглушены криками энтузиазма и счастливым похлопыванием по спинам. Язон с трудом сел и ощупал себя. Повреждений не было.

– Можешь сделать большую бомбу? – Спросил его Темучин и жажда разрушения сверкнула в его глазах.

– Их можно делать любого размера. Я мог бы лучше посоветовать тебе, если бы ты сказал, для чего тебе нужна бомба. – Движение на противоположной стороне поля привлекло внимание Темучина. Группа людей на моронах прокладывала себе дорогу через толпу, и зрители недовольно шумели. Послышались гневные крики и чей-то болезненный стон.

– Кто приближается без разрешения? – Возвысил голос Темучин, и когда он потянулся за мечом, его личная охрана обнажила оружие и собралась вокруг него. Ряды зрителей расступились и появился всадник.

– Что за шум? – Спросил всадник властным голосом. Было видно, что он также привык подавать команды, как и Темучин.

Этот голос был очень знаком Язону.

Это был Керк.

Темучин в холодном гневном движении двинулся вперед. Охрана шла за ним. Керк спешил к нему присоединился Рес и другие пирряне.

Назревала схватка.

– Подождите, – крикнул Язон и побежал между группами, чтобы предотвратить столкновение.

– Это пирряне, – кричал он, – мое племя! Они пришли, чтобы присоединиться к войску Темучина. – Он подмигнул Керку. – Успокойтесь! Склоните колени, иначе мы все будем уничтожены.

Керк ничего подобного не сделал. Он остановился, глядя так же раздраженно, как и Темучин, и так же угрожающе схватился за меч. Темучин со своим отрядом надвигался как лавина, и Язон вынужден был отступить, чтобы его не раздавили. Когда Темучин остановился, носки его ног коснулись носков ног Керка, и они глядели в глаза друг другу. У них оказалось много общего. Вождь был выше, но ширину пиррянину не следовало бы принимать за жир. Одежда пиррян была весьма внушительной: Керк точно следовал переданным по радио инструкциям Язона. На нагруднике Керка было вдвое уменьшенное

изображение орла, а на его шлеме череп орла.

– Я – Керк – вождь пиррян, – сказал он, двигая вверх и вниз меч в ножнах.

– Я – Темучин, вождь всех племен. И ты должен склониться передо мной.

– Пирряне ни перед кем не склоняются.

В горле у Темучина что-то глухо заклекотало, как у разъяренного хищника, и он начал вытаскивать меч. Язон с трудом преодолел желание закрыть глаза и убежать. Это будет кровавая схватка. Но Керк знал как поступить, он пришел не для того, чтобы сместить Темучина – во всяком случае, пока. Поэтому свой меч он не извлек. Напротив, с необыкновенной и только пиррянам доступной быстротой, он перехватил руку Темучина, державшую рукоять меча.

– Я пришел не для борьбы, – сказал он. – Я пришел к тебе как равный. Мы будем разговаривать.

Темучин не мог даже на сантиметр вынуть меч из ножен. Вождь обладал необычайной силой и стремительной реакцией, но Керк был как неподвижная скала. Он не двигался и не проявлял никаких признаков напряжения, но вены на лбу Темучина вздулись.

Молчаливая борьба продолжалась десять-пятнадцать секунд; Темучин покраснел, все его мускулы напряглись.

Когда казалось, что человеческие мускулы не выдержат, Керк улыбнулся... Чуть заметно, уголком рта, так что видно было лишь стоящим рядом Темучину и Язону. Затем медленно и равномерно рука вождя под нажимом руки Керка опустилась и меч скрылся в ножнах.

– Я пришел не для борьбы, – повторил Керк ровным голосом. – Юнцы могут бороться друг с другом. Мы – вожди, мы будем разговаривать.

Он разжал руку так внезапно, что Темучин покачнулся: его напряженные мускулы больше не встречали противодействия. Он должен был принять решение, и рассудок вождя боролся в нем со свирепостью варвара.

Прошло несколько напряженных минут молчания, потом Темучин начал смеяться, сначала тихо, потом все громче и громче. Он закинул голову и хохотал, потом хлопнул Керка по плечу. Его удар мог свалить морона или убить человека. Но Керк лишь слегка покачнулся и улыбнулся в ответ.

– Ты должен мне понравиться! – Крикнул Темучин. – Если я вначале не убью тебя. Пошли со мной в камач. – Он повернулся и Керк двинулся за ним. Они прошли мимо Язона, как будто не замечая его. Язон посмотрел вверх и радостно увидел, что небо не упало, солнце не превратилось в новую звезду и потом пошел за ними.

– Оставайся здесь, – приказал Темучин, с холодной яростью взглянув на Язона, как будто он один был ответственен за все происходящее.

Темучин знаком остановил стражу и вошел вслед за Керком в камач. Язон не жаловался. Он предпочел ждать на ветру и холоде, чтобы не быть свидетелем стычки в шатре. Если Темучин будет убит, то как им спастись? Усталость и боль вновь надвинулись на него. Он покачнулся от ветра и спросил себя, может ли он рискнуть и сделать себе укол? Ответ был очевиден, поэтому он продолжал покачиваться и ждать.

Гневные голоса внутри зазвучали громче. Язон съежился и принялся ждать конца. Ничего не случилось. Он вновь покачнулся и решил, что ему лучше посидеть. Он упал на землю. Земля была холодной. Голоса вновь зазвучали громко, затем наступила зловещая тишина. Язон заметил, что даже стражники обмениваются возбужденными взглядами.

Послышались резкие скрипучие звуки, стражники отпрыгнули и повернулись, подняв копья. Керк не стал дожидаться, пока отвяжут дверной клапан. Кожаные ремни лопнули, поддерживающий железный столб наклонился. Керк не заметил этого. Он прошел мимо стражников, кивнул Язону и продолжал идти. Язон бегло заметил искаженное гневом лицо Темучина в отверстии. Взгляда было достаточно. Он повернулся и заторопился за Керком.

– Что там произошло? – Спросил он.

– Ничего. Мы начали говорить, но никто не хотел уступать. Он не отвечал на мои

вопросы, поэтому я тоже не отвечал. Пока что ничья.

Язон был обеспокоен.

– Вы должны были ждать моего возвращения. Почему вы пришли?

Он знал ответ заранее, и Керк подтвердил его уверенность:

– А почему бы и нет? Пирряне не могут отсиживаться в горах и выполнять обязанности тюремщиков. Мы решили сами взглянуть, что тут делается. По дороге у нас было несколько столкновений, поэтому все чувствуют себя хорошо.

– Я был уверен в этом, – ответил Язон и ему захотелось оказаться в своем камаче, с закрытыми глазами, в спальном мешке.

Глава 12

Они вернулись из земли-сырости, Они вернулись с большими пальцами в своих сумках. Рассказывая о славных убийствах В землях под обрывом...

Ветер свистел вокруг камача. Через дымовое отверстие влетали снежинки, а внутри было тепло и удобно. Атомный нагреватель давал достаточно тепла, чтобы компенсировать многочисленные щели, а те крепкие напитки, которые Керк привез с собой, лились в живот Язона гораздо легче, чем отвратительный ачад... Рес вытащил ящички с продуктовыми пакетами, и Мета их открывала. Остальные пирряне стояли на страже у входа или сидели в своих камачах поблизости. По редкой случайности в сердце варварского лагеря они были свободны от наблюдения и находились в относительной безопасности.

– Свирина, – сказала Мета, и когда Язон потянулся за испускающим пар и соблазнительно пахнущим пакетом мяса, добавила, – ты уже взял один.

– Первый был для меня. Этот же для моих избитых мышц и пролитой крови. – Жуя горячее и нежное мясо, он указал на шлем Керка. – Я вижу, вы соответствуете названию племени Орла, но где вы взяли так много черепов? Они производят сильное впечатление на туземцев. Я не думал, что на всей планете найдется столько орлов.

– Может и нет, – ответил Керк, проводя пальцем по клювастому безглазому черепу. – Мы подстрелили одного и набили чучело. Все остальные отлиты из пластика. А теперь скажи, что ждет нас дальше, потому что, хотя мы и приветствуем этот детский маскарад, но в то же время хотим быстрее с ним покончить, и начать работу на шахтах.

– Терпение, – сказал Язон. – Операция займет еще немного времени. Но я гарантирую вам достаточно схваток, так что вы будете довольны. Позвольте рассказать вам о том, что я обнаружил с тех пор, как мы виделись в последний раз.

Темучин объединил большинство равнинных племен. Он очень умный человек и прирожденный вождь. Он интуитивно знает большинство военных аксиом. Главная из них – держать войска занятыми. Как только было покончено с первой экспедицией, он выяснил, что есть два племени, с которыми враждует большинство. Эти племена были уничтожены, а их имущество разграблено. И этот процесс время от времени повторяется. Нужно быть с ним или против него, и нельзя оставаться нейтральным. И все это, несмотря на естественную тенденцию кочевников к разъединению. Немногие вожди, которые пытались выступить против него – и этого нового режима – встретили такую страшную смерть, что на остальных это произвело сильное впечатление.

Керк покачал головой.

– Если он объединил здесь всех, вряд ли мы что-нибудь сможем сделать.

– Убить его, – предложила Мета.

– Посмотрите, что делает с девушкой ее пребывание среди варваров за всего-навсего несколько недель, – сказал Язон. – Не могу сказать, что не испытываю такого искушения. В этом случае союз расколется, но мы ничего не выиграем. Если мы попытаемся открыть шахту, появится новый вождь, и нападение возобновится. Мы сделаем лучше. Я хочу использовать его собственную организацию в своих целях. Кроме того, Керк, ты не совсем прав. Он объединил не все племена, а только сильнейшие из них. Есть немало маленьких

племен на окраинах, о которых он не побеспокоился: они не представляют для него угрозы. Но в горах севера есть племена, гордые своей независимостью: из них большинство принадлежит к клану Ласки. Они воюют друг с другом, но выступают вместе – против угрозы извне. Эта угроза – Темучин, и это лучшая наша возможность.

– Каким образом? – Спросил Рес.

– Выполнить это дело лучше, чем Темучин. Покрыть себя славой в горной войне и организовать дело так, чтобы Темучин совершил много ошибок. Если мы все сделаем правильно, то вернувшись с войны, Керк займет равное с Темучином положение. Это жестокое общество, и никто не помнит прежних заслуг, но только то, что вы делаете сейчас. Мы все примем участие в операции, кроме Реса.

– А почему я – нет? – Спросил Рес.

– Ты будешь выполнять вторую часть плана. Мы не обращали внимания на жителей низин под обрывом, так как там нет тяжелых металлов. Однако, там существует довольно развитая земледельческая культура.

Темучин нашел способ спуститься вниз с разведывательным отрядом в поисках пороха. Не хотел бы я снова участвовать в этой экспедиции. Я уверен, что Темучин хочет использовать порох против жителей гор, чтобы получить преимущество и одержать победу. Вероятно, горные тропы трудно атаковать. Я помогал Темучину в поисках пороха. И в то же время держал открытыми свои глаза. Кроме пороха я видел кремневые ружья, артиллерию, мундиры и мешки с мукой. Это очевидное доказательство.

– Доказательство чего? – Керк был раздражен. Он предпочитал иметь дело с более простыми и знакомыми доказательствами и умозаключениями.

– Разве не ясно? Доказательства довольно высоко развитой культуры. Химия, единая земледельческая культура, центральное правительство, налоги,ковка, литье, ткачество, крашение...

– Как ты узнал все это? – Изумленно поинтересовалась Мета.

– Я расскажу тебе ночью, дорогая, когда мы будем одни. Сейчас это прозвучало бы хвастовством. Но я знаю, что мои заключения правильны. Там внизу есть поднимающийся средний класс, и я готов держать пари, что банкиры и торговцы идут впереди всех. Рес станет одним из них. Он и сам аграрий, и у него хорошая основа для такой работы. Посмотрите, вот ключ к его успехам.

Он достал из сумки маленький металлический кружок, подбросил его в воздух поймал и протянул Ресу.

– Что это? – Спросил Рес.

– Деньги. Монета государства внизу. И я взял ее у одного из солдат. Это ось, на которой вращается торговый мир. Или смазка этой оси. Или любая другая метафора, какую вы предпочитаете. Мы исследуем эту монету и изготовим партию точно таких же. Ты возьмешь их с собой и откроешь магазин и приготовишься к следующему этапу.

Рес с сомнением посмотрел на монету.

– А теперь по правилам игры в вопросы и ответы, я должен задать тебе вопрос, в чем заключается следующий этап?

– Верно. Ты быстро схватываешь. Когда Язон говорит, все остальные слушают.

– Ты слишком много говоришь, – язвительно заметила Мета.

– Согласен. Но это мой единственный порок. Следующий этап будет заключаться в том, что объединенные под руководством Керка племена приветливо встретят Реса, когда он приплывет на север с товарами для продажи. Этот континент делится на две части обрывом, который препятствует контакту между кочевниками и жителями низин, но никто не сумеет убедить меня, что на севере нельзя найти места, где может пристать корабль или лодка. Небольшой участок берега – это все, что нам нужно.

Я уверен, что в прошлом тут осуществлялись морские перевозки, поскольку достижения местной технологии вполне позволяют построить корабль из железа. Вполне возможны и лодки с костяными каркасами, с натянутыми шкурами. Но я сомневаюсь, чтобы

кочевникам была известна возможность путешествия по воде. Жители низин, несомненно, имеют корабли, но их ничто не соблазняет в этих землях на севере. Скорее наоборот. Но мы изменим ситуацию. Под предводительством Керка, племена кочевников мирно встретят торговцев с юга. Торговля изменит картину, и начнется новая эра. За несколько поношенных шкур кочевники смогут получить продукты цивилизации и будут довольны. Мы привлечем их табаком, выпивкой или стеклянными бусами. Должно быть много нравящихся им предметов, которые смогут производить жители низин. И это будет концом их табу. Вначале причал на берегу, где будет происходить торговля, а затем несколько навесов, чтобы предотвратить порчу товаров от снега. Затем постоянный поселок, торговый центр и рынок – именно на том месте, где мы откроем свою шахту. Следующий шаг очевиден. Было много споров, но только по отдельным деталям. Никто не возражал против плана Язона, наоборот, план был одобрен всеми. Он был простым, вполне осуществим и точно указывал каждому, чем ему заниматься. Одобрив все, за исключением Меты. Она провела слишком много времени у костров из навоза и за лакейской ручной работой. Но она была слишком пиррянкой, чтобы жаловаться, поэтому промолчала.

Собрание закончилось очень поздно; мальчик Гриф уже давно уснул. Атомный нагреватель выключили и спрятали, но в камаче по-прежнему сохранялась приятная теплота. Язон опустил на спальные мешки и утомленно вздохнул. Мета свернулась рядом и положила подбородок ему на грудь.

– Что будет, когда мы победим? – Спросила она.

– Не знаю, – устало ответил Язон, поглаживая ее коротко остриженные волосы. – Еще не думал об этом. Вначале нужно победить.

– А я думала. Для нас это будет прекращением борьбы. Мы останемся здесь и построим новый город. Что ты тогда будешь делать?

– Не задумывался, – ответил он, прижимая ее к себе.

– Я решила, что мне понравится прекращение борьбы. Я решила, что найдется множество других вещей, чтобы занять свою жизнь. Ты заметил, что у кочевников сами женщины заботятся о своих детях, вместо того, чтобы отдавать их в ясли и никогда больше не видеть, как на Пирре? Вероятно, это очень приятно.

Язон отдернул руку от ее волос, как от расплавленного металла, и широко открыл глаза. Где-то в отдалении он смутно расслышал звон обручальных колец, звук, которого он избегал на протяжении всей своей жизни, звук, который вызывал у него стремление бежать куда глаза глядят.

– Что ж, – заметил он, надеясь, что говорит вполне убедительно, – это приятно для варварской женщины, но разве это достойная участь для умной и цивилизованной женщины?

Он напряженно ждал ответа, пока не понял по ее ровному дыханию, что она уснула.

Держа ее в объятиях, ощущая тепло ее тела, он задавал себе вопрос, так ли уж страшно то, от чего он собирался бежать, и пока он размышлял об этом, действие лекарства и усталость победили, и он уснул.

Новая кампания началась утром. Темучин разослал приказы заранее, и на рассвете, под порывами ледяного, замораживающего до костей ветра с северных гор, войска выступили в поход. Камачи, эскунги и даже выючные мороны были оставлены позади. Каждый воин взял с собой только оружие и продовольствие и должен был сам заботиться о себе и о своем мороне. Вначале движение было очень невыразительным; отдельные воины прокладывали себе дорогу среди камачей и кричащих женщин и ребятишек, играющих в пыли. Затем двое воинов объединились, и к ним присоединился третий, пока не образовался целый взвод; всадники подсакивали вверх и вниз в соответствии с движением моронов. Язон ехал вслед за Керком, и девяносто четыре воина-пиррянина двигались за ним двойной колонной. Он повернулся в седле, посмотрев на них. Женщины не могли ехать с ними, а остальные охраняли корабль. Таким образом, девяносто шесть человек должны были выполнить сложное задание – захватить контроль над варварской армией и над всей занятой ею территорией планеты. Внешне это выглядело невозможным, но пирряне так не считали. Они

готовы были уничтожить любое препятствие на своем пути. Язон ощущал необычное чувство безопасности, когда ехал рядом с ними.

Выехав из лагеря, они видели другие колонны, шедшие параллельно их курсу по степи. Вестники побывали во всех племенах, расположившихся вдоль реки, с приказом немедленно выступать. Орда собиралась. Со всех сторон собирались новые воины, пока пространство степи до горизонта не заняли всадники. Теперь во всем чувствовалась организация: различные кланы двигались под командой своих вождей и образовывали эскадроны. В отдалении Язон увидел черные знамена личной гвардии Темучина и указал на них Керку. – Темучин нагрузил двух моронов нашими пороховыми бомбами. Он хочет, чтобы я руководил их использованием. Он определенно не имел в виду остальных пиррян, но мы поедем к нему все, хочет он того или не хочет. Я нужен ему для использования бомб – я приеду со своим племенем. Это выигрышный аргумент, и я надеюсь, что он не будет бит.

– Проверим, – сказал Керк, заставляя своего морона перейти в галоп. Колонна пиррян, раздвигая скачущие орды, двинулась за своим вождем.

Они скакали вправо, пока не оказались рядом с людьми Темучина. Язон вышел вперед, подготовив свои аргументы, но они не потребовались. Темучин холодно взглянул в сторону пиррян и вновь устремил свой взгляд вперед. Он был похож на шахматиста, видящего на двадцать ходов вперед, и решившего отказаться от игры. Аргументы Язона были для него очевидны, и он не побеспокоился выслушать их.

– Осмотри фитили на пороховых бомбах, – приказал он, – они на твоей ответственности.

Со своего удобного наблюдательного пункта рядом с вождем, Язон наблюдая за варварской армией, начал понимать, что Темучин был военным гением. Неграмотный и необученный, не имеющий никаких предшественников, он сам додумался до основных принципов организации армии, ее маневров. Его офицеры были больше чем командирами отдельных отрядов. Они действовали как штаб, принимая и отдавая приказы, если этого требовала обстановка. Простая система сигналов рогом и руками, управляла движением войск, и благодаря этому тысячи людей образовывали гибкое и опасное оружие. Когда войска собрались, Темучин построил их в многокилометровую линию и двинулся вперед. Безостановочно. Движение, начавшееся до рассвета, продолжалось до вечера без единой остановки. Отдохнувшим, хорошо откормленным моронам не нравилось это безостановочное движение, но они двигались под ударами шпор. Они протестующе кричали, но продолжали двигаться вперед. Бесконечное подпрыгивание не беспокоило кочевников, которые привыкли к седлу с рождения, но Язон, несмотря на свой предыдущий опыт поездок, скоро почувствовал себя избитым. Если езда и доставляла беспокойство пиррянам, то они никак не проявляли его.

Эскадроны всадников проносились впереди главных войск, и после полудня армия вторжения начала действовать. Вначале одинокий всадник, чья кровь смешалась с кровью его морона, затем целая семья кочевников, чей путь к несчастью скрестился с путем следования армии. Эскунги и камачи все еще дымились, окруженные грудой мертвых тел. Мужчины, женщины, дети, даже мороны – все были жестоко убиты. Темучин не оставлял живым ничего. Он был грубо прагматичен. Война ведется для победы. Все, что служит победе, разумно. Разумно проделать трехдневный рейд за один день, если это поможет застать противника врасплох. Разумно убивать всех встречных, чтобы никто не мог поднять тревогу, и так же разумно уничтожать все их добро, чтобы воины не обременяли себя добычей. Выгодность тактики Темучина подтвердилась перед сумерками, когда армия обрушилась на большой лагерь племени Ласки у подножия гор.

Когда длинная линия всадников перевалила за последние холмы, в лагере началась тревога, но было уже поздно. Концы линии сомкнулись вокруг лагеря, но все-таки несколько всадников на быстрых моронах сумели выскользнуть до того, как завершилось окружение.

Неряшливая работа, – подумал Язон, недоумевая, как это Темучин не предупредил такую возможность.

После этого было сплошное убийство – вначале тучей стрел, обрушившейся на защитников, потом копьями на полном скаку. Язон держался сзади, но не от трусости, а от отвращения к картинам убийств. Пирряне атаковали вместе со всеми. Благодаря постоянной практике все они были хорошо знакомы с коротким луком, но стреляли еще не так быстро и точно, как кочевники, но в рукопашной схватке они превосходили всех. Если у них были какие-то сомнения относительно убийства защитников, они их никак не проявляли. Они как молния обрушивались на защищающихся, опрокидывая их.

Благодаря своей скорости и весу, они не встречали сопротивления. Они были как таран, убивали и двигались без сопротивления. Язон не мог присоединиться к ним. Вместе с двумя раздраженными воинами, которым было приказано охранять бомбы, он держался в стороне, перебирая струны своей лютни и как бы сочиняя новую песню о великой битве.

Схватка кончилась в темноте. Язон медленно ехал по разграбленному лагерю. Он встретил всадника, разыскивающего его.

– Темучин хочет тебя видеть, пошли, – приказал всадник. Язон, слишком уставший, чтобы возражать, повиновался.

Они двигались по захваченному лагерю, их мороны осторожно переступали через трупы. Язон не смотрел по сторонам, но не мог зажать нос, чтобы не чувствовать запаха бойни. К его удивлению, очень немного камачей было разрушено и сожжено, и Темучин проводил совет со своими офицерами в самом большом из них. Он, несомненно, принадлежал бывшему вождю клана, сам вождь, мертвый и искромсанный лежал в стороне у стены. Собрались все офицеры – отсутствовал лишь Керк – когда вошел Язон.

– Начнем, – сказал Темучин и скрестив ноги, опустился на шкуры. Остальные подождали, пока он сядет, затем сделали то же самое. – Наш план таков. Сегодняшняя схватка была лишь началом. К востоку отсюда лежит большой лагерь племени Ласки, завтра мы отправимся к нему. Я хочу, чтобы это знали все в лагере, и я также хочу, чтобы наблюдатели с холмов догадались об этом. Нескольким мы позволили бежать, и они теперь наблюдают за нами.

Вот тебе и «небрежная работа», – подумал Язон. – Я должен был догадаться, ночью воины будут пить захваченный в лагере ачад и есть мясо и поднимутся завтра поздно. Темучин заранее спланировал всю кампанию до последнего выстрела из лука.

– Сегодня ваши люди хорошо скакали и хорошо сражались. Ночью воины будут пить захваченный ими ачад и есть мясо и завтра поднимутся поздно. Мы возьмем разрушенные камачи, разожжем множество костров, а патрули разойдутся далеко, до самых подножий гор, и никому не позволят подойти к лагерю.

– И все это будет ловушкой, – угрюмо улыбаясь, сказал Аханк. – Мы ведь не будем нападать на лагерь на востоке?

– Верно, – вождь полностью владел вниманием присутствующих, офицеры бессознательно наклонились вперед, чтобы не пропустить ни одного слова. – Как только стемнеет, мы двинемся на запад, непрерывный суточный марш приведет нас в Слат, долину, открывающую путь в сердце гор. Мы нападём на ее защитников, пороховыми бомбами разрушим их укрепления и захватим ее до прихода подкрепления.

– Там трудно сражаться, – проворчал один из офицеров, указывая на свою старую рану. – Трудно будет победить.

– Нет, не трудно, безмозглый дурак, – сказал таким холодным и гневным голосом Темучин, что офицер согнулся. – Это ворота в их земли. Несколько сот воинов могут остановить в долине Слат целую армию, но если мы пройдем ее, они погибнут. Мы уничтожим их племена одно за другим, пока клан Ласки не превратится в легенду в песнях жонглеров. Теперь отдавайте свои распоряжения и ложитесь спать. В следующую ночь спать не придется.

Когда офицеры вышли, Темучин взял Язон за руку.

– Пороховые бомбы, – сказал он. – Будут ли они взрываться, не откажут ли, как на первом испытании?

– Конечно, будут, – ответил Язон с энтузиазмом, которого не чувствовал. – Даю слово.

Его беспокоили не бомбы – он принял некоторые меры предосторожности, чтобы все они успешно взорвались – а предстоящий им ночной рейд, еще более долгий, чем первый. Кочевники совершат его, в этом не было сомнений, пирряне тоже смогут его выдержать. Но сможет ли он?

Ночной воздух был обжигающе холоден, когда он расстался с камачем, где было тепло. От его дыхания образовывался серебристый туман, который поднимался к звездам и исчезал. Все было тихо, лишь изредка раздавалось фыркание усталого морона или пьяные крики солдат.

Да, он должен выдержать этот рейд. Он привяжет себя к седлу, напичкается наркотиками, но совершит его.

Глава 13

– Продержись еще немного. Слат уже видна! – Крикнул Керк.

Язон кивнул и понял, что голова его постоянно болтается в такт скачкам морона и что его кивок был неотличим от этого движения. Он попытался ответить, но закашлялся от сухости в горле, полном поднятой бегущими животными пыли. В конце концов он ослабил судорожное сжатие луки седла, махнул рукой и снова вцепился в нее.

Армия продолжала двигаться.

Это был кошмарный рейд. Он начался сразу же после наступления темноты предыдущим вечером, когда всадники, отряд за отрядом, двинулись на запад. Через несколько часов, усталость и боль заволокли все окружающее туманом, и вскоре бесконечные ряды всадников стали казаться Язону сном. Они скакали безостановочно до рассвета, лишь тогда Темучин дал небольшую остановку для того, чтобы накормить и напоить моронов, перед второй частью похода. Возможно, эта остановка и помогла моронам, но она прикончила Язона.

Вместо того, чтобы спешиться, он сполз со своего морона на землю, а когда попытался встать, ноги не слушались его. Керк поставил его на ноги и отвел в круг пиррян, позаботившись об обоих моронах. Наконец, чувствительность вернулась в его оцепеневшие ноги, принеся с собой нестерпимую боль. Его бедра были покрыты кровью, те места, где кожа терлась о седло, превратились в сплошную рану. Он позволил себе легкую инъекцию болеутоляющего и стимуляторов, и рейд продолжался... Язон с ненавистью думал, что он держится с помощью наркотиков. Когда рейд кончится, начнется настоящая битва, и вот тогда ему потребуются все его физические и умственные способности. Поэтому самые сильнодействующие средства нужно было беречь до того времени.

С другой стороны он мог гордиться собой. Уже не один всадник и морон погиб в этом бесконечном рейде, а он, чужеземец, еще недавно никогда не видевший морона, продолжал путь. Едва продолжал. Некоторые животные не выдерживали напряжения и пали. Некоторые всадники заснули, упали с седел и были раздавлены. Попасть под ноги бегущих моронов означало верную смерть. Если Слат уже видна, значит пора использовать наркотики, которые он сохранил. Щурясь при свете послеполуденного солнца, пытаясь пробиться взглядом сквозь облака пыли, он разглядел в темноте облака разрез возвышающейся горы. Слат, долина, которую они должны захватить, чтобы одержать победу. Однако теперь прием наркотиков для него важнее многих побед. Негнушимися руками он нащупал аптечку и прижал ее к руке.

Когда лекарство подействовало и завеса усталости отступила, Язон понял, что Темучин сошел с ума.

– Он призывает атаковать! – Крикнул он Керку, когда до его ушей донесся звук рога. – После такого рейда...

– Конечно, – сказал Керк. – Он действует правильно.

Действует правильно... Он выигрывает войны и убивает людей...

Разъяренный морон, визжа от боли из-за глубоко вонзившихся в его бока шпор, встал на дыбы и сбросил седока под ноги других животных. Это была не единственная смерть. Но атака уже началась.

Армия втягивалась в устье долины. Лучники спешили и карабкались по стенам, чтобы поддержать своей стрельбойдвигающуюся вниз колонну. Передние воины стремительно исчезали в долине, а армия продолжала входить в нее. Облако пыли закрыло вход. Пирряне атаковали вместе со всеми, а Язон направился к знаменам Темучина, как ему и было приказано. Личная охрана вождя пропустила его.

Темучин дослушал доклад связного, потом повернулся к Язону.

– Готовь бомбы, – приказал он.

– Зачем? – Спросил Язон и поторопился добавить, увидев гнев, вспыхнувший в глазах вождя. – Что я должен разрушить этими бомбами? Приказывай, великий Темучин, я повинуюсь. – Гнев исчез так же быстро, как и вспыхнул.

– Битва началась так, как и предыдущие, – сказал вождь. – Мы застали их врасплох, здесь только обычный гарнизон. Нижние укрепления взяты, и сейчас бой идет за верхние. Они представляют собой каменные стены, упирающиеся в боковые утесы. Стрелы не могут достать обороняющихся. Мы вынуждены атаковать пешком, медленно, укрываясь щитами, и несем большие потери. Таким путем взять укрепления нельзя. Мы много раз уже пытались это сделать. Одно за другим брали мы укрепления и двигались вверх по долине Слат. Но прежде чем мы доходили до другого конца долины, прибывали новые подкрепления, и дальнейшая битва была бессмысленной. На этот раз я буду действовать иначе.

– Догадываюсь. Ты хочешь порохомыми бомбами разрушить укрепления и проложить дорогу атакующим.

– Верно.

– Тогда я, первый гранатометчик Счастья, готов к бою. Мне понадобится помощь людей моего племени. Они могут бросать лучше и дальше, чем я.

– Приказ будет отдан.

К тому времени, когда Язон отыскал вьючных моронов, распаковал первую партию бомб, прибыли пирряне – Керк и двое других, потные и пыльные от схватки, но смотревшие с угрюмым удовольствием, которое доставляет пиррянам битва.

– Можешь бросить несколько бомб? – Спросил Язон у Керка.

– Конечно, каков их механизм?

– Я его усовершенствовал. Темучин не склонен выслушивать извинения. Поэтому-то мне нужны были бомбы, которые обязательно взорвутся. – Он взял одну глиняную бомбу и указал на фитиль из ткани. – Этот фитиль пригоден только для производства искр. Ты зажжешь и его. Пусть он как следует подымит, потом выдерни его. К концу каждого фитиля привязана микрограната, после того, как выдернешь фитиль гранаты, у тебя будут три секунды, чтобы метнуть бомбу и скрыться.

Достав кремень и кусок стали из своей сумки, Язон нагнулся над горшком и начал высекать огонь. Искры вспыхивали и гасли. Краем глаза убедившись, что за ним никто не наблюдает, Язон быстро зажег зажатую в руке зажигалку. Язычок пламени вырвался наружу и поджег трут.

– Можно начинать, – сказал он, протягивая дымящийся горшок Керку. – Ты смог бы бросить эту гранату гораздо дальше меня?

– Дальше и точнее.

– Да, и это тоже, конечно. Я с остальными буду подавать тебе бомбы и прикрывать в случае контратаки. Начинаем.

Они спустились с моронов и пешком пошли в долину Слат. Атакующие войска все еще двигались вверх, и им приходилось прокладывать путь вдоль стен, чтобы не быть растоптанными. Пройдя немного вглубь долины, они встретили первые следы битвы – раненых солдат, которые пробирались вдоль стен, чтобы не быть смятыми атакующей стороной. Тот, кто не успевал это сделать, превращался в красное месиво на пыльной

поверхности скалы. Встречались отдельные мертвые мороны. Их массивные туши торчали, как окровавленные валуны. Тут Слат сужалась и ее склоны делались еще круче. Они обнаружили, что движутся по козьей тропе, держась за скалы руками, чтобы не упасть. И вот перед ними первое укрепление. Это была грубая, но прочная стена из обломков скалы, перегородившая узкое ущелье. Язон вскарабкался по обломкам, чтобы заглянуть внутрь. Им нужно было знать, как устроены эти укрепления, чтобы лучше разрушить их. Защитники, приземистые люди в пыльных шкурах, каждый с черепом ласки, укрепленным на шлеме, лежали там, где их застала смерть. Их тела были утыканы стрелами, их большие пальцы отрезаны. Жуки-навозники в твердом панцире уже появились, как из-под земли и принялись за работу.

– Если они все похожи на это, то у нас не будет особых затруднений, – сказал Язон, спрыгивая вниз, чтобы присоединиться к остальным. – Камни только сложены вместе, и не видно никаких следов известки. Даже если граната не убьет всех защитников, она пробьет брешь, через которую смогут ворваться парни Темучина.

– Ты оптимист, – сказал Керк, занимая свое место впереди. – Это лишь передовое укрепление. Главные преграды лежат выше.

– Лучше быть оптимистом, чем пессимистом. Я верю в то, что когда кончится эта варварская война, я останусь живым.

Идти по склонам дальше было невозможно. Им пришлось спуститься и продолжать свой путь среди солдат. Склоны становились все отвеснее, долина сужалась, и Язон оценил все трудности, возникающие перед теми, кто пытался прорваться через это тщательно охраняемое ущелье. Всех моронов отправили назад, и атакующие шли пешком. Стрела ударила в скалу над головой Язона и упала к его ногам.

– Мы на передовой линии, – сказал Язон. – Подождите, пока я посмотрю вперед.

Он забрался на один из массивных валунов, заполнявших узкое ущелье и, низко надвинув шлем, осторожно поднял голову над валунами. Немедленно в вершину ударила стрела, и Язон быстро нагнул голову, оставив лишь узкую щель между шлемом и камнем. Продвижение вперед приостановилось. Из двух укреплений, расположенных на противоположных сторонах ущелья, простреливалось все пространство. Защитники стреляли из щелей между камнями и были недостижимы для ответного огня.

Войска Темучина несли огромные потери. Защищенные только своими щитами, быстро перебегая от одного камня к другому, воины продвигались вперед.

И умирали.

– Дальность около сорока метров, – сказал Язон, соскакивая на землю. – Сможешь бросить гранату так далеко?

– С легкостью, – ответил Керк. – Но сначала хочу увидеть расстояние. Он занял место, которое покинул Язон, быстро взглянул и соскочил обратно.

– Это укрепление больше остальных. Для него потребуется не меньше двух бомб. Я зажгу одну, передам тебе горшок с трутом, выступлю вперед и брошу бомбу. А ты пока зажжешь вторую и дашь мне, как только я отправлю первую. Понял?

– Абсолютно! Начинаем.

Язон развязал узел с бомбами и взял одну. Ближайшие солдаты внимательно смотрели. Он разжег ложный фитиль, раздул дымное пламя, вышел из-под защиты скалы и подав бомбу Керку, торопливо зажег вторую бомбу и стоял готовый подать ее.

С раздражающим спокойствием Керк увернулся от звякнувшей о скалу стрелы. Другая стрела ударила его в нагрудник. Он опустил бомбу, смочил слюной палец и поднял его над головой, чтобы определить направление ветра. Язон переступил с ноги на ногу и крепко сжал зубы, чтобы не крикнуть пиррянину: «Быстрее!»

Еще несколько стрел пролетело мимо до того, как Керк был удовлетворен и вновь взял бомбу в руки. Язон видел, как он большим и указательным пальцем выдернул фитиль и единым толчком всех мускулов бросил бомбу.

Это был классический толчок. Бомба по крутой траектории пролетела к укреплениям.

Язон всунул в протянутую руку Керка вторую бомбу, она последовала за первой так же быстро, и обе бомбы одновременно оказались в воздухе.

Керк стоял на месте, и Язон преодолев инстинкт самосохранения, тоже высунулся из-за скал, следя за двумя черными точками над укреплениями. Прошло несколько мгновений, затем каменная стена взлетела в воздух и рассыпалась обломками. Язон заметил множество тел в проломах, но тут ему пришлось укрыться от града камней.

– Весьма удовлетворительно, – сказал на это Керк, прижимаясь к камню рядом с Язоном, в то время, как вокруг них падал каменный дождь.

– Надеюсь с остальными справимся так же легко.

Конечно, больше так легко не было. Защитники быстро поняли, что человек, бросающий что-то, ответственен за разрушение, и когда Керк появился снова, он был вынужден укрыться от тучи стрел.

– Придется менять тактику, – сказал Керк и автоматически погасил фитиль.

– Ты испугался? Почему вы остановились? – Раздался гневный голос и, повернувшись, Керк оказался лицом к лицу с Темучином, который подошел, укрываясь за щитами своей личной охраны.

– Осторожность выигрывает сражения, а страх проигрывает. Я выигрываю это сражение для тебя, – голос Керка был полон холодного гнева, как и голос вождя.

– Осторожность или трусость удерживает тебя за этим камнем, хотя я приказал разрушить укрепления?

– Осторожность или трусость удерживает тебя здесь, вместо того, чтобы вести свои войска в битву?

Темучин издал звериный хрип и потянулся за мечом. Керк поднял бомбу, готовый ударить противника. Язон глубоко вздохнул и встал между разъяренными противниками.

– Смерть любого из вас поможет врагу, – сказал он, обращаясь к Темучину, так как был уверен, что Керк не ударит сзади. – Солнце уже над холмами, и если мы не возьмем укрепления до темноты, будет слишком поздно. Ночью к ним могут подойти подкрепления, и это будет концом кампании. Темучин хотел ударом меча отбросить Язона, а Керк перехватил его руку стальными пальцами, собираясь убрать его с пути. Но Язон преодолел приступ боли и сказал: – Прикажи остальным пиррянам явиться сюда, пусть они и воины кидают камни в укрепления. Они не нанесут защитникам ущерба, зато лучники не будут знать, кто на самом деле бросает бомбы.

Меч заколебался, пальцы ослабили свой захват. И Язон поспешил добавить: – Для одного человека выходить под концентрированный огонь – верная смерть. Но если мы сумеем распылить огонь, то сможем пройти всю долину и очистить ее. И мы возьмем все укрепления до темноты.

Внимание Темучина вновь вернулось к атакующей армии, он посмотрел на темнеющее небо и напряжение ослабло. Выиграть битву, это было самое главное, личные заботы подождут. Он начал отдавать приказы, забыв о мече, все еще зажатом в руке. Керк окончательно разжал пальцы и Язон принялся растирать онемевшие мышцы.

Теперь продвижение вперед нельзя было остановить. Швыряющие камнями фигуры усеяли весь склон, и сбитые с толку враги не могли определить, кто же из них бросает бомбы. Пока кочевники бросали камни и прятались за скалы, пирряне, годами тренировавшиеся в метании, тщательно выбирали цель и бросали булыжники, разбив при этом не один череп. Они неуклонно двигались вперед, и одно за другим укрепления оказывались в их руках.

– Приближаемся к концу! – Крикнул Язон и дернул Керка за плечо, чтобы привлечь его внимание, и указывая вперед.

В этом месте Слат была менее ста метров в ширину, разделенная двумя острыми пиками, выступающими прямо из дна долины. Через узкую щель между ними было видно красное от заката небо – под ним было видно плоскогорье. Здесь, ставшие абсолютно отвесными, стены ущелья кончались. Если только орда пройдет это место, ее уже не

остановить.

Когда Язон и Керк с новым запасом бомб двинулись вперед, они увидели, что большинство воинов бежит им навстречу. Спереди доносились крики и звуки железных рогов.

– Что случилось? – спросил Керк, схватив одного из бегущих. – Что означают эти звуки?

– Отступление! – Крикнул воин, указывая назад. – Смотрите!

Он высвободился и побежал.

Большой валун катился среди бегущих солдат, давя их, как насекомых. Язон и Керк взглянули вверх и увидели высоко наверху людей. Они отчетливо выделялись на фоне неба, высвобождая и скатывая круглые камни.

– С другой стороны – то же! – Крикнул Язон и добавил. – Они заранее заготовили эти камни и теперь скатывают их нам на головы. Назад!

Они неохотно отступили, так как на них катилось все больше камней.

Только то обстоятельство, что это последнее резервное оружие никогда раньше не применялось, спасло нападающих. Камни нагромождалисьверху в течении многих поколений, пока поддерживающие их опоры не срослись со скалой.

Воины длинными шестами пытались их вытолкнуть, но они не поддавались. Наконец, один безрассудно храбрый воин спустился на веревке и молотком выбил опоры. Ему удалось это сделать, поскольку ослепленные лучами заходящего солнца, атакующие не видели его.

Язон и Керк бежали с остальными.

Потери не были большими, так как большинство людей было вовремя предупреждены. Вдобавок, устье долины в этом месте подействовала как щит, остановив катящиеся камни, которые нагромождались все выше и выше.

Когда отгремел последний камень и наступила тишина, ущелье было полностью перегорожено высокой каменной стеной.

Кампания была проиграна.

Глава 14

– Мне это не нравится, – сказал Керк. – И не думаю, что это можно было бы выполнить.

– Будь добр держать свои сомнения при себе, – прошептал Язон, так как они приближались к Темучину. – Мне и так будет нелегко уговорить его. Если не можешь помочь, то по крайней мере стой молча и кивай головой, будто во всем со мной согласен.

– Глупость, – проворчал Керк.

– Приветствую тебя, вождь, – протянул Язон. – Я пришел предложить план, который превратит поражение в победу.

Если Темучин и слышал, то никак этого не показал. Он сидел на валуне, упираясь мечом в землю и глядя на перегороженную долину, которая разбила его мечты о господстве. Последние лучи заходящего солнца освещали крутую стену, перегоротившую ущелье.

– Ущелье теперь превратилось в ловушку, – продолжал Язон. – Если мы попытаемся взобраться на эти камни, нас перестреляют лучники, что скрываются за ними. Задолго до того, как мы сможем преодолеть это препятствие, к врагам подойдут подкрепления. Однако есть другой путь. Если мы сумеем взобраться на вершину одного из утесов окружающих ущелье, вон там, слева, мы сможем оттуда бросать на врага пороховые бомбы и держать их в укрытиях, пока твои воины не преодолеют преграду.

Темучин медленно взглянул на отвесную стену утеса. – На этот утес нельзя взобраться, – сказал он, не поворачивая головы.

Керк кивнул и открыл рот, чтобы выразить согласие, но Язон ударил его в живот и у того вырвалось только что-то вроде «уфф!».

– Ты прав. Большинство людей не смогут забраться на эти скалы. Но мы, пиррыне, жители гор и можем это сделать. Ты решишь нам попытаться?

Вождь неохотно повернул голову и взглянул на Язона как на сумасшедшего.

– Начинай... А я посмотрю.

– Вzbираться можно лишь при дневном свете. Кроме того, свет нам нужен, чтобы видеть, куда бросать бомбы. А в наших седельных сумках есть специальное оборудование, которое нужно подготовить. Поэтому подъем начнется на рассвете, а к полудню Слат будет твоя.

Возвращаясь, они чувствовали на своих спинах горящий взгляд Темучина. Керк был сбит с толку.

– О каком оборудовании ты говорил? Это бессмысленно.

– Только потому, что у тебя нет опыта в альпинистской технике. Оборудование нужно мне, это прежде всего твое радио, так как я хочу поговорить с кораблем, чтобы они там подготовили все необходимое. Если они поработают как следует, то оборудование может быть доставлено к нам сюда еще до рассвета. Проследи, чтобы наши люди разбили свой лагерь как можно дальше от других. Мы должны ускользнуть незамеченными.

Пока остальные раскрывали спальные мешки и копали ямы для костров, Язон воспользовался радиопередатчиком. Моронов поставили в круг, в середине которого он скорчился, укрывшись за их массивными телами. Дежурный офицер на «Драчливом» отправил посыльного будить и созывать людей и подробно записал инструкции Язона. Никаких жалоб, ни с той, ни с другой стороны не было: война – обычное состояние пиррян, и было обещано, что оборудование доставят до рассвета. Язон выслушал повторение своей инструкции и выключил передатчик. Он поел немного горячего мяса и велел разбудить себя, когда придет сообщение о конце работы. День был долгим. Язон чувствовал, что его организм на краю истощения, а завтрашний день обещал еще большее. Сняв сапоги и расстегнув одежду, он натянул на лицо кусок меха, чтобы в ноздрях не образовался лед, залез в спальник и немедленно заснул.

– Отстаньте! – Пробормотал он и попробовал вырваться из сжимающих его руку пальцев.

– Вставай, – сказал Керк. – Сообщение поступило десять минут назад. Катер с грузом вылетел, мы должны его встретить. Мороны оседланы.

Язон застонал при мысли об езде и сел. Как только он вылез из спального мешка, тепло немедленно покинуло его тело и он задрожал.

– Ап... теч... ка, – пробормотал он, – дай мне хорошую дозу стимуляторов и болеутоляющего: я чувствую, что предстоит долгий день.

– Подожди здесь, я сам встречу катер, – предложил Керк.

– Хорошо бы, но нельзя. Я должен сам проверить все, прежде чем катер вернется на корабль. Все должно быть в порядке.

Его подвели к морону и усадили в седло. Керк взял узду и повел животное. А Язон дремал, ухватившись за луку, чтобы не упасть. Они двигались в предрассветной мгле, и ко времени, когда они достигли условленного места, медикаменты уже начали действовать, и Язон почувствовал себя нормально.

– Катер опускается, – сказал Керк, прижимая к уху радиопередатчик. В восточной части горизонта послышался слабый гул – звук ранее никогда не слышанный здесь.

– Ты захватил фонарь? – Спросил Язон.

– Конечно, разве это не входило в инструкции? – Язон понял, что Керк сердито хмурится в темноте. Для пиррянина немисливо забыть инструкцию. – Это мощный фотонный источник – миллион двести тысяч свечей.

– Нам не понадобится и десятая часть полной мощности. У капсулы чуткие фотоэлементы и ее можно посадить на источник света, который всего лишь вдвое ярче самой яркой звезды...

– Капсула выброшена по радиоданным примерно в десяти километрах.

– Отлично. Направь туда луч.

– Подожди, пилот что-то говорит. Подержи фонарь.

Язон взял трубку размером в палец и повернул регулятор мощности, чтобы лишь узкий луч света уходил во тьму. Он направил его в сторону приземляющегося катера.

– Пилот докладывает, что у них не все ладилось при изготовлении нейлоновой веревки. Она готова, но они не гарантируют ее водоустойчивость, и она получилась довольно пятнистой.

– Тем лучше. Будет больше напоминать на расстоянии кожу. И я не ожидаю дождя. Ты слышишь?

Растущий гул прозвучал в небе, и они увидели красный огонек, спускающийся прямо к ним. Мгновение спустя, луч отразился от серебристого корпуса капсулы и Язон еще больше уменьшил мощность. Послышался слабый свист реактивной струи, когда капсула метровой длины повисла в воздухе и медленно спустилась. Когда она опустилась достаточно низко, Керк дотянулся до кнопки посадки, и капсула приземлилась с затухающим шумом двигателей. Язон открыл ее грузовой люк и извлек моток веревки.

– Отлично, – сказал он, протягивая ее Керку. Он погрузил руку глубже и достал стальной молоток, выкованный из одного куска металла. Он взвесил его в руке: кожаная обивка рукояти удобно ложилась в ладонь. Он был протравлен кислотой и обляпан грязью и выглядел старым и бывшим в употреблении.

– Что это? – Спросил Керк, доставая металлический стержень из грузоотсека и поднося его к свету.

– Это клин. Половина клиньев такая же, а половина – с зажимами. – Он достал такой же клин, но с высверленным в нем отверстием.

– Эти штуки мне ни о чем не говорят, – заметил Керк.

– Они и не должны, – Язон, говоря, опустошал грузовой отсек капсулы. – Я взбирался на скалы при помощи клиньев, и знаю как это делается.

Хотелось бы иметь более совершенное альпинистское оборудование, но конечно, оно бы нас выдало. Есть клинья, которые вонзаются в самую твердую скалу при помощи взрыва, и такие, которые приклеиваются быстрее, чем за секунду, а место соединения крепче, чем окружающая его скала. Но ни один из них я не могу использовать. Обойдемся имеющимися. Наша веревка выдержит нагрузку в две тонны. Я взберусь как можно выше и вобью клин. Затем встану на него и вобью следующий. На нависающих частях и везде, где может понадобиться веревка, я использую клинья с кольцами. А вот эти будут ближе всего к земле. – Он взял в руки грубый клин, выкованный вручную, с выбоинами и царапинами. – Все они сделаны из инструментальной стали, а это большая редкость в здешних краях. Все, что могут увидеть Темучин и его люди, должно выглядеть, как изготовленное вручную. Можешь передать на катер, чтобы они отозвали капсулу.

Реактивная струя засыпала их песком. Капсула поднялась и исчезла. Язон светил, пока Керк привязывал кожаную веревку к концу нейлоновой, сматал ее и упаковал с остальным оборудованием. Когда они возвращались в лагерь, первые лучи рассвета коснулись горизонта.

Когда пирряне вступили в Слат, они увидели, что ночью тут была отчаянная битва. Каменная дамба по-прежнему перегораживала ущелье, но теперь оно было густо усеяно трупами.

Солдаты спали на земле в недосягаемости от выстрелов вражеских лучников, многие из них были ранены. Окровавленный кочевник со знаком клана Ящерицы на шлеме сидел неподвижно, а его товарищ извлекал из его руки обломок стрелы.

– Что случилось? – Спросил Язон.

– Мы атаковали ночью, – ответил раненный солдат. – Сохранить тишину было невозможно. Камни выскальзывали из-под ног, когда мы взбирались наверх, многие упали и покалечились. Когда мы были близко к вершине, Ласки сбросили нам на головы связки горящей травы. Сами они были невидимы в темноте. Только те, кто не успел подняться высоко и уцелели. Очень плохо.

– Но очень хорошо для нас, – сказал Керк, когда они двинулись дальше.

– Темучин утратил свой престиж в этом поражении, а мы завоюем его, если только ты сумеешь взобраться на скалу.

– Перестань сомневаться, – сказал Язон. – Стой здесь, у основания, и делай вид, что знаешь все, что будет делаться.

Язон сбросил тяжелую верхнюю одежду и вздрогнул. Что же, как только начнется сам подъем, он согреется. Снизу утес выглядел таким же неприступным, как борт космического корабля. Язон обвязал вокруг запястья ремень, прикрепленный к рукояти молотка, когда подошел Аханк. Его лицо одновременно выражало недоверие и насмешку.

– Мне сказали, жонглер, что ты настолько глуп, что думаешь, будто сможешь взобраться на эту скалу.

– Это не все, что тебе сказали, – ответил Язон, поднимая на спину связку с клиньями. – Вождь Темучин велел найти меня и посмотреть, что происходит. Поэтому садись удобнее, пусть ноги твои отдохнут, а потом ты должен будешь бежать к своему хозяину с радостной вестью о моем успехе.

Керк с сомнением посмотрел сначала на вертикальную стену скалы, потом на Язона. – Разреши мне взобраться, – сказал он, – я сильнее тебя и нахожусь в лучшей форме.

– Ты прав, – согласился Язон, – как только я окажусь на вершине, то опущу веревку и ты сможешь подняться со всеми бомбами. Но идти первым ты не можешь. Скалолазание – сложный спорт, и ты не сумеешь овладеть им в несколько секунд. Спасибо за предложение, но только я могу выполнить эту работу. Начинаем. Подними меня, чтобы я мог ухватиться за этот маленький выступ над твоей головой.

Взбираться на плечи пиррянину не потребовалось. Керк просто наклонился, схватил Язона за лодыжки, поднял его в воздух, Язон ухватился за выступ, и Керк отпустил его ноги. Язон уперся в скалу носками, и подъем начался.

Язон взобрался почти на десять метров, прежде чем понадобился первый клин. Над ним, вне досягаемости его вытянутых пальцев, находился выступ, достаточно широкий, чтобы лечь на него. Поверхность скалы вокруг него была покрыта трещинами, и он выбрал самую глубокую из них. Первый клин был самым замаскированным. Язон всадил его в трещину. Четырех ударов молотка оказалось достаточно. Медленно и осторожно – прошло не менее десяти лет с тех пор, как он в последний раз взбирался на скалу – он ступил на клин и перенес на него всю тяжесть тела. Клин выдержал. Язон выпрямил ноги и перенес на него все свое тело, скользя по поверхности скалы, пока не дотянулся до выступа. Он сел на выступ, тяжело дыша, посмотрел вниз на запрокинутые лица. Теперь все солдаты смотрели на него, появился даже Темучин, чтобы следить за подъемом. Враги тоже проявляли интерес к происходящему, но выступ скалы укрывал Язона от их взглядов и выстрелов из луков. Скала была холодной, и Язон решил, что лучше двигаться дальше. У него не было возможности оценивать скалу точно, но он решил, что уже поднялся до края ущелья. Упершись носками ног в щель, он пытался под неудобным углом забить очередной клин, когда услышал крики снизу.

Он наклонился как только мог и крикнул вниз: – Что? Я не слышу, что вы говорите.

И в этот момент стрела ударила о скалу в том месте, где только что была его голова, отскочила и полетела вниз.

Язон, чуть не упав вслед за ней, удержался лишь благодаря судорожно сжавшим ребристую поверхность скалы пальцам. Повернув голову, он увидел человека из племени Ласки, висящего на кожаной веревке, крепко обвязанной вокруг его тела. Он наложил на лук вторую стрелу и готов был выстрелить. Люди, державшие второй конец веревки, не были видны Язону. Они стояли на краю ущелья.

Воин натянул тетиву и тщательно прицелился. Молоток был привязан к руке Язона, поэтому он не мог бросить его, но в его левой руке по-прежнему был зажат клин. Он рефлексным движением бросил его в лучника. Тупой конец ударил его в плечо, не причинив вреда, но нарушив прицел, и вторая стрела пролетела мимо. Воин вытащил новую стрелу и наложил ее на тетиву. Воины снизу тоже начали стрелять, но угол был велик и

попасть в цель было трудно. Одна стрела скользнула по бедру лучника, но он не обратил на нее внимания.

Язон продолжал держать молоток и извлек другой клин. Он был сделан из закаленной стали, хорошо уравновешен и заострен. Первый бросок позволил Язону уточнить силу и направление броска. Он размахнулся и изо всей силы метнул клин.

Острые глубоко вонзилось лучнику в шею. Он выпустил лук, цепляясь за шею скрюченными пальцами, вздрогнул и умер. Тело утащили наверх.

Кто-то успокаивал людей внизу. Язон услышал, как во внезапно наступившей тишине прозвучал голос Керка:

– Держись!

Язон взглянул вниз и увидел отошедшего от подножия скалы Керка. Тот держал одну из пороховых бомб с горящим фитилем. Язон, сжавшись и стиснув кулаки, пытался слиться с каменной поверхностью.

Солдаты внизу так же отступили от подножия утеса. Керк единым движением бросил бомбу прямо вверх.

С замершим сердцем Язон решил, что бомба летит прямо в него. Казалось, она остановилась, дойдя до верхней точки своей траектории, потом исчезла за выступом скалы. Язон крепче прижался к холодному камню.

Гул взрыва передался через камень, заставив его задрожать. Обломки скал и клочья тел взлетели в воздух, и он понял, что его фланг в безопасности. Но чувство облегчения не наступило.

– Керк, – крикнул Язон. – Клин! – Он кричал на пиррянском. – Что с тем клином, что я бросил? Если Темучин увидит его...

Одного взгляда будет достаточно, чтобы понять, что они инопланетяне. Кочевники были знакомы с чужими изделиями.

Несколько тревожных секунд Язон ждал ответа Керка.

Наконец тот крикнул: – Все в порядке... я вижу его... вытащил, когда все глядели на тебя. Ты ранен?

– Хорошо, – прошептал Язон и глубоко вздохнул. – Хорошо! – Повторил он громче и продолжал подъем.

После этого работа пошла спокойнее. Язон дважды закреплял веревку в кольце клина и образовывая петлю, сидел в ней, отдыхая. Его силы истощались, и он вновь использовал аптечку, применив наиболее сильнодействующие стимуляторы. К этому времени он достиг начала расщелины, которая поднималась вертикально до самой вершины. Она была около десяти метров в высоту, а ее стены шли параллельно друг другу на всем протяжении.

– Последнее усилие, – сказал он, сплевывая на руки, и немедленно пожалев об этом, так как слюна сразу же замерзла. Он стер с ладоней лед и отвязал узел: чем меньше вес, тем лучше. Даже молоток теперь стал не нужен, его можно оставить. Он сложил ненужные приспособления у основания расщелины и повесил моток веревки на шею, так что она лежала у него на груди.

Прижавшись спиной к одной стене расщелины, он пошел по другой, пока его тело не стало почти параллельно земле и держалось только благодаря прижатым к скале спине и ногам. Он подтягивался на руках, затем переставлял ноги. Сантиметр за сантиметром прокладывал он свой путь вверх по щели. Еще не достигнув вершины, он понял, что обязан это сделать. Спускаться вниз будет так же трудно, как и подниматься. И если он упадет, то сломает себе руку или ногу. Тогда ему останется лежать у основания расщелины и умирать от жажды. Никто не сможет прийти ему на помощь.

С невероятной медлительностью над ним показалось небо, все ближе и ближе, а он поднимался все медленнее и медленнее, так как силы окончательно покидали его.

Когда он смог уцепиться пальцами за вершину, у него уже не было сил, чтобы на нее взобраться. Несколько секунд он отдыхал, потом сделал глубокий вдох, и распрямил ноги. Выпрямившись, он ухватился за крошащийся край скалы. Мгновение он висел так, не падая,

но и не в состоянии подтянуться.

Потом все так же медленно, он подтянулся окровавленными пальцами, пока не вытянул себя наверх, и лежал истощенный, на наклонной вершине, вершине недоступного утеса.

Площадка под ним была удивительно маленькой, он заметил это, лежа и судорожно глотая воздух. Не больше широкой кровати. Когда он был в состоянии это сделать, он подполз к краю и махнул оставшимся внизу людям. Они увидели его и разразились приветственными криками.

Но стоит ли радоваться? Он подполз к противоположному краю, выглянул и тут же спрятался, так как поджидающие лучники начали стрелять. Лишь две стрелы долетели до вершины, но они были плохо нацелены... Все было видно: и люди внизу в ущелье, и лучники за дамбой. Все это он увидел, как на ладони, взглянув еще раз.

Он сделал это!

– Хороший человек Язон! – Громко сказал он. – Ты достоин любой планеты.

Скрестив ноги, он сел, сделал большую петлю на конце веревки и укрепил ее на вершине скалы, создав неподвижный якорь. Затем опустил кожаный конец, пока сигнальное подергивание не дало ему знать, что ее конец достиг земли. Он закоротил веревку узлом, дал сигнал, три раза дернув ее, показывая, что он готов и принялся ждать.

Лишь когда веревка начала яростно дергаться, он встал. Под ним был Керк. Он выглядел свежим и совсем не утомленным, с большим грузом бомб на спине. Он просто взял веревку в руки и поднимался прямо по поверхности скалы.

– Можешь помочь мне взобраться на вершину? – Спросил Керк.

– Конечно, только ничего не сломай.

Язон лег лицом вниз и высунулся так, чтобы скала доходила ему до подмышек. Керк протянул одну руку и они схватили друг друга за запястья в акробатическом зажиме. Язон не старался тянуть – он, вероятно, и не смог бы поднять вес Керка, даже если бы и попытался – он лишь как можно крепче уцепился за скалу. Керк подтянулся, схватился рукой за край и перевалил свое тело.

– Отлично, – сказал он, глядя на вражеский лагерь внизу. – У них нет ни одного шанса. У нас достаточно бомб. Начнем?

– Я хочу сам бросить первую.

Когда взрывы слились в сплошной гул, армия Темучина с победными криками бросилась на дамбу. Исход битвы был предрешен. А вместе с ней и исход всей войны.

Язон сидел и смотрел, как счастливый Керк швыряет бомбы на туземцев внизу.

Эта часть его плана осуществилась.

Если осуществляются и последующие части, у пиррян будут свои шахты на этой планете. Их последняя битва тоже будет выиграна.

Язон искренне надеялся на это. Он чувствовал, что сильно устал.

Глава 15

Ударяя как молнии, волшебный гром
Убивал Ласок, очищая горы
Груды больших пальцев побежденных
Были выше головы высокого человека
Затем пришло известие о чужеземцах.
Бросился в атаку вождь Темучин.
Подняв мечи и натянув луки, его бесстрашная армия
Шла убивать чужеземцев.

Из «Песни о Темучине»

Язон дин-Альт, натянув поводья, заставил своего морона остановиться на вершине перед спуском и принялся отыскивать тропу среди нагроможденных валунов. Ветер, влажный и холодный, прорывавшийся сюда через единственную щель в сплошной линии скал, ударил его в лицо. Далеко внизу серел океан, покрытый белыми клочьями пены волн. Темное небо от одного края горизонта до другого, было покрыто облаками, и где-то над морем тяжело гремел гром. Наконец он заметил тропу, опускающуюся по покрытым скалами склонам.

Язон двинулся вперед. Только теперь он заметил, что тропа была старой и сильно избитой. Очевидно, кочевники часто пользовались ею, спускаясь, например за солью. Воздушная разведка с космического корабля показала, что это единственное место, где разрывается тысячекилометровая линия скал. Спустившись, он почувствовал, что воздух здесь немного теплее, но влажность после сухого воздуха плато неприятно поражала. Последний поворот тропы привел его к круглому заливу, со всех сторон окруженному большими скалами. Полоса серого песка отделяла скалы от воды. Две небольшие лодки были причалены к берегу, а возле них возвышалось два желтых матерчатых навеса. В глубине залива виднелось двухмачтовое судно с дымящейся трубой и спущенными парусами из шкур. Судно стояло на якоре. Прибытие Язона было замечено, и от кучки людей у лодок отделилась высокая фигура и направилась к нему. Язон остановил морона и спешился.

– Отличный наряд ты себе подобрал, Рес, – сказал он, пожимая руку подошедшему, улыбаясь и проводя пальцами по пурпурному ребристому нагруднику.

Рес был одет в высокие сапоги из желтой замши и полированный шлем с золотым острием. Наряд был весьма впечатляющ.

– Так должен выглядеть богатый хозяин – торговец из Аммаха, – ответил он.

– Из твоих сообщений я знаю, что ты неплохо устроился среди жителей равнины, там внизу.

– Для этого пришлось порядочно поработать и потрудиться. Аммах – в основном аграрное общество, но стоит на пороге века примитивных машин. Классы там строго разделены: на вершине находятся торговцы и военные, вместе с небольшим классом жрецов, которые служат для успокоения крестьян. Моя главная цель была проникнуть в класс торговцев, и я осуществил ее. Операция шла так хорошо, что теперь полностью окупает себя. Я открыл большой магазин в Камаре, самом близком к северному барьеру порту, и ждал до тех пор, пока вы не сообщите о возможности плыть на север. Не хочешь ли стакан вина?

– И немного пищи. Вытаскивай для меня самое лучшее.

Они достигли открытого навеса, под которым стоял плетенный стол со множеством бутылок и чашек с дымящимся мясом. Рес взял зеленую бутылку с длинным горлышком и протянул ее Язону.

– Попробуй это, – сказал он. – Вино не столетней давности, но очень хорошее. Сейчас я открою ножом пробку.

– Не беспокойся, – ответил Язон, отбив горлышко резким ударом о край стола. Он отпил золотистого вина и вытер руки и рот рукавом. – Ты забыл, что я варвар. Это убедит тех людей в грубости моего характера. – Он кивнул в сторону хмурых солдат.

– У тебя появились отвратительные привычки, – сказал Рес, вытирая разбитое горлышко об одежду и наливая вино в стаканы.

Язон набросился на мясо.

– Темучин движется сюда со своей ордой. Не со всей – большая часть племен отправилась домой после победы над Ласками. Но вначале все вожди поклялись ему в верности и обещали явиться по первому его зову. Когда он услышал о вашем прибытии, он созвал ближайшие племена и выступил в поход. Он на расстоянии дня пути, но Керк с пиррянами разбил лагерь как раз на его пути. Мы объединимся сегодня вечером. Я приехал убедиться, что все в порядке.

– Ну и как, одобряешь, что увидел?

– Почти все. Держи своих вооруженных парней поблизости, но не так очевидно. И

пусть часть из них развалится на песке, а остальные скроются под навесом. Ты захватил товары, о которых мы говорили?

– Конечно. Ножи, стальные наконечники к стрелам, деревянные древки, железные котлы плюс многое другое. Сахар, соль, некоторые пряности. Они смогут найти все, что им нравится.

– Будем надеяться... – Язон печально посмотрел на пустую бутылку и отбросил ее.

– Хочешь еще? – Спросил Рес.

– Да, но не возьму. Никакого контакта с врагом – пока. Я отправлюсь обратно в лагерь, чтобы быть там к прибытию Темучина. Он здесь единственный, с кем нужно считаться. Мы переманим на свою сторону все племена, начнем мирную торговлю и скинем вождя. Держи бутылку на льду, до моего возвращения.

К тому времени, когда Язон на своем животном, вновь оказался на плоскогорье, небо снова стало низким и темным, а ветер швырял ему за ворот снег. Он согнулся и заставил себя двигать морона с помощью шпор. К вечеру он прибыл в лагерь пиррян и увидел, что они готовятся выступить.

– Ты приехал вовремя, – сказал Керк, поднимаясь ему навстречу. – Ракетный катер с орбиты спутника планеты следит за перемещением войск Темучина. Оттуда сообщили, что вскоре после полудня он свернул под прямым углом и направился к Двери в Ад. Вероятно, там он останется на ночь.

– Я никогда не считал его слишком религиозным человеком.

– Я уверен в этом, – сказал Керк. – Но он хороший вождь и знает, что нужно его людям. Это ущелье или что там они называют Дверью в Ад, их единственное священное место; считается, что там открывается дорога в Ад. Темучин хочет принести там жертву.

– Это место так же хорошо для встречи с ним, как и любое другое.

День склонялся к вечеру, небо спустилось еще ниже, ветер бросал на них клочья снега. Снег собирался в складках их одежды и в мехе моронов, пока все не покрылось им. Было уже темно, когда они подъехали к камачам воинов Темучина. Со всех сторон слышались приветственные крики, когда они подъезжали к самому большому камачу, где собирались офицеры. Керк и Язон спешили и прошли мимо стражи в камач. Все обернулись, чтобы посмотреть на вошедших. Темучин грозно спросил:

– Кто вы такие, что осмеливаетесь являться к Темучину без приглашения?

Керк ответил:

– А кто ты такой, что запрещаешь Керку, вождю пиррян, победителю долины Слат, присутствовать на собрании вождей?

Схватка началась и все поняли это. Абсолютное молчание нарушалось лишь шумом ветра и скрипом снега снаружи.

Темучин был первым вождем, которому удалось объединить под своим знаменем все племена. Однако он правил без общего согласия племенных вождей. Многим не нравилась строгость его приказов, и они предпочитали другого главнокомандующего или вообще никого. Все следили за стычкой с напряженным вниманием.

– Ты хорошо сражался в Слат, – сказал Темучин. – Вы все хорошо сражались. И мы приветствуем тебя, а теперь ты можешь удалиться. Сегодня совет тебя не касается.

– Почему? – С холодным спокойствием спросил Керк, садясь. – Что это вы стараетесь скрыть от меня?

– Ты обвиняешь меня... – Темучин побелел от гнева и схватился за рукоять меча.

– Я никого не обвиняю, – Керк широко зевнул. – Мне кажется, ты сам обвиняешь себя. Ты созываешь совет и не разрешаешь нам на нем присутствовать, пытаешься удалить, лишь бы не сказать правду. Я вновь спрашиваю: – Что вы скрываете от меня?

– Это незначительное дело. Несколько жителей низин высадились на нашем берегу, мы уничтожим их.

– Почему? Они безвредные торговцы, – возразил Керк.

– Почему? – Темучин пылал гневом и не мог удержаться на месте. Он встал и принялся

расхаживать взад и вперед. – Разве ты никогда не слышал песню о «Свободных людях»?

– Даже чаще тебя. Песня призывает уничтожить здания, которые могут стать ловушкой для нас. Но разве есть здания, которые нужно разрушать?

– Нет, но они будут. Раз жители низин поставили свои навесы...

Один из вождей прервал его, пропев строку из «Песни о Свободных людях»: «Не зная другого дома, кроме наших навесов...»

Темучин справился со своим гневом и не обратил внимания на эти слова. Они противоречили ему, но он знал, в чем правда.

– Эти торговцы подобны острию меча, которое проводит лишь царапину. Сегодня они навесили навесы и торгуют, а завтра явятся с большими навесами, потом построят здания, чтобы лучше шла торговля. Вначале острие меча, потом все лезвие. Они должны быть уничтожены.

Темучин говорил абсолютную правду. Было очень важно, чтобы остальные вожди не поняли этого. Керк молчал, и Язон заговорил.

– «Песня о Свободных людях» всегда будет нашим проводником. Она говорит нам...

– Почему ты здесь, жонглер? – Резким голосом спросил Темучин. – Я не вижу здесь жонглеров и простых воинов. Уходи.

Язон открыл рот, но не мог придумать ответа. Темучин был прав. Язон, держи-ка рот закрытым, – подумал он и, поклонившись вождю, прошептал Керку:

– Я буду поблизости и смогу слушать все при помощи детонатора и если смогу тебе помочь советом, я тебе подскажу. – Керк не повернулся, но что-то пробормотал, и голос его четко донесся из миниатюрного приемника во рту Язона. Тому ничего не оставалось, как только выйти.

Плохо, он надеялся присутствовать при раскрытии карт. Когда он выходил из камача, один из стражников приставил ему к груди копье.

Язон поглядел на него в изумлении, второй охранник схватил его за руки. Что это значит? Язон попытался вырваться, ударив первого охранника коленом в пах, но ему сзади набросили на горло кожаную веревку и затянули. Язон не мог даже вскрикнуть. Он почувствовал сильную боль и потерял сознание.

Глава 16

Кто-то тер снегом лицо Язона, снег набился ему в рот и нос, заставив придти в себя. Он закашлялся, сплюнул, вырываясь из державших его рук. Протерев глаза, он огляделся, мигая и стараясь определить, где он находится.

Он стоял на коленях между двух людей. Их мечи были обнажены, один держал мерцающий факел. Тот освещал небольшой участок снега и край ущелья. Красные снежинки пролетали над ним и исчезали в глубине.

– Ты узнаешь этого человека? – Спросил кто-то, и Язон узнал голос Темучина. Двое появились из тьмы и остановились возле него.

– Да, Великий вождь Темучин, – сказал второй человек. – Это человек из другого мира. Он пришел на большой летающей лодке. Тот самый, кто был взят в плен и бежал.

При свете факела Язон взглянул в лицо говорившего, узнал острый нос и садистскую улыбку Орайала, жонглера.

– Я никогда раньше не видел его. Этот человек лжет, – сказал Язон, не обращая внимания на боль в горле.

– Я помню его: он был взят в плен, а потом напал на меня и избил. Ты сам его видел там.

– Да, – Темучин подошел и спокойным невыразительным взглядом посмотрел на запрокинутое лицо Язона. – Конечно, это он. Вот почему он показался мне знакомым.

– Это ложь... – Сказал Язон, вскакивая на ноги.

Темучин сжал его плечо, прижал к земле и подтащил к обрыву.

– Говори правду, кто бы ты ни был. Ты стоишь на пороге Двери в Ад и через мгновение можешь оказаться в ней. Спасенья не будет. Но я отпущу тебя, если ты скажешь мне правду. – Говоря это Темучин наклонял тело Язона все дальше к черноте. Лишь его рука удерживала Язона от падения. Язон не мог видеть лицо вождя: все было черно за близко поднесенным факелом. Однако он знал, что надежды на милосердие нет. Это конец. Он может лишь попытаться защитить пиррян.

Слабый голос, заглушаемый атмосферными помехами, звучал у него в голове:

– Язон, где ты? Говорит Керк. Где ты?

Детонатор работал – значит, остается еще шанс.

– Почему ты здесь? – Спрашивал Темучин. – Ты помогал чужеземцам принести в наши земли их города?

– Отпусти меня. Не бросай меня в дверь Ада, и я все тебе расскажу.

Темучин некоторое время колебался, потом снова заговорил:

– Ты лжец. Все, что ты говоришь – ложь... Я не могу тебе верить. – Его голова повернулась и в свете факела стало видно, что губы его искажены невеселой улыбкой.

– Я отпускаю тебя, – и он разжал руку.

Язон схватил воздух, стараясь повернуться и удержаться за край обрыва, но ничего не смог сделать. Он падал в черноту.

Свист воздуха.

Удар в плечо, потом в спину. Он покатился вдоль какого-то склона, стараясь руками закрыть лицо от острых камней. Камни рвали его кожаную одежду, а он продолжал катиться по почти отвесному склону.

Спуск кончился и он вновь оказался в воздухе. Падение продолжалось какое-то время – секунды или минуты – он не мог сказать – и закончилось потрясшим его ударом.

Он не умер и это сильно удивило его. Он смахнул что-то с лица и понял, что это снег. Сугроб, груды снега, на дне Двери в Ад. Сугроб в Аду и он упал прямо на него.

– Пока ты жив, надейся, Язон, – неуверенно сказал он себе. Какая может быть надежда на дне этого недостижимого ущелья. Керк и пирряне придут к нему на помощь – эта мысль поддержала его. Но подумав об этом, он языком нащупал обломок металла во рту. С растущим страхом он извлек обломки передатчика. Очевидно, во время падения он бессознательно сжал его зубами и разломал.

– Ты снова можешь рассчитывать лишь на себя, Язон, – громко сказал он, и звуки его голоса в беспредельной черноте не подбодрили его. Что у него в активе? Он ощупал себя, пытаясь найти аптечку. Ее не было. Что ж, зато сумка по-прежнему на поясе, хотя нож из сапога выпал. Пальцы его рылись во всяком хламе сумки и нащупали какую-то трубку. Что это? Конечно, фотонный фонарь. Он положил его в сумку в ночь приема капсулы и забыл о Нем. Но, может он разбит; скорее всего, да.

Язон нажал кнопку и громко застонал, когда ничего не произошло.

Тогда он осторожно повернул регулятор мощности, и сверкающий луч разрезал темноту. Свет! Хотя его положение в сущности не изменилось, Язон почувствовал себя лучше. Он расширил луч и обвел им свою тюрьму. Воздух был тих, хлопья снега пролетали сквозь освещенное пространство и исчезали. Снег покрывал дно ущелья и лежал сугробами у его стен. С двух сторон возвышались черные скалы, уходя вверх над его головой. Над ним был скальный выступ. Неба не было видно, его закрывали нависающие скалы. Видимо, он соскользнул по этому выступу и был отброшен в сугроб. Случайность спасла его жизнь.

Послышался крик, что-то черное пролетело сверху сквозь луч света и ударилось о дно не далее, чем в десяти метрах от Язона. Там черная скала была покрыта лишь тонким слоем снега, и другой падающий человек ударился о нее. Глаза его были раскрыты, изо рта текла струйка крови.

Это был жонглер, выдавший его, Орайал.

– Что это, Темучин убирает свидетелей? Не похоже на него...

Рот Орайала оставался открытым, но он замолчал навсегда. Язон сполз со своего

сугроба и пошел по дну ущелья. В самом центре поверхность была ровной, слишком ровной и гладкой. Он не понимал почему, пока под его ногами не раздался зловещий треск. Он попробовал спрыгнуть, но под его ногами лед уже раскололся, дробясь во всех направлениях, и Язон упал в темную воду.

Внезапный ожог холодной воды вытеснил воздух из его легких, но он продолжал держать рот закрытым, прикусив нижнюю губу. Пальцы его конвульсивно вцепились в фонарь. Без него он не найдет отверстия во льду. В тоже время ноги его коснулись скалистого дна. Здесь было неглубоко.

Он оттолкнулся и посмотрел вверх. Свет отражался как от зеркала. Подняв руки он уже ощупал преграду. Над ним был сплошной лед. Пальцами он почувствовал, как руки скребутся о ледяную поверхность, и понял, что его быстро тащит течением. Отверстие во льду находилось далеко позади.

Если бы Язон дин-Альт умел впадать в отчаяние, сейчас был бы наиболее подходящий случай. Пойманный в ловушку в толще льда на дне недостижимого ущелья, он, несомненно, имел право впасть в отчаяние, но ему было не до этого. Он задышался, пробовал плыть к берегу, чтобы встать и попробовать пробить лед. Он осветил и верх, чтобы разглядеть возможную щель.

Течение было слишком быстрым. Вода была слишком холодной: она леденила его тела, тащила его все дальше. Но огонь в его легких не затухал.

Он знал, что теоретически в его легких и клетках тела находится достаточно кислорода, чтобы прожить несколько минут. Дыхательный рефлекс в груди не признавал теорий. – Умираю! – кричал он. – Воздух, дыхание, – и он не мог отказать рефлексу. Немая, он прижался к зеркальной поверхности, пробил ее и глотал живительный воздух.

Потребовалось немало времени, чтобы реальная действительность вновь заинтересовала его. Он выполз на темный каменный берег и лежал, наполовину погруженный в воду, как огромное земноводное. Движение казалось невозможным, но когда холод дошел до сердца, он понял, что должен двигаться, иначе умрет здесь. Но где здесь? С болезненной медлительностью он выполз из воды и провел лучом света по скале над головой и противоположному берегу. Нет снега? Это обстоятельство несколько оживило его.

– Пещера!

Он должен был догадаться об этом раньше. Узкое ущелье, Дверь в Ад, высечено водой, небольшой ручей в течении нескольких столетий рассекал скалу. Это означает, что с ним, Язоном, еще не покончено, и если это так, он, Язон, найдет выход, так как вода должна куда-то вытекать. На мгновение он подумал, что вода может уходить глубоко в скалистые формации и там исчезать, но он быстро отогнал эту мысль.

– Вперед! – крикнул он, и эхо глухо отозвалось: – Од... од... од... од...

Язон вздрогнул и пошел по чистому песку вдоль края воды и в следующий момент заметил выходящие из воды следы.

Кто-то еще есть здесь?! Следы были четкими и ясными. Очевидно они оставлены недавно. Наверное, из этой пещеры есть хорошо известный выход. Теперь, все что ему остается, это следовать по следам. А пока он идет, он не замерзнет в своей обледеневшей одежде. Воздух пещеры был холоден, но не настолько, как на плато.

Когда след покинул песок у воды и углубился в примыкающую расщелину, идти стало труднее, но не невозможно. Небольшие сталагмиты, росшие из известнякового пола, были сломаны, а в мягких стенах попадались случайные царапины. Туннель раздвоился, и одно его ответвление привело к воде, где внезапно обрывалось. Здесь совсем не было берега, вода затопила пещеру до потолка. Язон вернулся по своим следам и углубился во второе ответвление. Путь был долгим.

Язон решил слегка отдохнуть и уснул. Он проснулся от дрожи и заставил себя встать. Он думал, что часы, спрятанные у него за поясом, все еще идут, и не смотрел на них. Движение времени казалось бесконечным в этих бесконечных пещерах.

Идя вдоль одной из них, Язон обнаружил человека, по следам которого он шел. Тот

спал впереди на полу пещеры. Это был варвар в меховой одежде, такой же, как и у Язона.

– Привет! – сказал Язон на меж-языке. Молчание было ответом. Он подошел ближе. Сон варвара был вечным: человек уже очень давно умер. Годы, может столетия. В этом сухом, холодном, лишенном бактерий воздухе определить это было невозможно. Мясо и кожа его стали коричневыми и мумифицировались, сухие губы обнажили желтые зубы, одна вытянутая рука указывала вперед, пальцы все еще сжимали нож. Язон подобрал его и увидел, что он покрыт лишь тонким слоем ржавчины.

То, что Язон сделал потом, было нелегко, но необходимо. Осторожными движениями он снял с трупа одежду. Труп затрещал, когда он был вынужден приподнять конечности. Но другого протеста не выразил. Сняв меха, Язон разделся и натянул сухую одежду. Он не испытывал отвращения. Он хотел выжить. Выжав собственную одежду, он свернул ее в узел и положил под голову, повернул регулятор мощности фонаря, оставив лишь тусклый свет – он не хотел оставаться в полной темноте – и впал в беспокойный сон.

Глава 17

– Говорят, что когда долгое время ничего не меняется, невозможно определить, сколько времени прошло, потому что все остается неизменным. Поэтому я не могу определить, сколько времени прошло, как давно я тут блуждаю. – Он сделал несколько шагов и добавил: – Очень давно, наверное. Туннель впереди разветвлялся уже в который раз, и он сделал ножом на уровне плеча зарубку, прежде чем свернуть в правое отверстие. Он наклонился и наполнил живот прежде, чем повернуть назад. На соединении туннелей он нацарапал условный знак «вода» и пошел по другому ответвлению. – Тысяча восемьсот три, тысяча восемьсот четыре. – Теперь он считал каждый третий шаг левой ноги, иначе получались очень большие числа. Это тоже было бессмысленно, но давало возможность что-то говорить – звук собственного голоса лучше мертвой тишины.

Наконец живот перестал его беспокоить. Мучившие его спазмы и урчание прошли. Воды для питья здесь достаточно, и он решил занять время подсчетом зарубок на поясе, так как ранее обнаружил, что его часы разбились при падении.

– Ты, дурацкий перекресток, я уже видел тебя! – Он плюнул в направлении трех меток на стене в месте соединения туннелей. Затем ножом нацарапал под ними четвертую. Он не должен возвращаться сюда больше. Теперь он знает последовательность поворотов. Во всяком случае он надеялся.

– У Круглио одна планета... У Флеттера – две, но обе маленькие... Хармилл... – Он задумался. – Сколько же планет у Хармилла. Забыл. – Он уже пропел все старые народные песни, но заметил, что начал забывать некоторые слова.

– Почему? – Он горько засмеялся. – Ясно почему. Он был очень голоден и устал. Человек может долго прожить с водой без пищи. Но долго ли он сможет идти?

– Пора отдохнуть? – Спросил он сам себя.

– Да, пора отдохнуть, – ответил он себе.

Еще немного. Туннель опускался, впереди появился запах воды. У него стал очень чувствительный нос. Спать на песке гораздо лучше, чем на голой скале. На костях у него осталось слишком мало мяса, и ему было больно лежать.

Хорошо. песок тут есть, роскошная, широкая полоса. Вода шире и, вероятно, глубже. Настоящий бассейн. Вкус тот же.

Он вырыл в песке яму, выключил фонарь, положил его в сумку и лег спать. Раньше он оставлял фонарь гореть во время сна, теперь это было ему уже безразлично.

Как всегда он спал беспокойно, просыпался, вновь засыпал. Но на этот раз что-то беспокоило его. С открытыми глазами он лежал в бархатной тишине. Потом повернул голову и взглянул на воду.

Далеко. Глубоко внизу. Слабо, уж очень слабо. Проблеск света. Долгое время он лежал, размышляя об этом. Он устал, ослаб, страдая от голода, вероятно, был болен. Значит он мог

галлюцинировать. Умиравшие люди часто видят галлюцинации, как например, жаждущие – миражи в пустыне. Он закрыл глаза и задремал, однако, вновь взглянул на воду, снова увидел свет. Что это значит?

– Что-то с этим надо делать, – сказал он и включил фонарь. В его ярком свете отблеск в воде исчез. Язон воткнул фонарь в песок и взял в руки нож. Конец его был острым. Он провел ножом по руке, сделав неглубокий порез, из которого начала капать кровь.

– Больно! – Сказал он и добавил: – Но так лучше. – Внезапная боль вывела его из летаргии, добавила адреналина в кровь и позволила яснее мыслить.

– Если там внизу свет, значит там и выход. Он должен быть. Это единственный шанс выбраться из ловушки. Теперь, пока я еще могу двигаться. Он замолчал и начал, вдох за вдохом наполнять легкие кислородом, вновь и вновь, пока голова не начала кружиться от его избытка. С последним вдохом он повернул регулятор фонаря на полную мощность и зажал его конец во рту, чтобы тот светил вперед. Раз, два, руки вместе – прыжок.

Вода была обжигающе холодной, но он ожидал этого. Он глубоко нырнул и поплыл под водой, быстро, как только мог, к месту, где был виден свет. Вода была удивительно прозрачной. Скала, сплошная скала на противоположной стороне бассейна. Значит еще ниже. Вода пропитала его одежду, тяжелые шкуры тянули вниз, помогая опуститься к самому дну, где из стены выступал бугор. Под ним течение усилилось и потянуло его за собой. Головой вперед он нырнул под скалистый выступ, проплыл по короткому каналу и вновь оказался в просторном бассейне. Над ним появился свет, далеко вверху, на недостижимом расстоянии. Он поплыл вверх, отчаянно отталкиваясь руками и ногами, но свет казалось не приближался. Фонарь выпал изо рта и упал вниз. Выше, выше, хотя он пробился к свету, ему показалось, что свет тускнеет. В панике он молотил руками, но они теперь двигались в какой-то среде, гораздо более плотной, чем вода. Наконец одной рукой он задел что-то круглое и твердое. Он ухватился за этот предмет и вынырнул.

В первые минуты, вися на стволе дерева, он мог только дышать. Когда голова прояснилась, он увидел, что находится на берегу пруда, полностью окруженного деревьями и кустарником. За ними пруд кончался у основания крутой скалы, она поднималась вертикально и исчезала в облаках вверху. Это был выход подземного ручья с плато.

Он был в низинах.

Выбраться из воды было трудно, и лишь сделав это, он смог лечь на траву, и лежал, пока к нему не вернулись остатки сил. Вид ягод на ближайших ветках побудил его к движению. Ягод было немного и вероятно, это было к лучшему: даже то небольшое, что он проглотил с жадностью, вызвало у него резкую боль в желудке. Он уснул, а проснувшись, почувствовал себя лучше.

– Защита. Здесь каждый воюет со всеми. Первый же туземец, который меня увидит, попытается разmozжить мне голову, чтобы захватить эти меха. Поэтому – защита.

Его нож пропал вместе с фонарем, так что придется использовать острый обломок скалы. Можно использовать тонкий ствол молодого дерева. Обрубив камнем ствол, он через час получил грубую, но примитивную дубинку.

В то же время, она служила и опорой при ходьбе, когда Язон двинулся по лесной тропе, шедшей, как ему показалось, в нужном направлении.

Ближе к вечеру, когда голова его вновь пошла кругом, он встретил на тропе незнакомца. Высокий стройный человек в полувоенной форме, вооруженный луком и внушительной алебардой. Человек задал несколько вопросов на незнакомом языке, в ответ на которые Язон лишь пожал плечами и что-то пробормотал. Он старался казаться уставшим и больным, и ему было легко делать это. Со своей израненной кожей, спутанной бородой и изорванной одеждой он определенно не имел угрожающего вида и выглядел весьма привлекательным для нападения. Незнакомец, очевидно, думал так же, ибо не использовал свой лук, просто пошел вперед с алебардой – как с оружием защиты.

Язон знал, что в его распоряжении только один удар, и он должен использовать его. Этот сильный юноша съест его живьем, если он промахнется.

– Амбл, амбл, – бормотал Язон и отодвинулся, приготовив дубинку.

– Фрмбле, бримбле! – Сказал человек, размахивая своей алебардой и подходя ближе.

Язон правой рукой ухватил алебарду и перекинул дубинку в левую. Затем концом дубинки ударил незнакомца в солнечное сплетение. Тот громко вздохнул и упал, неподвижный, на землю.

– Положение меняется к лучшему! – Торжествовал Язон, ощупывая сумку своего противника. Может быть, там пища! Слюна наполнила его рот. Он рванул завязки сумки.

Глава 18

Рес заканчивал в своей конторе записи в бухгалтерские книги, когда услышал громкие крики во дворе. Казалось, кто-то пытается пробиться внутрь. Он не обратил на это внимания: остальные пирряне уже ушли, а у него оставалось перед уходом еще много работы. Его охранник был хорошим бойцом и Рес знал, что он сумеет за себя постоять. Он способен прогнать любого нежелательного посетителя. Крики внезапно прекратились, а потом послышался подозрительный звук, будто Риклан со всем своим оружием упал на булыжники двора. Рес не спал уже двое суток. Настроение у него от этого не было хорошим. Очень опасно находиться рядом с пиррянином, когда у него дурное настроение. Когда дверь открылась, Рес встал и приготовился уничтожить вошедшего. Лучше голыми руками, чтобы получить удовольствие от треска костей.

Вошел человек с большой черной бородой, одетый в мундир ландскнехта, Рес сжал кулаки и сделал шаг вперед.

– Что случилось? Ты готов убить меня, – сказал солдат на чистом пиррянском языке.

– Язон! – Рес перелетел через комнату и в крайнем возбуждении хлопнул своего друга по спине.

– Полегче, – сказал Язон, уклоняясь от его объятий и падая на диван. – Пиррянское приветствие может искалечить.

– Мы думали, ты умер! Как ты оказался здесь?

– Я буду счастлив объяснить, но предпочитаю сделать это за едой и питьем. Кроме того, я хочу услышать новости. Последний раз я слышал о политическом положении на Счастье перед тем, как меня столкнули с обрыва. Как идет торговля?

– Никак, – угрюмо ответил Рес, доставая из буфета мясо и хлеб, и извлекая из соломенной оплетки затянутую паутиной бутылку. – После того, как ты был убит – мы все думали, что ты был убит – все разлетелось. Керк слышал тебя по радио и загнал своего морона, скача тебе на помощь. Но было уже поздно – ты уже исчез в Двери в Ад. Там был какой-то жонглер, выдавший тебя, и он пытался обвинить Керка в том, что он пришелец с другой планеты. И Керк сбросил его с обрыва, чтобы он не сказал слишком много. Темучин был так же разгневан, как и Керк, и они чуть не схватились. Но ты погиб и лучшее, что Керк мог для тебя сделать, это выполнить твои планы.

– И получилось?

– К сожалению, нет. Темучин убедил большинство племенных вождей в том, что им нужно сражаться, а не торговать. Керк помог нам, но все уже было потеряно. И мне пришлось возвращаться ни с чем. Я закрыл операцию, оставив весь товар на своих помощников, и пиррянское племя теперь на пути к космическому кораблю. План не удался, другого у нас нет и мы согласились вернуться на Пирр.

– Но вы не можете! – Громко сказал Язон с открытым ртом.

– Но у нас нет выбора. Но скажи мне, пожалуйста, как ты оказался здесь? В ту же самую ночь, мы спустили людей вниз, на дно Двери в Ад. Они не нашли тебя, хотя там было множество трупов и скелетов. Они решили, что ты провалился под лед и твое тело унесло течением.

– Так и было, но только унесено было не тело. Я упал в плотный снежный сугроб и мог бы дожидаться вас там, замерзший, но живой, если бы не провалился под лед, как вы

догадались. Ручей увлек меня в сеть пещер. У меня был с собой фонарь и больше терпения, чем я предполагал. В конце концов, я оказался у подножья скал в этой стране. А потом у меня было полное приключений путешествие, и вот я здесь.

– Ты пришел вовремя. Завтра было бы поздно. Катер с корабля подберет меня с наступлением темноты, а до места встречи с ним, нам еще нужно будет проплыть десять километров.

– Ну что ж, у тебя будет еще один гребец. Поев, я смогу идти куда угодно.

– Я радирую о твоём появлении, чтобы эту радостную весть передали Керку и остальным.

Они взяли одну из принадлежащих Ресу лодок и еще до захода солнца достигли небольшого скалистого островка. Рес пробил отверстие в днище, кроме того, они нагроулили лодку тяжелыми камнями. Она утонула и им оставалось ждать, восхищаясь запасами гуано – вида водки из низин – и слышать крики потревоженных птиц, пока не прибыл катер.

Пилот Клон кивнул в знак приветствия, и это со стороны пиррянина было проявлением крайнего энтузиазма. Полет был непродолжительным, команда на «Драчливом» спала и поэтому Язон никого не видел. Это было даже к лучшему, так как он чувствовал сильную усталость после путешествия. Пирряне должны были прибыть на следующий день, и он должен был подождать со свиданием. Каюта была такой, как он ее оставил – металлические контуры библиотеки виднелись в углу. Что заставило его купить эту машину? Напрасная трата денег. Он пнул ее, проходя мимо, но его нога лишь скользнула по полированному боку.

– Бесполезно, – сказал он, нажимая кнопку включения. – Что хорошего можешь дать ты после всего этого?

– Это вопрос? – Уточнила библиотека.

– Да.

– В таком случае прошу уточнить значение слова «хорошего» в этом контексте.

– Большой рот. Только и можешь, что говорить. Где ты была, когда я в тебе нуждался?

– Там где меня оставили. Я отвечаю на любой заданный мне вопрос, но ваши вопросы лишены смысла.

– Не оскорбляй своего хозяина, машина... Это приказ.

– Слушаю, сэр.

– Так то лучше. Я тебя породил, я ж, тебя могу и убить.

Язон налил из стенного аппарата стакан крепкого напитка, отпил глоток и опустился в кресло. Библиотека мигала своими лампочками и электрически гудела. Язон выпил напиток и обратился к машине.

– Держу пари, что ты не высоко оценишь мой план переубедить туземцев и открыть шахту.

– Я не знаю вашего плана, поэтому не могу дать справедливой оценки.

– Я тебя и не спрашиваю. Держу пари, что ты думаешь, будто сможешь придумать лучший.

– В какой области действий вам нужен план?

– В области изменения культуры. Но я не спрашиваю тебя.

– Материалы об изменении культуры содержатся в разделах «истории» и «антропологии». Если вы не спрашиваете, прошу взять назад вопрос.

Язон вновь отхлебнул из стакан и сказал:

– Ладно, я спрашиваю. Расскажи мне о культуре.

Язон выключил библиотеку и откинулся в кресле. Лампы погасли, гудение прекратилось, наступила тишина.

Итак, это все-таки можно сделать. Ответ все время был здесь, в разделе «истории», если бы он только потрудился взглянуть... Нет извинения его глупости. Он обязан был посоветоваться с библиотекой, но не сделал этого. Очевидно, все еще можно поправить.

– А почему бы и нет?

Он шагал по комнате, сжимая и разжимая кулаки. Обломки разбитого можно склеить, и

он попытается это сделать. Он сомневался, сумеет ли он убедить пиррян в успехе своего нового плана. Они, вероятно, будут против. Поэтому придется действовать без их согласия. Он взглянул на часы. Катер отправится за людьми Керка не ранее, чем через два часа. Достаточно времени для подготовки. Написать дружескую записку Мете и приступить к осуществлению плана.

Язон попросил Клона высадить его поблизости от лагеря Темучина, что тот и сделал.

Глава 19

Он был главой всех гор, Правил равнинами и ущельями, Ничто не происходило без его ведома.

Многие умирали от его немилости.

Темучин внезапно ворвался в каmach с обнаженным мечом.

– Покажись! – Кричал он. – Мои охранники лежат снаружи, сраженные наповал. Покажись шпион, чтобы я мог тебя убить!

Закрытая капюшоном фигура выступила из темноты в мерцающий свет, и Темучин поднял меч.

Язон сбросил капюшон с лица.

– Ты! – Глухим голосом сказал Темучин, и меч выпал у него из рук. – Ты не можешь быть здесь. Я убил тебя своими руками. Ты привидение или демон?

– Я вернулся, чтобы помочь тебе, Темучин. Открыть новый мир для твоих завоеваний.

– Демон, вот кто ты. Вместо того, чтобы умереть в Двери Ада, ты возвращаешься оттуда с новыми силами. Демон с тысячью обличей – вот почему тебе удалось обмануть так много людей. Жонглер думал, что ты пришел из другого мира. Пирряне считали тебя членом своего племени. Я же думал, что ты верный товарищ, помогающий мне.

– Отличная теория. Можешь верить во что хочешь. Только выслушай, что я хочу тебе сказать.

– Нет! Если я буду слушать тебя, я буду проклят. – Он подобрал меч. Язон быстро заговорил, готовясь сражаться за свою жизнь.

– Со дна долины, которую вы называете Двери в Ад, отходят пещеры. Они ведут не в Ад, а в низины. Я побывал там и вернулся на лодке, чтобы рассказать тебе об этом. Ты можешь провести армию сквозь эти пещеры и вторгнуться в низины. Ты правишь здесь, а я предлагаю тебе новый континент для захвата. Ты единственный из людей, способный захватить его.

Темучин медленно опустил меч, в его глазах сверкнул огонь. Когда он заговорил, голос его был тихим, как будто он разговаривал сам с собой.

– Ты демон, и я все равно не могу тебя убить. Я должен прогнать тебя, но я не могу прогнать из головы твои слова. Ты знаешь то, чего не знает ни один житель плоскогорья, ни один живой человек: я опустошен. Я захватил все равнины, и это конец. Что за радость для меня править здесь? Нет войн, нет завоеваний, нет радости от зрелища падшего врага. Днем и ночью я грезил об этих богатых лугах и городах внизу, под обрывом. Ни порох, ни большие армии не устоят против моих воинов. Как мы захватим их врасплох, ударим во фланги, осадим их города! Завоеваем их!

– Да, ты сможешь все это сделать, Темучин. И станешь хозяином всего мира.

В молчании слышалось потрескивание лампы, тени людей покачивались взад и вперед. Когда Темучин заговорил вновь, голос его был решительным.

– Да, я хочу этого, даже знаю цену. Ты заберешь меня, демон, в свой ад внизу под горами. Но ты не возьмешь меня, пока я не завоеую все.

– Я не демон, Темучин.

– Не смейся надо мной, я знаю правду. Оказывается в песнях жонглеров содержится истина, хотя я никогда не верил им. Ты искушал меня, я согласился, теперь я проклят. Расскажи, когда и как я умру.

– Я не могу сказать тебе этого.
– Конечно, нет. Ты связан, как и я.
– Я не это имел в виду.
– Я знаю, что ты имел в виду. Получая все, я все утрачиваю. Другого пути нет. Но я согласен. Вначале я выиграю войну... Ведь так, демон, я выиграю?
– Конечно, выиграешь, я...
– Больше ничего не говори. Я передумал, я ничего не хочу знать о своей смерти... – Он тряхнул плечами, как бы сбрасывая невыносимую тяжесть, и сунул меч в ножны.
– Ладно, верь во что хочешь, только дай мне несколько сильных воинов, и я открою тебе путь в низины. Веревоочные лестницы позволят нам спуститься на дно ущелья. Я пометил путь, поэтому мы не заблудимся в пещерах. Потом по нашему пути пройдет вся армия. Но пойдут ли они вниз?
Темучин засмеялся.
– Они поклялись следовать за мной в ад, если я прикажу. Они пойдут.
– Отлично! Пожмем руки в таком случае.
– Конечно! Я выиграю весь мир и вечность в аду, поэтому мне нечего бояться твоих ледяных рук, демон.
Он схватил руку Язона и, несмотря ни на что, Язон не мог не восхититься храбростью этого человека.

Глава 20

– Пожалуйста, позволь мне поговорить с ним, – попросила Мета. Керк отстранил ее и схватил микрофон, и тот скрылся в его огромном кулаке.
– Выслушай меня, Язон, – холодно сказал он. – Никто из нас не поддержит тебя в этой авантюре. Ты не можешь объяснить нам своей цели и не обещаешь ничего, кроме разрушения. Если Темучин захватит и низины, мы никогда не сможем убрать его и открыть шахты. Рес вернулся в Аммах и организует сопротивление вашему вторжению. И некоторые из наших хотят присоединиться к нему. Я прошу тебя в последний раз. Прекрати то, что ты делаешь, пока еще не поздно.
Когда до них донесся голос Язона, то он был на редкость спокоен.
– Керк, я слышал все, что ты сказал, и поверь, я все понял. Но теперь уже поздно менять что-либо, слишком поздно. Большая часть армии прошла через пещеры, а в деревнях мы захватили много моронов. Ничто, говорю я, не сможет теперь остановить Темучина. Война уже началась. Жители низин могли бы ее выиграть, но я в этом сомневаюсь. Темучин будет править и под утесами и над ними, и в конце концов это будет к лучшему.
– Нет! – Крикнула Мета, хватая микрофон. – Язон, выслушай меня, ты не можешь этого сделать. Ты пришел к нам и помогал нам, и мы поверили в тебя. Ты доказал нам, что жизнь заключается не только в том, чтобы убивать и быть убитыми. Мы знаем теперь, что вели на Пирре бессмысленную войну, и пришли сюда, потому что ты позвал нас. Теперь кажется, что ты предаешь нас. Ты пытался научить нас, как жить не убивая, и, поверь мне, мы старательно учились этому. Однако то, что ты делаешь теперь, гораздо хуже войны на Пирре. Там, в конце концов, мы защищали свою жизнь. У тебя нет этому оправдания. Ты показал этому чудовищу Темучину путь к новой войне и к убийству множества людей. Как ты оправдаешься в этом?
В громкоговорителе треснуло атмосферное электричество, долгое время они ждали ответа. Когда Язон заговорил, голос его звучал устало.
– Мета... Мне очень жаль. Я хотел бы все объяснить тебе теперь, но уже поздно. За мной следят и я должен спрятать передатчик до того, как они подойдут ко мне. Я поступаю правильно. Постарайся поверить мне. Кто-то много лет назад сказал, что нельзя приготовить яичницу, не разбив яйца. Изменить социальную культуру без ущерба для отдельных людей нельзя... Люди будут страдать и умирать из-за меня, и не думай, что это меня не печалит.

Но... послушай, я не могу больше говорить. Сейчас они будут здесь. – Его голос перешел в шепот. – Мета, если мы никогда не увидимся снова, запомни. Есть старое слово, оно существует во многих языках... Библиотека переведет его тебе и объяснит значение...

Лучше это сказать по радио. Сомневаюсь, чтобы я мог сказать тебе это в лицо. Ты сильнее меня, Мета, у тебя мужская реакция, но ты женщина. И, черт побери, я хочу сказать, что я... я тебя люблю... Будь счастлива... Конец передачи.

Громкоговоритель щелкнул, и в комнате наступила тишина.

– Что означает это слово? – Спросил Керк.

– Мне кажется, я знаю, – ответила Мета и отвернулась, чтобы никто не видел ее лица.

– Алло, штурманская, – проскрипел чей-то голос, – говорит радиорубка. С Пирра пришло сообщение по субкосмической связи с пометкой «чрезвычайно срочно».

– Включайте! – Приказал Керк.

Послышался шум межзвездных помех и знакомый треск, сопровождающий передачу через джамп-пространство. Пробиваясь через шум, доносился быстрый взволнованный голос, говоривший по-пиррянски:

– Внимание, все станции в радиусе Зета. Чрезвычайное сообщение для планеты Счастье, космический корабль «Драчливый» кодекс Ама Рона Пи, 290633-087. Следует текст сообщения. Керк и все там. Мы потерпели поражение во всех квадратах. Мы сократили Периметр, покинули большую часть города. Не знаем, сможем ли держаться дальше. Бруччо говорит, что это что-то новое и что наше привычное оружие его не остановит. Мы могли бы использовать оружие вашего корабля. Если можете вернуться, возвращайтесь немедленно. Конец сообщения.

Радиорубка транслировала сообщение по всем помещениям корабля, и в ужасной тишине, последовавшей за концом передачи, послышался топот ног в коридоре. Первым туда выскочил и начал выкрикивать слова команды – Керк.

– Всем людям в поселке. Мы вылетаем немедленно. Вызвать всех, кто находится снаружи. Освободите всех пленников. Начинается подготовка к старту.

Никто не выразил сомнений. Было немыслимо, чтобы любой пиррянин действовал иначе. Их дом, их город, был на краю гибели, возможно уже погиб. Все бросились по местам.

– Рес, – сказала Мета. – Он с армией Аммаха, как нам связаться с ним?

Керк немного подумал, потом покачал головой:

– Невозможно. Другого ответа нет. Мы оставим для него катер на том самом острове, откуда забирали его прежде. Автоматическая запись расскажет ему о происшедшем. Она будет включаться автоматически каждый час, как только он включит свое радио, он сразу поймает сообщение. Катер будет закрыт, так что никто кроме него не сможет туда пробраться. В нем мы оставим медикаменты и даже джамп-передатчик. С ним все будет в порядке.

– Ему это не понравится.

– Это все, что мы можем сделать. Пора готовиться к старту.

Они действовали как единый организм. Назад. Вернуться на Пирр. Их город в опасности. Корабль поднялся на семнадцатикратном ускорении и Мета использовала такие перегрузки, какие только могла выдержать. Курс через джамп-пространство был проложен кратчайший, и в то же время самый рискованный из всех рассчитанных. Ни от кого на всем протяжении путешествия не было жалоб: все переносили это со стоическим терпением... Оружие было подготовлено, они мало или почти совсем не разговаривали друг с другом. Каждый пиррянин знал, что их мир, их народ, обречены на вымирание, и это не подлежало обсуждению.

За много часов до того момента, когда «Драчливый» по расчету должен был выйти из джамп-режима, все мужчины и женщины на борту были вооружены и готовы. Даже девятилетний Гриф был с ними, пиррянами, как и все остальные. От ранящей глаз непохожести джамп-пространства, в черноту обычного космоса усеянную звездами, и оттуда

в атмосферу Пирра, спешил корабль. Он опускался по баллистической кривой, корпус его раскалится до бела и охладители работали на пределе.

Их тела протестовали, пот лился ручьями с лиц и пропитал одежду, но пирряне работали не реагируя на жару. Картина поверхности передавалась на все экраны корабля.

Под ними пронесли джунгли, затем в отдалении показался высокий столб дыма.

Падая, как хищник за добычей, корабль опускался все ниже.

Джунгли захватили город. Круглая насыпь, покрытая растениями, была последним остатком некогда неприступного Периметра. Опустившись ниже, они увидели колючие кустарники, высовывающиеся из окон зданий, когда-то полным людей, на вершине сторожевой башни сидел шипокрыл, известка крошилась под действием его яда.

Подлетев ближе, они разглядели, что дым шел от обломков их космического корабля. Корабль лежал на земле вблизи космопорта, его поддерживали там почерневшие от огня гигантские растения – лианы.

Нигде в разрушенном городе не было следов людской активности. Только животные и растения мира смерти, теперь странно спокойные и медлительные: с исчезновением врага исчезла и ненависть, так долго побуждавшая их к жизни. Когда корабль пролетал над ними, они вдруг возбуждались, возвращаясь к жизни, побуждаемые эмоциями пиррян.

– Они не могли все погибнуть, – испуганно сказал Тека. – Смотрите внимательней.

– Я прочешу город по квадратам, – ответила Мета.

Керк отвернулся от экрана: он не мог смотреть на погибший город.

Когда он заговорил, голос его был тихим, будто он обращался только сам к себе.

– Мы знали, что когда-нибудь этим кончится. Мы смотрели этому в лицо, и поэтому пытались начать новую жизнь на другой планете. Но знать о чем-нибудь и видеть это собственными глазами – совершенно разные вещи. Мы ели здесь, отдыхали, в этих руинах, спали в них... Наши друзья и близкие остались здесь, вся наша жизнь, а теперь все это погибло.

– Вниз! – Сказал Клон, не думая, заполненный лишь ненавистью. – Нападем. Мы все еще можем бороться.

– Здесь не за что бороться, – печально возразил ему Тека. – Как говорит Керк, все погибло.

Забортный микрофон уловил звуки выстрелов, и они полетели в том направлении с мгновенно вспыхнувшей надеждой. Но это был лишь автоматический пулемет, время от времени разражавшийся очередью. Скоро он истратит боезапас и замолчит, как и все остальное в разрушенном городе. Сигнал радиовызова уже некоторое время горел на щите, прежде чем они заметили его. Вызов пришел из бывшей штаб-квартиры Реса, а не из города. Керк включил приемник.

– Говорит Накса, вы меня слышите? Вызываю «Драчливый».

– Говорит Керк. Мы над городом. Мы пришли слишком поздно. Что произошло?

– Вы опоздали на несколько дней, – вздохнул Накса. – Они нас не послушали. Мы им предлагали свою помощь. Говорили, чтобы они оставили город, но они не захотели. Как будто хотели умереть в своем городе. Когда пал Периметр, выжившие собрались в одном здании. Было такое впечатление, словно вся планета воюет с ними. Мы не хотели смириться с этим. Мы работали добровольно. Мы забрали из шахты все проходческое оборудование и пробили к ним подземный ход. Забрали детей, они заставили детей уйти – и некоторых женщин. Из раненных забрали только тех, кто был без сознания. Остальные остались. Мы едва успели уйти до конца. Не спрашивайте меня о том, на что это было похоже. Потом все кончилось, и спустя некоторое время стало спокойно, как вы сейчас видите. Вся планета успокоилась. Мы с несколькими говорунами отправились посмотреть. Пришлось взбираться на горы уничтоженных животных, когда добирались до последнего здания. Все внутри погибли. Погибли в борьбе. Единственное, что мы могли забрать оттуда, это записи Бруччо.

– Сообщите координаты выживших, – сказал Керк, – мы направимся туда.

Накса передал координаты и спросил:

– Что вы будете теперь делать?
– Еще не знаем, свяжемся с вами позже.
– Что же мы будем делать? – Спросил Тека. – Здесь для нас ничего не осталось.
– Но для нас нет ничего и на Счастье. Пока там правит Темучин, мы не сможем открыть шахты, – ответил Керк.
– Вернемся, убьем Темучина, – сказал Тека и пистолет выскочил из его кобуры. Он хотел отомстить, убить кого-нибудь.
– Мы не сможем этого сделать, – ответил Керк. Он говорил терпеливо, понимая какие чувства сейчас испытывают пиррыне. – Мы обсудим это позже. Вначале нужно повидаться с выжившими.
– Мы потеряли все, – сказала Мета. Она высказала мысль, которая была у всех на уме. Наступило молчание.

Глава 21

Четверо охранников втащили в комнату Язона и швырнули его на пол. Он перевернулся и встал на колени.

– Выйдите, – приказал им Темучин и сильно ударил Язона по голове, отчего тот снова упал на пол.

– Вероятно, для этого есть все же какая-то причина, – сказал он спокойно.

Темучин сжимал и разжимал огромные кулаки, но ничего не говорил. Он расхаживал по богато украшенной комнате, острые шпоры царапали драгоценный мрамор пола. В дальнем конце комнаты он на мгновение остановился, глядя через высокое окно на расстилающийся внизу город. Затем внезапно схватил гобелен, закрывавший стену и сдернул его. Железный стержень, поддерживающий гобелен, упал, но Темучин поймал его в воздухе, прежде чем он коснулся пола, и швырнул в многоцветное окно. Послышался звон битого стекла.

– Я проиграл! – Это был крик раненного зверя.

– Ты выиграл, – ответил Язон. – Почему ты так говоришь?

– Хватит, – ответил Темучин, поворачиваясь к нему. На его лице вспыхнул гнев. – Ты знаешь, что случилось?

– Я знаю, что ты хотел победить и победил. Армии пали перед тобой, люди разбежались. Твои орды захватили страну, твои офицеры правят в городах. А сам ты правишь здесь, в Эолозаре, господин всего мира.

– Не играй со мной, демон. Я знал, что случится, только не думал, что так быстро. Ты должен был дать мне больше времени.

– Почему? – Спросил Язон, вставая на ноги. Теперь, когда Темучин знал правду, не было больше смысла таиться. – Ты сам говорил, что выигрывая, проигрываешь.

– Говорил, конечно, – Темучин распрямился и невидящим взглядом посмотрел в окно. – Но я не понимал, как много теряю. Я был глуп. Я думал, что ставкой будет лишь моя жизнь. Я не понимал, что умрет весь мой народ, все мы. – Он повернулся к Язону. – Верни все это, возьми меня, но верни все.

– Не могу.

– Нет можешь! – Крикнул Темучин, хватая Язона за грудь и тряся его, как пустой козий мех. – Перемени все – я приказываю. – Он слегка ослабил зажим, чтобы Язон мог глотнуть воздуха и сказать:

– Не могу и даже если бы и мог, не стал бы. Выиграв, ты проиграл – именно этого я и хотел. Жизнь, которую ты знал, кончена и никогда не вернется.

– Ты знал все заранее, – спокойно сказал Темучин, разжимая руки. – Такова моя судьба, и ты это знал. Ты позволил, чтобы это случилось, почему?

– По многим причинам.

– Скажи главную.

– Человечество должно жить не так, как жили вы. В вашей истории было достаточно убийств и кровопролитий. Заканчивай свою жизнь, Темучин и умри в мире. Ты последний представитель таких людей, и Галактика станет лучше, когда тебя не будет.

– Это единственная причина?

– Есть и другие. Я хочу, чтобы пришельцы из другого мира построили свои шахты на наших равнинах. Теперь они могут это сделать.

– Выиграв, я проиграл. Должно быть название для того, что случилось.

– Оно и есть. Это название «пиррова победа». Хотел бы сказать, что мне жаль тебя, но мне не жаль. Я могу восхищаться твоей силой и характером. Я знаю, что ты был владыкой джунглей. Но я рад, что теперь ты в клетке...

Не глядя на дверь, Язон сделал к ней короткий шаг. – Ты не спасешься, демон, – сказал вождь.

– Но почему? Я не могу причинить тебе вреда, и не могу больше помочь.

– А я не могу убить тебя. Демон, который и так мертв, не может быть убит. Но человеческую плоть, которую ты носишь, можно пытаться. И я буду это делать. Твоя пытка будет длиться всю мою жизнь. И это будет маленькой расплатой за все, что я потерял. Но это все, что я могу сделать. Ты лучше меня видишь будущее, демон...

Язон не слышал последних слов. Он метнулся к двери и нырнул в нее головой вперед. Два охранника в конце зала, услышали, что он бежит, и повернулись, опуская копья. Он не остановился и не попытался избежать их, а нырнул ногами вперед под копья, схватил их руками. Язон отбил их руки – они пытались схватить его – и был свободен. Вскочив на ноги, он побежал вниз по лестнице, перепрыгивая по восемь ступенек сразу и каждую секунду рискуя упасть. Наконец, он ударился о пол и выбежал через неохраняемый выход.

– Хватайте его, – крикнул сверху Темучин. – Приведите его ко мне!

Язон бросился к ближайшему выходу со двора, резко свернул в сторону, когда там появилось множество воинов. Теперь вооруженные люди были везде, в каждом проходе. Он подбежал к стенке. Она была высока и усажена острыми кольями, но он сможет перебраться через нее. Шаги гулко зазвучали за его спиной, когда он подпрыгнул и уцепился за край стены. Отлично, он подтянулся, готовый перебросить ногу через стену, пробраться между остриями, спрыгнуть уже на той стороне и исчезнуть в городе. Чьи-то руки вцепились ему в лодыжки и он не мог подтянуться под тяжестью нависшего на нем человека. Он ударил ногой, почувствовал, что его сапог попал в чье-то лицо, но освободиться не смог. Новые руки ухватили его за ноги, еще и еще, таща его вниз, во двор.

– Приведите его ко мне, – прозвучал голос над толпой, голос Темучина. – Приведите его ко мне. Он мой!

Глава 22

Рес – маленькая фигурка у ракетного катера – ожидал приземления «Драчливого» на Счастье. Посадка осуществлялась на двадцати "G". Мета не желала тратить время. Рес пошел по опаленному, дымящемуся песку, как только открыли входной люк.

– Быстро рассказывай все, – сказала Мета.

– Мало что можно рассказать. Темучин выиграл войну, как мы и ожидали, взял все города один за другим. Ни население, ни даже армия не могли выстоять перед ним. Я бежал после последней битвы, так как не хотел, чтобы мои большие пальцы свисали с варварских знамен. Потом получил ваше сообщение. Расскажите о Пирре.

– Конец, – ответил Керк. – Там все погибло.

Рес знал, что нет слов, нужных для этой минуты. Он сидел молча. Потом, встретившись глазами с Метой, сказал:

– У Язона есть или был – радиопередатчик, и вскоре после того, как я достиг катера, я поймал его сообщение. Я не ответил ему, и его сообщение не было закончено. Я не записал его, но помню достаточно подробно. Он сказал, что скоро можно будет открывать шахты,

что мы выиграли... Пирряне выиграли – таковы в точности его слова. Он начал говорить еще что-то, но внезапно передача оборвалась. Очевидно в этот момент за ним пришли. С тех пор я кое-что слышал о нем...

– Что ты хочешь сказать? – Быстро спросила Мета.

– Темучин сделал своей столицей Эолозар – самый большой город Аммаха. Он держит Язона там... в клетке, подвешенной к фасаду дворца. Вначале его пытали, теперь он обречен на голодную смерть.

– Но почему? В чем причина?

– Кочевники верят, что демон в людском обличьи не может быть убит. Он неуязвим для обычного оружия. Но если он долго будет страдать от голода, человеческая оболочка с него спадет, и демон примет свой истинный вид. Не знаю, верит ли Темучин в эту чепуху, но он действует в соответствии с нею. Язон висит в клетке уже пятнадцать дней.

– Мы должны идти к нему, – сказала Мета, вскакивая. – Мы должны освободить его.

– Мы сделаем это, – сказал Керк. – Но сделать это надо наилучшим образом. Рес, у тебя найдется для нас одежда и мороны?

– Конечно. Сколько вам нужно?

– Мы не можем откровенно действовать с помощью силы против правителя всей планеты. Пойдем мы с тобой. Ты покажешь путь, а я уж посмотрю, что можно сделать.

– Я пойду с вами, – сказала Мета, и Керк кивнул в знак согласия.

– Итак, нас трое. Нужно торопиться. Мы не знаем, сколько он проживет в таких условиях.

– Они дают ему ежедневно чашку воды, – сказал Рес, избегая взгляда Меты. – Полетим на корабле. Я покажу путь. Теперь уже не имеет особого значения, что горожане узнают, что мы с другой планеты.

Приближался полдень. Втаскивание моронов в грузовой люк потребовало много времени. Эолозар был построен на реке, окруженный холмами, поросшими лесом. Корабль приземлился как можно ближе к городу и моронов выгрузили из трюма. Вскоре после полудня, они вступили в город, и Рес бросил мелкую монету мальчику, спросив дорогу ко дворцу. Он был в наряде торговца, а Керк надел свои обычные доспехи. Мета, по обычаю горожан, закрытая покрывалом, крепко держалась за седло, когда они пробирались по многолюдным улицам города.

Только перед дворцом было пустое пространство. Двор был выложен полированными плитами сверкающего мрамора. Взвод солдат охранял его, их бородатые лица кочевников абсолютно не гармонировали с награбленными роскошными нарядами. Но оружие их было прежним и они были так же смертельно опасны, как и на высоких плато. Вероятно, еще опаснее, ибо их характер ухудшился в жарком климате.

Вокруг дворца шли высокие колонны. К вершинам двух из них была прикреплена цепь, и с нее, возвышаясь на два метра над землей, свисала клетка из толстых прутьев. В ней не было дверцы, она была сооружена вокруг пленника.

– Язон! – Воскликнула Мета, глядя на лежавшее в ней тело.

Он не шевелился, и невозможно было определить, жив ли он.

– Я позабочусь об этом, – сказал Керк, спрыгивая с морона.

– Подожди! – Остановил его Рес. – Что ты хочешь делать? Если тебя убьют, ты не сможешь помочь Язону.

Керк не слушал. Он слишком много потерял и испытывал слишком сильную боль, чтобы слушаться рассудка. И теперь вся его ненависть обернулась против одного человека, и остановить его было невозможно.

– Темучин! – Крикнул он. – Выходи из своего логова. Выходи, трус, и погляди в лицо мне, Керку, вождю пиррян! Покажись, трус!

Дежурный офицер – это был Аханк – подбежал к нему с обнаженным мечом, но Керк небрежно ударил его ребром ладони, не отводя взгляда от дворца. Аханк упал и покатился по земле. Наконец он замер, без памяти или мертвый. Скорее мертвый, так как голова его

лежала под необычным к туловищу углом. – Темучин, трус, выходи! – Вновь крикнул Керк. Когда солдаты охраны схватились за оружие, он презрительно крикнул им:

– Собаки, вы осмелитесь напасть на меня? Вождя пиррян, победителя долины Слат?

Они отступили перед его гневом, и он вновь повернулся ко дворцу. У выхода из тронного зала стоял Темучин.

– Ты слишком много себе позволяешь, – с холодным бешенством сказал он.

– Нет, это ты позволяешь себе слишком много, – ответил Керк. – Ты нарушаешь законы племен. Ты схватил человека из моего племени и беспричинно его пытал. Ты трус, Темучин, я называю тебя так, перед твоими людьми.

Меч Темучина сверкнул в лучах солнца.

– Ты сказал достаточно, пиррянин. Я должен был приказать убить тебя, но я хочу доставить это удовольствие себе. Жалею, что не убил тебя в первый раз, как увидел. Потому что, из-за тебя и существа, которое называет себя Язоном, я потерял все.

– Пока еще не все, – ответил Керк, нацеливая меч к горлу вождя, – но теперь потеряешь жизнь. Я убью тебя!

Темучин опустил свой меч с силой, которая бы разрубила обычного человека надвое, но Керк отразил удар. Они яростно сражались – не по науке и не по искусству, а по-варварски, только удары и парирования – а в такой борьбе побеждает сильнейший.

Звон их мечей раздавался на молчаливом дворе, к нему добавлялся лишь шум их тяжелого дыхания. Никто не уступал. Керк был старше и сильнее, зато Темучин всю жизнь провел с мечом и абсолютно не знал страха.

Так продолжалось до тех пор, пока при очередном ударе меч Темучина не разлетелся надвое. Темучин уклонился от удара Керка – меч, вместо того, чтобы разрубить его пополам, нанес ему рану в бедро. Кровь покрыла золотой шелк одежды Темучина. Керк обеими руками поднял меч для последнего удара. – Лучники! – Крикнул Темучин. Он не хотел так легко умирать.

Керк засмеялся и отшвырнул свой меч.

– Ты, правящий трус, не отделаешься от меня так легко. Предпочитаю убить тебя голыми руками.

Темучин, испустив яростный крик, подскочил к нему. Они схватились как звери. Обмена ударами больше не было. Керк сжал своими огромными руками горло противника. Темучин также схватил Керка, но мышцы на шее пиррянина были, казалось стальными. Керк усилил свой нажим.

Впервые Темучин проявил чувство, отличное от крайнего гнева. Глаза его расширились, лицо исказилось от боли. Он попытался ослабить хватку Керка, но напрасно. Руки Керка продолжали сжиматься.

Темучин изогнулся, дотянулся рукой до пояса и извлек кинжал.

– Керк: у него нож! – Крикнул Рес, когда Темучин ударил Керка ножом в бок, как раз под нижний край нагрудника. Рука его отдернулась, но нож остался в теле Керка. Керк взревел от гнева, но не ослабил хватки. Напротив, он завел свои большие пальцы под подбородок противника, нажал вверх. Темучин изогнулся от боли, ноги его повисли в воздухе, глаза чуть не выскочили из орбит.

Затем послышался сухой треск, и его тело безжизненно повисло. Керк опустил руки, и Великий Темучин, вождь высоких равнин, завоеватель низин, мертвый упал к его ногам.

Красное пятно появилось на боку Керка, и Мета подбежала к нему.

– Оставь, – приказал Керк. – Рана закрыта. Поранены мышцы, а если даже и затронуты внутренности, то об этом можно будет позаботиться позже. Сначала вытащим Язона.

Охранники не пытались мешать, когда Рес отобрал у одного из них алебарду, зацепил ею клетку и стянул ее на землю.

Язон безжизненно перевернулся от удара.

Вокруг его глаз были черные круги, глаза глубоко запали, кожа обтягивала кости. Сквозь рваную одежду были видны раны и кровоподтеки.

– Он, – сказала Мета, но продолжить не смогла. Рес согнул два прута решетки, напрягая мускулы, разогнул их. Язон открыл налитые глаза и посмотрел на них.

– Вы, как всегда, вовремя, – сказал он и потерял сознание.

Глава 23

– Хватит лекарств, – сказал Язон, отводя в сторону стакан, который протянула ему Мета. Он сидел на своей койке на борту родного «Драчливого», вымытый, с перевязанными ранами, с глюкозной капельницей, присоединенной к руке. Керк сидел напротив него, на боку его был бугор, там была повязка. Тека извлек у него несколько перерезанных кишок и связал несколько сосудов. Керк, казалось не заметил этого.

– Рассказывай, – сказал он. – Этот микрофон включен в систему корабля, тебя все услышат. Откровенно говоря, мы все еще не знаем, что случилось – кроме того, что и ты и Темучин говорили, что из-за выигрыша все потеряно. Это очень странно.

Мета наклонилась и вытерла лоб Язона сложенной марлей. Он улыбнулся и пожал ее пальцы, потом заговорил:

– История такова. Я нашел ответ в библиотеке. Позже, чем следовало, но все же не в последний момент. Библиотека пересказала мне множество книг и очень быстро убедила меня, что культура не может быть изменена извне. Она может быть уничтожена, но не изменена. А именно это мы и пытались сделать. Вы когда-нибудь слышали о готах или гуннах, племенах Старой Земли?

Они покачали головами, а он в это время отпил из стакана.

– Это были отсталые племена, жившие в лесах, любившие пить и убивать, гордящиеся своей независимостью и сражавшимися с римскими легионами. Римляне их постоянно били, и думаете, это послужило для них уроком? Ничего подобного. Выжившие собирались, уходили глубже в леса и сохраняли свою культуру и свою независимость нетронутыми. Их культура была изменена только тогда, когда они «победили». Со временем они двинулись на Рим, захватили его, познакомились с благами цивилизации. Они больше не были варварами. Древнейшие китайцы много столетий назад использовали такой же трюк. Они были плохими бойцами, но зато всех поглощали в себе. Их побеждали, но проходило время, и они подчиняли себе, своей культуре и своему образу жизни своих завоевателей.

Я усвоил этот урок и постарался сделать так, чтобы и здесь произошло тоже. Темучин был честолюбив и не мог противиться искушению завоевать весь мир. Он вторгся в низины, когда я показал ему путь туда.

– И выиграв, он проиграл, – сказал Керк.

– Точно. Мир принадлежал ему. Он захватил города и их богатство. Ему пришлось занять эти города, чтобы удержать их. Его лучшие офицеры стали правителями нового роскошного королевства и приняли эту непривычную роскошь. Это понравилось им. Они не хотели с ней расстаться. В глубине сердца они по-прежнему кочевники, но что можно сказать о последующих поколениях? Если люди Темучина останутся жить в городах и наслаждаться сибаритством, то как он сможет вернуть их к законам кочевой жизни? Ни один варвар не захочет остаться в холоде плато, если он может спуститься вниз и принять участие в дележе добычи. Вино, крепче, чем ачад, а у жителей низины есть даже перегонные аппараты. Кочевой образ жизни обречен. Темучин понял это. Победив, он сам разрушил образ жизни, который породил его и позволил ему победить. Поэтому он и называл меня демоном и ненавидел.

– Бедный Темучин, – сказала Мета с внезапным пониманием. – Честолюбие погубило его, и он понял это. Хотя он и был завоевателем, но он потерял больше всех.

– Он потерял свой образ жизни и саму жизнь, – сказал Язон, – но он был великим человеком.

Керк нахмурился.

– Не говори мне, что ты жалеешь о его смерти.

– Вовсе нет, он получил все, что хотел, потом умер. Каждый ли может сказать это о себе?

– Выключи микрофон, – сказала Мета, – ты можешь идти, Керк. – Огромный пиррянин открыл рот, собираясь возразить, потом улыбнулся и вышел.

– Что ты собираешься теперь делать, – спросила Мета, когда дверь закрылась.

– Спать целый месяц, есть бифштексы и выздоравливать.

– Я не об этом спрашиваю. Собираешься ли ты уходить? Или останешься здесь с нами?

– Это беспокоит тебя?

– Да, и для меня это ново. – Лоб ее сморщился от усилий передать свои чувства в словах. – Когда я с тобой, я хочу говорить тебе странные вещи. Знаешь ли, как звучат самые приятные для пиррянина слова?

Он покачал головой.

– Мы говорим – ты хорошо сражаешься. Но тебе я вовсе не это хочу говорить.

Язон владел девятью языками и знал точно, что ему хочется сказать ей, но молчал. Он отвернулся.

– Нет, смотри на меня, – сказала Мета, беря его голову в руки и ласково поворачивая к себе. Ее жест говорил больше, чем слова, и он устыдился своей неспособности говорить. Но продолжал молчать.

– Я разыскала слово «любовь», как ты велел мне. Вначале оно было для меня лишь словом. Но когда я думала о тебе, мне ясно становилось его значение.

Лица их были близки, она смотрела на него немигающим взглядом.

– Я люблю тебя, – сказала она. – Я всегда буду любить тебя. Ты не должен оставлять меня.

Простота ее чувства прорвала годами сооружаемую им защитную дамбу. Он всегда был одинок. Никто не заботился о нем. Женщины приходили и уходили. Я сам могу позаботиться о себе, я не нуждаюсь ни в ком... – думал он.

– Клянусь звездами, я тоже люблю тебя, – сказал он, прижимаясь к ней.

– Ты не должен больше оставлять меня, – прошептала она.

– И ты тоже не должна. И это самая краткая и лучшая брачная церемония. Можешь сломать мне руку, если я взгляну на другую девушку.

– Пожалуйста, не говори так.

– Прошу прощения, во мне говорит прежний Язон. Мне кажется, что нам обоим не доставало нежности. Не только мы, но и все пирряне нуждаются в этом. Не покорность, вовсе нет. Немного больше цивилизованности. Думаю, что теперь это наладится. Скоро можно будет открыть шахты, так как все племена кочевников спускаются в низины. Похоже, что пирряне приобретут долины.

– Да, это будет наш новый мир. – Она помолчала немного, как бы взвешивая свои слова. – Мы пирряне останемся здесь. А ты? Мне не хотелось бы оставлять свой народ, но если ты уйдешь, я уйду с тобой.

– Я останусь здесь. Я член племени – ты разве не помнишь? Пирряне грубы, упрямы и вспыльчивы, мы знаем это. Но и я таков. Вероятно я, наконец, нашел свой дом.

– Со мной, всегда со мной?.

– Конечно.

После этого для слов уже не было места.